ЗАПИСКИ

ИНСТИТУТА ВОСТОКОВЕДЕНИЯ АКАДЕМИИ НАУК СССР

II, 1

1933

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР · ЛЕНИНГРАД

ЗАПИСКИ

ИНСТИТУТА ВОСТОКОВЕДЕНИЯ АКАДЕМИИ НАУК СССР

II, 1

1933

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР • ЛЕНИНГРАД

Напечатано по распоряжению Академии Наук СССР
Октябрь 1933 г.

Непременный секретарь *В. Волгин*

Редактор издания академик С. Ф. Ольденбург

Технический редактор К. А. Гранстрем — Ученый корректор Е. М. Мастыко

Сдано в набор 4 марта 1933 г. — Подписано к печати 5 октября 1933 г.

36 стр. + 1 табл. + 1 карта
Формат бум. 72 × 110 см. — $3^5/_8$ печ. л. — 44046 тип. зн. — Тираж 1000
Ленгорлит № 16723. — АНИ № 254. — Заказ № 1825

Типография Академии Наук СССР. В. О., 9 линия, 12

СОДЕРЖАНИЕ

SOMMAIRE

Акад. И. Ю. КРАЧКОВСКИЙ

Неизданное письмо Шамиля

Среди обширной литературы первоисточников о Шамиле (ок. 1798—1871)[1] его письма в арабском оригинале до сих пор остаются неизвестными и неизданными. Едва ли теперь можно учесть сколько-нибудь точно, какое количество их сохранилось и где они в настоящее время находятся. Русские переводы писем Шамиля со времени переезда в Россию (1859 г.) иногда публиковались: так, напечатаны «письма Шамиля и его жен» с 1859 по 1871 г. наместнику Кавказа А. И. Барятинскому.[2] Печатались переводы и отдельных писем, например, письма от 11 октября 1859 г. из Калуги наместнику Кавказа,[3] или письма из Медины «2 Зикаде 1287 года» (24 января 1871 г.) великому князю Михаилу Николаевичу.[4] Несомненно, что библиографические разыскания обнаружат немалое количество опубликованных писем Шамиля, но где их оригиналы и сохранились ли они, об этом нет сведений.

В оригиналах мне известно только небольшое собрание писем Шамиля и его сподвижников времени его борьбы с русскими.[5] Оно было захвачено в двух аулах в 1849 и 1852 гг. и поступило еще в 1853 г. от ген. И. А. Бартоломея через акад. М. Броссе в Азиатский музей Академии Наук, где и находится теперь в архиве.[6] В связи с политическими обстоятельствами и пометкой М. Броссе на конверте «Ne communiquer qu'avec

[1] Основные библиографические пособия указал W. Barthold в статье «Shāmil» в Enzykl. d. Islām, IV, 330. Рядом отдельных сообщений я обязан всегдашней внимательности А. Н. Генко.

[2] Русская Старина, XXVII, 1880, 805—812.

[3] Русский Инвалид, 1859 г., № 228 (24 октября), стр. 930. По содержанию оно близко к опубликованному в Русской Старине, XXVII, 1880, 806.

[4] Кавказ, 1871 г., № 96 (18 августа), стр. 1—2.

[5] К 1859 г. относится то письмо Шамиля к А. Казембеку, текст которого опубликован последним в J. A. s. 5, t. XV, 1860, 271.

[6] Шифр III 8 а.

réserve des pièces ci-incluses» об этой коллекции долгое время не было никаких печатных известий. Только через два года после смерти Шамиля акад. Б. Дорн представил в Академию 24 апреля (6 мая) 1873 г. краткое описание коллекции, которое и было опубликовано.[1] В значительной мере описание основано на приложенных к собранию письмах И. Бартоломея и П. Услара. Коллекция заключает девять небольших писем Шамиля,[2] которые по словам статьи, основанным на сообщении И. Бартоломея, в свое время переводились на русский язык.[3] Никакого текста этих писем Б. Дорн в своей статье не привел. Издание их представит немалые трудности, так как в связи с обстоятельствами военного времени они составлялись умышленно в запутанных и двусмысленных выражениях, понятных только для адресата.[4] В письме П. Услара, приложенном к собранию, вспоминается, что перехватываемые письма приводили в отчаяние арабских переводчиков, находившихся при войске и хорошо знакомых со всеми условиями момента.

Арабские письма Шамиля важны не только как непосредственный первоисточник для его истории в некоторых не всегда освещенных деталях. Для арабиста они интересны как документы проникновения арабского языка на Кавказ, совершавшегося в сравнительно позднюю эпоху. Шамиль считался одним из выдающихся «арабистов» своего времени на Кавказе;[5] изучение связанных с его именем писем представляет любопытную задачу для освещения пережитков арабского средневековья в XIX веке. Это обстоятельство позволяет мне опубликовать в оригинале одно до сих пор неизвестное письмо, относящееся к последним годам жизни Шамиля.

Сохранилось оно в собрании Института книги, документа, письма Академии Наук СССР и входило в состав коллекции Н. П. Лихачева. Владельцем оно было приобретено вероятно на одном из заграничных немецких аукционов; об этом говорит приложенная к письму наклейка из антикварного каталога, которая гласит:

543. Schamyl, Anführer der Tscherkessen in ihrem Freiheitskampfe gegen Russland, 1797—1871. L. s., arabisch, 1 p. schmal fol. Die Authen-

[1] Über die im Asiatischen Museum befindlichen Briefe Schamil's und seiner Anhänger (Mélanges Asiatiques, VII, 1873—1876, 45—52).

[2] Ibid. 47. Писаны письма не им самим и только снабжены его именной печатью.

[3] Ibid., 46, 50.

[4] Ibid., 52.

[5] Ср. отзыв о нем в этом смысле проф. А. Казембека в письме Garcin de Tassy (J. A., s. 5, t. XV, 1860, 270—271).

ticität der Unterschrift ist bestätigt von dem russischen Geschäftsträger Staal, 19/31 Juli 1869.

Письмо написано на листе хорошей бумаги без водяных знаков размером в 26×14.5 см и перегнуто втройне, а затем сложено в виде конверта, запечатанного сургучной печатью. Сургуч частью выкрошился, и надпись на печати разобрать невозможно. Текст письма занимает 9 строк одной страницы и имеет следующий вид:

الى المحب المخلص كنياز بوغوسلوسكى دام عزه و كرمه ما دام
الدهور[1] والازمان اما بعد فان صهرنا عبد الرحيم
يرجع عن قريب وهو يخبر[2] احوالنا لابننا غازى محمد فلا تنظر[3]
الينا بنظر القصور وان استفسر عنا وعن احوالنا فانا فى صحة
و عافية وليس هم ولا غم سوى عدم رؤيتكم و رؤيته
و انا داعون له بالخير فى الاوقات المستجابة و بعد الصلاة
الخمسة آه[4] هذا و السلام فى ١٢ ربيع الاول سنة ١٢٨٦
و انالشيخ[5] الهرم
شمويل[6]

Строки 8—9 с подписью были обведены синим карандашем и имели внизу приписку «de la main de Schamyl». И обводка, и приписка впоследствии были стерты, а взамен этого ниже подписи следует официальная заверка чернилом, сделанная той же рукой, что и карандашная приписка, такого содержания:

1 Слово пострадало от сургучной печати на обороте и восстанавливается здесь по догадке.

2 Текст дает скорее يخبر, но французский перевод и смысл требуют принятого чтения.

3 В тексте стоит ننظر; приходится читать تنظر (или ينظر).

4 Лигатура обычная в заключениях = انتهى.

5 В нормальном начертании ожидалось бы وانا الشيخ.

6 Перед первой строкой подписи имеется неясный знак, может быть неудавшееся начертание следующего слова. Во второй строке имя повторено дважды, вероятно потому, что первый раз оно несколько растеклось и оставлено без точек при буквах ش и ى, как при вторичном начертании.

Je, soussigné, certifie que la signature ci-dessus est de la[1] main de l'Imam Schamyl.

Buyukdéré, le 19/31 Juillet 1869
Staal
Chargé d'Affaires de Russie.

К удостоверению приложена круглая сургучная печать, на которой читается Ambassade de Russie à Constantinople. На обороте имеется арабский адрес[2] الى مخلص كنياز بوغوسلوكه, а над ним неясная лигатура, может быть сокращение принятого в письмах XIX века выражения بمنّه تعالى (милостию его, всевышнего).

Судя по официальному удостоверению, Шамилю принадлежит только подпись; однако сличение отдельных букв ее с основным текстом говорит скорее за то, что все письмо писано его рукой. Особенно характерно сочетание هر в слове الهرم подписи и الصهر текста, конечное م в слове الهرم (подпись) и دام или السلام (текст), срединный ش и س в словах شمويل и الشيخ (подпись) и بوغوسلوسكى или استفسر (текст). Начертание имени в подписи очень напоминает то, которое вырезано на печати Шамиля, очевидно по его автографу,[3] так что и при отсутствии удостоверения, в подлинности письма не приходилось бы сомневаться.

К письму приложен почтовый листок обычного формата с французским переводом письма в таком виде:

Traduction

A notre ami sincère[4] Bogouslawsky, que son bonheur et sa prospérité durent autant que dureront les siècles![5]

Notre gendre Abdourrahim, qui retourne bientôt, va donner de nos nouvelles à notre fils Ghazi Mouhammed, ne nous fais donc pas de reproches.

[1] С этим словом приписка переходит на оборот письма.

[2] В заглавии письма фамилия адресата изображена верно بوغوسلوسكى.

[3] Е. А. Вердеревский. Плен у Шамиля, СПб., 1856, перед частью III — автограф, перед приложениями — снимок с печати и медали.

[4] Опущено стоящее в оригинале كنياز.

[5] В оригинале два слова.

Si tu nous demandes[1] de nos nouvelles, ns[2] sommes en parfaite santé et n'avons d'autre préoccupation ni chagrin, que ceux que ns[3] cause ton absence, ainsi que la sienne.

Ns[4] prions Dieu pour Votre bonheur[5] ds[6] les moments propices[7] après les cinq prières. — Voilà tout, salut!

Le 12 du Rebi 'oul-evvel 1286. Moi, pauvre vieillard Schamyl.

Перевод этот, как ниже выяснится, принадлежит знающему лицу и вполне соответствует оригиналу за исключением некоторых отмеченных мелочей; лишь для полной точности я даю свой, более близкий к подлиннику перевод:

«Искреннему другу князю Богуславскому, да продлится его величие и честь, пока длятся века и времена!

А затем вот что. Зять наш ʿАбдурраҳӣм скоро возвращается и он сообщит о нашем положении нашему сыну Гāзӣ Муҳаммеду; не взирай же на нас взором упрека за небрежность. А если он осведомится о нас и нашем положении, то мы во здравии и благополучии и нет у нас другой заботы и печали, как отсутствие лицезрения вас и его. И мы воссылаем моления о благе для него во времена благоприятные и после пяти молитв. Кончено сие и мир вам. 12 рабӣʿ перваго 1286 года.[9]

А я старец дряхлый Шамуӣль.[10]»

Комментарий этого письма не представляет особых затруднений. Адресатом его является генерал Д. Н. Богуславский (1826—1893)[11], которой находился в близких отношениях с Шамилем[12]. Он был едва ли не

1 В оригинале не второе, а третье лицо.

2 Сокращение nous.

3 Сокращение nous.

4 Сокращение nous.

5 В оригинале третье липо.

6 Сокращение dans.

7 Опущено و оригинала.

8 Если читать ينظر — пусть он не взирает.

9 22 июня 1869 года.

10 Подпись по стилю сходна с подписями в других письмах последних лет Шамиля насколько об этом можно судить по переводам. См., напр., письмо от 4 марта 1869 г. из Киева «дряхлый старец Шамиль» (Русская Старина, XXVII, 1880, 805 сл.) или от 2 «зикаде» 1287 г. из Медины «больной и глубокий старец Шамиль» (Кавказ, 1871 г., № 96, стр. 2).

11 См. Список генералам по старшинству, СПб., 1890, 130, где имеется его краткий формуляр.

12 Князем Богуславский не был, но во время войн с русскими у многих кавказских горцев сложилось представление, что это — титул видных военных и чиновников.

первым приставом при нем в России, приехал вместе с ним в Калугу 10 октября 1859 г.[1] и пробыл два месяца.[2] Приезжал он в Калугу и позже, например, 28 апреля следующего года со сподвижником Шамиля Магомет Амином.[3] Шамиль очень к нему привязался и расставался с большим огорчением.[4] К сожалению Д. Богуславский не оставил своих воспоминаний о Шамиле, подобно своим преемникам — Руновскому и Пржецлавскому, но сношения между ними, повидимому, не прекращались и после этого времени, как показывает письмо. В момент его написания Д. Богуславский был первым драгоманом посольства в Константинополе;[5] этим и объясняется заверка письма русским посольством.[6] Французский перевод письма принадлежит самому Богуславскому, которому приходилось и неоднократно раньше переводить с арабского послания Шамиля.[7] Перевод переписан им собственноручно, как я убедился по сличению с находящейся у меня рукописью его перевода Корана с примечаниями, датированной 1871 годом.[8]

Относительно того, откуда отправлено это письмо, можно только строить предположения. Последнее время своего пребывания в России Шамиль провел, как известно, в Киеве, куда ему было разрешено переехать в виду плохого действия климата Калуги на здоровье семьи. Там в феврале 1869 года он получил разрешение отправиться в паломничество в Мекку.[9] Весьма вероятно, что письмо послано с пути уже после проезда

[1] Русский Инвалид, 1859 г., № 228 (24 октября), стр. 930 — перепечатка из Калужских Губернских Ведомостей.

[2] См. Руновский в Военном Сборнике, XI, 1860, отд. 2, 529.

[3] Руновский, ibid., XVII, 1861, 196.

[4] Руновский, ibid., XI, 1860, 529, 530, 534, 536, 538, 546, 548, 551, 576.

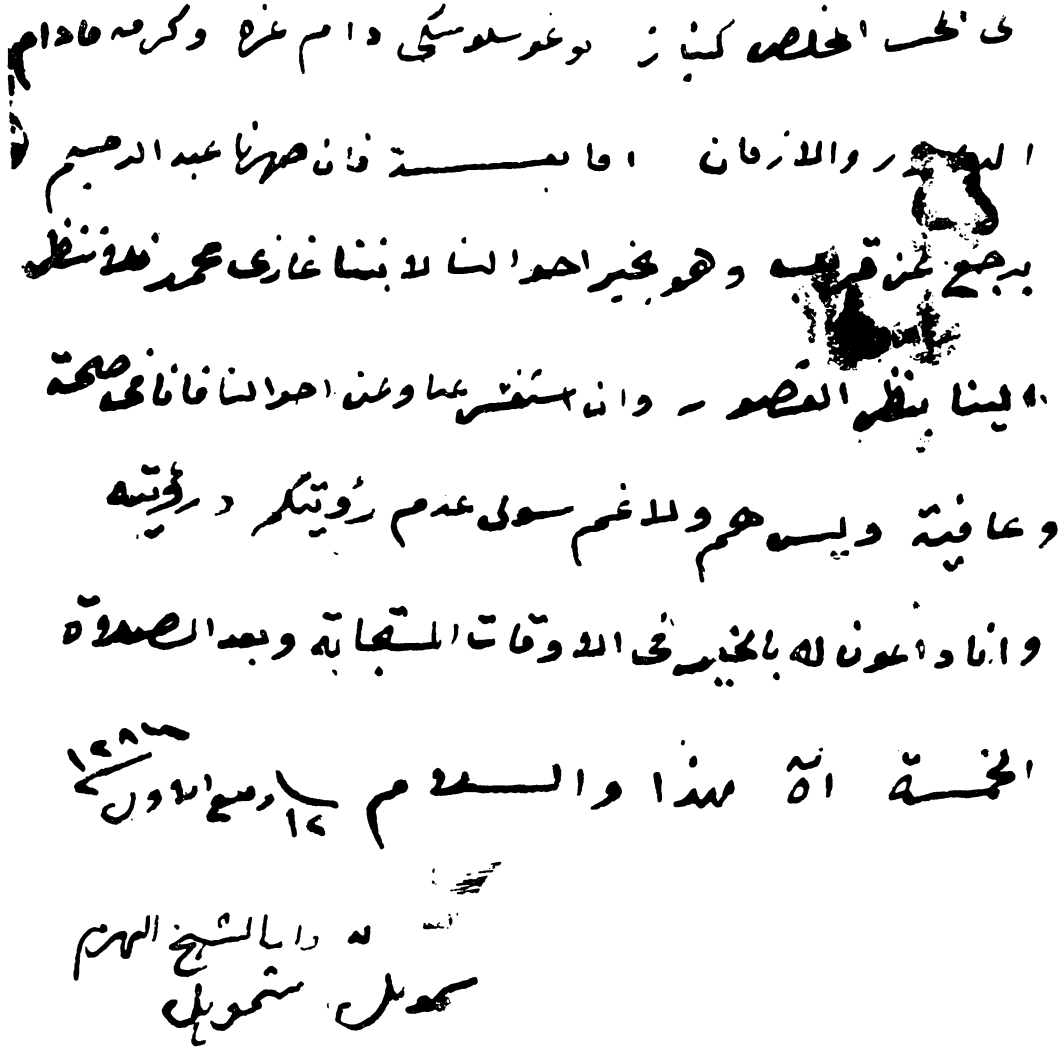
[5] Кавказский календарь на 1870 г., 155 (в календаре на 1868 и 1872 гг. его нет в списке).

[6] Подпись на удостоверении принадлежит советнику посольства Е. Д. Стаалю, впоследствии (с 1894 г.) послу в Лондоне (Альманах русских деятелей конца XIX столетия, изд. Г. А. Гольдберга, СПб., 1897, 1210—1. Указанием на этот источник я обязан Л. Б. Модзалевскому).

[7] См., напр., в «Письмах Шамиля и его жен» (Русская Старина, XXVII, 1880, 805—812) письмо от 10 сентября 1861 года из Калуги, которое «переводил полковник Богуславский» (ibid., 807).

[8] Особенно типично повторяющееся в одинаковой форме в обеих рукописях начальное À и характерные сокращения ns (= nous) и ds (= dans). О переводе Корана Богуславского мне приходилось уже случайно упоминать, ДАН-В, 1930, 184, прим. 15—16.

[9] Barthold в Enzykl. d. Islām, IV, 330. О получении этого долгожданного разрешения он пишет из Киева в письме 4 марта 1869 года (см. Русская Старина, XXVII, 1880, 805 сл.).

الى المحب الخالص كنياز دوغوروكوسكي دام عزه وكرمه مادام
الدهور والازمان اما بعد فان صهرنا عبد الرحيم
يرجع نحوكم قريب وهو يخبر احوالنا لا ابننا غازي محمد فننتظر
الينا بنظر القصور وان استخبرتم عنا وعن احوالنا فانا في صحة
وعافية وليس هم ولا غم سوى عدم رؤيتكم ورؤيته
وانا ادعو الله بالخير في الاوقات المستجابة وبعد الصلوة
الخمسة آه هذا والسلام ١٢ ربيع الاول ١٢٨٦

الداعي الشيخ الهرم
شمويل

Факсимиле письма Шамиля от 22 июля 1869 г.

через Константинополь, где Шамиль мог видаться с Д. Н. Богуславским.

Оба лица, упоминаемые в письме, достаточно хорошо известны, ʿАбдурраḥӣм, младший его зять,[1] был женат на второй дочери Шамиля Фāṭиме; в начале пребывания в Калуге (1859 г.) они были женаты более трех лет, хотя ʿАбдурраḥӣм был не старше 17 лет, а жене его было около 15-ти.[2] Он умер на Кавказе в 1904 году.[3] Гāзӣ Муḥаммед — старший сын Шамиля, считался его наследником.[4] В виду болезни отца ему было разрешено отправиться к нему в Аравию; впоследствии он остался в Турции, принимал участие в русско-турецкой войне 1877 года и умер в Мекке в 1903 г.[5]

Стиль письма не вызывает особых замечаний, хотя и не может быть назван блестящим и абсолютно правильным. В почерке чувствуется старческая рука, сказывающаяся как в отдельных дрожащих линиях, так и в некоторых описках при расстановке точек. Во всяком случае мы имеем здесь несомненный автограф Шамиля на склоне его лет, меньше чем за два года до смерти (4 февраля[6] 1871 г.); было бы желательно, чтобы настоящее издание помогло собрать сведения о других его письмах, сохранившихся в оригинале.

Ленинград. 12 июня 1932 г.

[1] Вероятно по недоразумению в переводе одного из его писем от 2 января 1869 года из Киева говорится «сын наш Абдуррахим» (см. Русская Старина, XXVII, 1880, 805 сл.).

[2] См. Русский Художественный Листок, 1860 г, № 10 (1 апреля), 33; Руновский в Военном Сборнике, XIII, 1860, 193, 206—208; XVII, 1861, 168, № 17, 169, 176—177; Пржецлавский в Русской Старине, XX, 1877, 261—262, 481—482.

[3] См. Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. Вып. XL, 1909, 54. Ему принадлежат воспоминания о Шамиле, отрывки из которых опубликованы в русском переводе (Сборник, вып. XXXII, 1903, отд. 1, стр. 10—24).

[4] Русский Художественный Листок, 1860, № 10 (1 апреля), 32; Руновский в Военном Сборнике XIII, 1860, 193; XVII, 1861, 168, 174—176; Пржецлавский в Русской Старине, 1877, XX, 260.

[5] Barthold в Enzykl. d. Islām, IV, 330.

[6] Эта дата в Сборнике материалов для описания местностей и племен Кавказа, вып. XXXII, 1903, 24. У Barthold'a, Enzykl. d. Isl., IV, 330, указан март.

Акад. И. Ю. КРАЧКОВСКИЙ

Арабская рукопись воспоминаний о Шамиле

Значение арабских источников для истории стран, вошедших в состав СССР, достаточно хорошо известно. Если они до сих пор и не приведены в известность с исчерпывающей полнотой, то во всяком случае привлекаются частично всеми исследователями истории соответствующих эпох и территорий. Главную роль они играют для периода раннего средневековья, но тем не менее и в последующие эпохи вплоть до XIX в. встречаются отдельные памятники выдающегося значения. Достаточно упомянуть путешествие Макария антиохийского в первой половине XVII в., арабский текст которого дождется когда-нибудь исследователя, в первую очередь по материалам ленинградских собраний,[1] или трактат о России писателя 1758 г., хранящийся в библиотеке India Office в Лондоне и известный до сих пор только по случайным упоминаниям.[2] Даже в пределах XIX в. можно найти не только отдельные упоминания о России и населявших ее народах, но источники, заслуживающие внимания в полном объеме. На первом месте здесь надо поставить путешествие Тантави, которое в ряде глав дает любопытную картину русского быта 40-х годов и материалы для исторической топографии С.-Петербурга.[3] И другие арабские путешественники не только XIX в., но иногда и XX в. сообщают отдельные данные для освещения тех или иных сторон, особенно из жизни мусульманских народов бывшей Рос-

1 Единственные опубликованые до сих пор отрывки, которые изданы К. Бāшā по парижской рукописи, как показала недавняя заметка Х̣. Зайййāта (*ал-Машрик*, XXX, 1932, 561—571), напечатаны без должной критики текста; издание, начатое B. Radu в Patrologia Orientalis, сознательно не считается с рукописями ленинградских собраний.

2 Ср. B. Dorn «Mélanges Asiatiques», III, 1859, 679, и «Caspia», St. Petersburg, 1875, 262. Интересовался им и бар. Розен (см. «Описание бумаг», ИАН, 1918, 1338, № 65).

3 Общие сведения даны в моей работе «Шейх Тантави, профессор С.-Петербургского Университета». Л., 1929, 71—72.

сии. Они не могут итти в сравнение с произведением Тантави, но все же в деталях заслуживают внимания. Таковы, например, впечатления Решāд бея, посетившего ряд мусульманских областей России,[1] или Мухаммеда Ṭала'ата, бывшего одно время редактором арабской газеты *ат-Талмӣз* в С.-Петербурге.[2]

Исключительное и едва ли не наиболее важное значение за период XVIII—XIX вв. имеют арабские источники, относящиеся к Кавказу. Их основное преимущество в том, что они являются источниками не со стороны, а возникли в той самой среде, которой посвящены. Несмотря на то, что «исламизация» некоторых областей Кавказа относится к достаточно поздним периодам, «арабизация» их произошла так основательно, что в известных случаях арабский язык оказался главным литературным языком целого ряда областей. Так было, например, в Дагестане или Ингушетии, где это положение оставалось неизменным, можно сказать, до 20-х годов текущего столетия.[3] Помимо исторического значения источников такого рода, они любопытны как своеобразный отросток «арабской» литературы, не только не исследованный до сих пор сколько-нибудь обстоятельно, но даже и неизвестный в своих основных линиях в смысле элементарного учета.

Значительную группу этих источников составляют материалы, связанные с жизнью Шамиля. Основной трудностью в изучении их является то обстоятельство, что в лучшем случае они известны в русских переводах лиц не всегда компетентных или авторитетных; где находятся арабские подлинники и сохранились ли они, обыкновенно не выяснено. Одинаково это относится и к деятельности Шамиля на Кавказе и к его пребыванию в России. На одну категорию этих источников — письма Шамиля — мне приходилось недавно обращать внимание;[4] в настоящей статье я хочу

[1] Изданы они в 1915 г. в Каире: سياحة فى الروسيا بقلم رشاد بك مطبعة التقدّم... بمصر سنة ١٣٣٣—١٩١٥

[2] Напечатаны в 1908 г. в Каире: كتاب السير و النظر وهى رحلة تتضمّن احوال البلاد الروسية و علاقة المسلمين بها... تاليف... محمد طلعت ١٣٢٦—١٩٠٨ مطبعة التقدم بمصر.

[3] У меня хранится рукопись — автограф большого (ок. 850 стихов) произведения زبدة المصائب, посвященного мировому кризису и сочиненного ингушем محمد الدشلقى в 1928 г.

[4] В статье «Неизвестное письмо Шамиля» стр. 1—2.

ближе познакомить с арабским подлинником воспоминаний о нем, относящихся главным образом ко времени его жизни в Калуге.

Абсолютно неизвестной в науке рукопись считаться не может. В настоящее время она находится в Азиатском Музее Института Востоковедения Академии Наук под шифром Ms. Or. A 710 и в нее вложена следующая записка рукой В. В. Бартольда:

«Рукопись пожертвована для Азиатского Музея Академии Наук Евгением Густавовичем Вейденбаумом,[1] членом совета наместника его величества на Кавказе (Тифлис, улица Петра Великого, д. 1).

История последних действий Шамиля и его пребывания в России; автор — зять Шамиля, Абдуррахман б. Джемаль-ад-дин из Гази Кумуха; впоследствии казий в том же селении; занимал эту должность еще в 1308 (1890—1891) г., во время составления книги آثار داغستان, соч. ميرزا حسن افندي (напеч. в С.-Петербурге в 1312 г., стр. 206).[2] Абдуррахман часто упоминается в Дневнике приставленного к Шамилю полковника А. И.[3] Руновского (Акты, собранные Кавказской археографической комиссией, т. XII, стр. 1395—1526).[4]

Рукопись по заглавному листу есть *автограф автора*».

Судя по тому, что она имеет инвентарную запись 1908 № 14 47, рукопись поступила в Музей в 1908 г. Серьезного внимания исследователей она с той поры, повидимому, не привлекала; только тот же В. В. Бартольд в своей статье о Шамиле, помещенной в Энциклопедии Ислама в 1926 г., добавил о сочинении следующее:[5]

«Eine Schrift über Shāmil und seine Gefangenschaft ist in arabischer Sprache von seinem Neffen[6] ʿAbd al-Raḥmān in Kaluga verfasst worden;

[1] [Известный знаток Кавказа (1845— ?), автор ряда работ по истории, этнографии и естественной истории. Под его редакцией издан т. XII Актов, собранных Кавказской археографической комиссией (in folio, Тифлис, 1904), в значительной мере посвященный эпохе Шамиля].

[2] [В настоящее время этот источник доступен в русском переводе: «Книга Асари-Дагестан (Исторические сведения о Дагестане). Составил Мирза Гасан Эфенди, сын Гаджи Абдулла Эфенди Алкадари Дагестани. Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа, вып. 46, 1929, 14—193»].

[3] [У В. В. Бартольда по ошибке О.].

[4] [Специального упоминания о данном произведении в дневнике нет].

[5] Enzykl. d. Islām, IV, 330.

[6] Слово Neffe — племянник поставлено по недоразумению: ʿАбдарраҳмāн был братом жены Шамиля Зāхиды и мужем его старшей дочери Нефӣсы. См. «Список семейству Шамиля, отправляемому из Темир-Хан-Шуры в Калугу» (Акты, собранные Кавказской археографической комиссией, XII, Тифлис, 1904, 1183—1184).

die Handschrift befindet sich jetzt im Asiatischen Museum im Leningrad; eine russische Übersetzung davon (von A. Runowskiy) ist im Jahre 1862 in Tiflis erschienen (zuerst in der Zeitung Kawkaz, № 72—76)».

Ближайшее изучение рукописи прежде всего заставляет отказаться от мысли, что она представляет оригинал перевода А. Руновского, как указывает В. В. Бартольд. Этому противоречат уже внешние, хронологические данные. Перевод А. Руновского[1] был напечатан в №№ 72—76 «Кавказа» с 13 по 27 сентября 1862 г., т. е. в 1279 г. хиджры. Между тем рукопись Азиатского Музея на заглавном листе носит дату 1281 г. хиджры,[2] т. е. 1864—1865 гг. Эту дату можно считать временем окончания основной редакции рукописи; однако из самого текста извлекаются некоторые хронологические подробности, очень важные для литературной истории этого источника. На точные даты автор вообще довольно скуп, но некоторые указания его достаточно существенны. Он собирается описывать события с последнего периода деятельности Шамиля на Кавказе в 1276 г. (л. 2ᵛ, 50ᵛ), т. е. 1859 г., его пребывание в С.-Петербурге в 1277 г. (л. 76), говорит о назначении Руновского к Шамилю в том же 1277 г. (л. 110), приводит письма своего отца Джемāл ад-дӣна, относящиеся к 1278 г. (л. 113ᵛ, 120). Эти даты еще не противоречат времени появления перевода Руновского, но на ряду с ними имеются указания, говорящие, как и заглавный лист, о более позднем времени. Упоминая о полковнике Лазареве, который «теперь является правителем центрального Дагестана», схолия при слове «теперь» прибавляет: «т. е. в 1281 г.»[3] О полковнике Богуславском рукопись говорит, как о драгомане в Стамбуле;[4]

[1] По недоразумению предисловие к переводу в № 72 «Кавказа» помечено *Н.* Руновский.

[2] Полное заглавие рукописи таково: خُلاصةُ التّفْصيل عنْ احْوال شمويل لكاتبه المؤلّف سيّد عبد الرحمن بن جمال الدين الحسَيْنىّ إلغازى غموقىّ الدّغستانى فى كالوكه سنة ١٢٨١. В тексте сочинения, где упоминается заглавие л. 3ᵛ, оно дается с небольшим понятным вариантом خلاصة البتفصيل عن احوال الامام شمويل. На заглавном листе титул «имам» выпущен, так как он мог показаться в то время одиозным.

[3] Л. 32ᵛ: فبينما نحن كذلك أُخبر شمويل بان فلكونيك لازَرُوُف حاكم وسط داغستان آلآن (اى سنة ١٢٨١)...

[4] Л. 80: ... صديق الامام و محبّه العاقل اللبيب الترجمان الماهر الان فى داخل محروسة اسلامبول من طرفه العلى فلكونيك بُغُسْلَاوْسْكى...

по другим источникам нам известно, что он состоял драгоманом Министерства Иностранных Дел с 1862 по 1870 г.[1] Рукопись писалась даже позже той даты, которая указана на заглавном листе: в одном месте автор говорит о «завершении пророчества уже 1282 года».[2] По схолиям, приписанным тем же почерком, что основной текст, видно, что рукопись оставалась у автора и пополнялась в деталях значительно позже. В двух схолиях при имени Шамиля прибавлена[3] эулогия «да помилует его Аллах всевышний», которая мусульманами делается только при именах умерших; таким образом приписка возникла не раньше 1871 г. (или 1287 г. хиджры). Самой поздней замеченной мною в схолиях датой является 1300 г. х.,[4] т. е. 1883 н. э. Таким образом, по меньшей мере до этого времени рукопись, начатая писанием около 1864 г., продолжала находиться в руках ее автора и владельца, который усердно ее читал, дополнял и комментировал.

Что версия, представленная настоящей рукописью, не является оригиналом перевода А. Руновского, об этом говорят не только хронологические данные, но и самое содержание. В переводе Руновского воспоминания ʿАбдарраḫмāна много говорят о внутреннем строе резиденции Шамиля в Дарги и Ведено, следов чего в нашей рукописи совершенно нет. Также отсутствует ряд других отделов, представленных у Руновского, и наоборот, у последнего не нашли никакого отражения главы, имеющиеся в нашей рукописи. Сличение общих отрывков показывает резкое расхождение. Кое-что в этих расхождениях может быть отнесено на счет свободной манеры перевода Руновского,[5] однако появление целых отделов, отсутствующих в нашей рукописи, нельзя приписывать только его литературному творчеству. Все эти обстоятельства говорят, что обе версии — лежавшая в основе перевода Руновского и представленная в рукописи Азиатского Музея, в противоположность мнению В. В. Бартольда, различны.

Происхождение их, однако, одинаково. Руновский в кратком предисловии к своей работе говорит, что он переводит несколько отрывков из

1 Список генералам по старшинству, СПб., 1890, 130.

2 Л. 101: فى هذا الزمان مع انقطاع النبوة منذ الف ومائتين و ثمانين و اثنى سنة (За словом النبوة между строк схолия صح سنة تلثمائة منذ من).

3 Л. 35ᵛ и 36ᵛ.

4 Л. 101 (текст приведен выше).

5 Необходимо учесть, что едва ли он переводил непосредственно сам. Степень его владения арабским языком требует еще проверки: в своем дневнике он говорит только о том, что достаточно понимал кумыкскую речь (op. cit., 1436).

воспоминаний ʿАбдарраḫмāна, записанных последним по его просьбе. Рукопись Азиатского Музея после обычных вступлений тоже начинается упоминанием о просьбе Руновского.[1] Таким образом литературная история произведения представляется, повидимому, в таких рамках. Первый толчок к возникновению воспоминаний дал Руновский; записывались они, повидимому, без строгого хронологического порядка, по частям. Некоторые отрывки сейчас же после написания были переведены Руновским, причем выбор их, порядок, известная литературная обработка принадлежат не столько автору, сколько переводчику. Первый продолжал свою работу и после напечатания перевода, частью меняя литературную форму отдельных отрывков, частью записывая новые и удаляя старые, частью объединяя их в цельное произведение по известным ему арабским образцам. Эта работа по созданию книги (а не отдельных отрывков) была закончена около 1864—1865 гг., после чего произведение не подвергалось уже значительным изменениям: делались только отдельные приписки, вставки небольших фраз и пояснения. Рукопись Азиатского Музея мы можем считать окончательной редакцией книги, вышедшей из рук автора; переводы Руновского основаны на первоначальных набросках отдельных ее частей. При таком выводе значение рукописи, как не исследованного в целом первоисточника, ясно само собой.

Сочинение это в настоящем виде заполняет сшитую домашним способом тетрадку в 122 листа размером 11 × 18 см по 11 строк на странице.[2] По своему характеру оно представляет типичное произведение «арабской» литературы, насквозь традиционное, в которое автор хотел вложить всю проникавшую его книжную мудрость. Последнее обстоятельство немало вредит существу дела и значению книги, как исторического источника: иногда ценные факты оказываются совершенно завуалированными шаблонными фразами, стихотворными цитатами и ходячими образами арабской литературы.

[1] Л. 1^v—2^v: امّا بعد فقد سألنى... من كان عندى بالمحلّ الأسنى... افلون رُونُوسكى الذى اقامه الپادشاه الاعظم... عند الامام شمويل الكمراوى الداغستانى... ان أكتب له نبذة يسيرة من الوقائع الشامليّة فى الايّام الجهاديّة الآخريّة فى الديار الداغستانيّة مع ما اضمّ اليها من ذكر المراحم الايمپراطوريّة...

[2] Некоторые страницы сохраняют вдавленный штемпель «Троицкой фабрики Говарда»; фабрика эта находилась в Калуге и была осмотрена Шамилем 26 мая 1860 г., о чем говорится в рукописи л. 60^v сл. (Дата приводится в дневнике Руновского, op. cit., 1433—1434).

Приемы автора сказываются уже в приведенном выше рифмованном заглавии сочинения. Начинается оно со строгим соблюдением всех основных частей всякого введения, так называемого *басмала*, *ḫамдала* и *таçлийа*, после чего следует обычный переход к *аммā ба'д*, излагающий повод написания сочинения (с обстоятельным описанием роли Руновского) и только на л. 3^{v} мы встречаем, тоже согласно традиции, название сочинения в тексте, после чего начинается самый рассказ.

Меньшую часть — до л. 47^{v} включительно занимает описание последних действий Шамиля на Кавказе и обстоятельств его сдачи. Эта часть имеет некоторую параллель в известных арабских записках Гаджи Али, доступных в русском переводе.[1] Сопоставление их представляет тем больший интерес, что оба автора принимали нередко участие в одних и тех же событиях, освещая их в записках с своей точки зрения. Рассказ начинается с описания переселения Шамиля из Дарги в Ведено.[2] Из последующих этапов его постепенного отхода упоминаются «гора Килāль»[3] и последний пункт — известный Гуниб,[4] осаде которого уделено специальное внимание с некоторым нарушением хронологического порядка.[5] О всех обстоятельствах, сопровождавших сдачу, ведется подробный рассказ, который представляет интересный материал для сопоставления с показаниями русских источников. Большинство лиц, принимавших участие в событиях, как с русской стороны, так и со стороны Шамиля, специально упоминаются. Из русских военных и гражданских представителей, кроме наместника кн. Барятинского (л. 8^{v}), есть речь о ген. Врангеле (л. 9), кн. Тарханове (л. 12), кн. Аргутинском (л. 12^{v}), полковнике Лазареве, принимавшем ближайшее участие в переговорах (л. 32^{v}; 42), и других. Со стороны Шамиля кроме его сыновей: Муḫаммеда Шафӣ' (л. 16^{v}), Гāзӣ

[1] Гаджи Али. Сказания очевидца о Шамиле (перевод с арабского). Сборник сведений о кавказских горцах, вып. 7, Тифлис, 1873, 1—76. Где находится арабский оригинал, мне неизвестно.

[2] Л. 3^{v}: ولنشرع اوّلاً فى بيان انتقاله من دَرْغِه الجديدة الى ناحية الجبل وهى قرية بناها فى ساحة وِدِن...

[3] Л. 5: ...صعد على جبل كلال وهى قرية مؤسَّسة فى اصل هذا الجبل...

[4] Л. 8: فنهض الى تسريج مركب الهجرة من هذا الجبل الحصين الى جهة جبل غُنِبْ

[5] Л. 37^{v}.

Мухаммеда (л. 20), Джамāл ад-дӣна, умершего до сдачи (л. 31ᵛ) и целого ряда нāибов, особое внимание уделяется известному Султāн Даниялю Елисуйскому (л. 19ᵛ) и Кибид Мухаммеду (л. 28—29). Обстоятельным описанием встречи с Барятинским эта часть заканчивается (л. 42 сл.).

Вторая основная часть начинается обычным для автора реторическим растянутым переходом со вставленными стихами и вводными рассказами.[1] Сравнительно сжато повествуется здесь о кратковременном пребывании в Темир-Хан-Шуре (л. 53ᵛ), Чугуеве (ib.) и Петербурге (л. 54ᵛ). Главное внимание уделено переезду в Калугу (л. 55ᵛ) и жизни там со всевозможными характерными для автора отступлениями. Здесь специально упоминается о назначении Руновского и услугах, оказанных им Шамилю.[2] Из «событий» этого времени особое место занимает осмотр бумажной фабрики (л. 60ᵛ), сахарного завода (л. 62ᵛ), приезд в Калугу английского акробата (л. 72). К этой части примыкает описание поездки Шамиля в мухарреме 1277 г. (июль — август 1860 г.) в С.-Петербург,[3] с крайне характерным для всего мировоззрения автора описанием железной дороги из Москвы в С.-Петербург (л. 77—80), снабженным даже примитивным чертежом (л. 78). В С.-Петербурге Шамиль был встречен Богуславским (л. 80), побывал на параде в Красном Селе (л. 83) и у кн. Барятинского в Петергофе (л. 89), в связи с чем автором дается описание знаменитых фонтанов. В этот раз он ездил в Кронштадт (л. 95ᵛ), специально осматривал «кузницы» адмиралтейства (л. 98ᵛ), стеклянный завод (л. 99), монетный двор (л. 99ᵛ), зоологический сад (л. 102), обсерваторию (л. 112ᵛ). После аудиенции у Александра II (л. 106) Шамиль вернулся в Калугу. Из «событий» последующего времени упоминается только операция ног, произведенная дочери Шамиля Неджāбе доктором Корженевским (л. 110ᵛ). Заключение книги довольно неожиданно посвящено отцу автора Джемāл ад-дӣну, который оставался на Кавказе и желал отправиться в паломни-

[1] Начало л. 48: و هنا تمّ الكلام على اصحاب الامام واهالى داغستان و لنذكر لك ايضًا نبذة يسيرة ممّا تلقّاه الامام فى روسيّة من الپادشاه الاعظم

[2] Л. 76: فصل فى ذكر رحلة الامام شمويل الى الپادشاه الاعظم الذى وصله بصلات خارجة عن العادات ففى السنة السابعة والسبعين بعد الالف و المائتين جاء الفرمان العلى بتلغراف من مدينة فتربرغ يدعوه اليه

[3] Л. 60, 70, в дальнейшем еще л. 110.

чество в Мекку.[1] В связи с этим приводится ряд его писем Шамилю и сыну (л. 115^{v} и 119) В конце книги автор еще раз считает нужным подчеркнуть, что она составлена им не ради каких-нибудь материальных выгод, а из стремления рассказать об испытанном и виденном Шамилем.[2] Завершается книга, тоже по традиции, цветистым заключением автора о пользе, которую могут извлечь из его произведения читатели.[3] За ним следовало посвящение наместнику Кавказа Михаилу Николаевичу и стихотворение в его честь (л. 122^{v}). Конец рукописи отсутствует, но, судя по внешнему виду и по содержанию, в ней не хватает только одной страницы с окончанием стихов.

Таково содержание этого своеобразного произведения, одинаково интересного и для биографии Шамиля и для бытовой картины России в начале 60-х годов. Если по сюжету и автору оно связано с Кавказом, то по своей литературной родословной оно принадлежит к типичным образцам поздне-«арабской» литературы, показывая всю ее устойчивость не только в языке. Все построение в целом, композиция отдельных частей могут быть без труда перенесены в любую арабизованную страну ближнего востока и не нарушат общего стиля. Автор переполнен традиционным арабским материалом, он цитирует стихи и пословицы, приводит исторические рассказы про халифа ʿАбд ал-Мелика ибн Мервāна (л. 6^{v}), про легендарного героя щедрости Маʿна ибн Зā'иду (л. 116^{v}), рассказывает басню про собаку (л. 57^{v}), змею и лисицу (л. 103^{v}), льва и лису (л. 105) и т. д. Свои собственные стихи он сочиняет по всякому поводу без особого труда, приводя и короткие отрывки и образцы больших пьес — ḳаṣӣд.[4]

[1] Л. 113^{v}: خاتمة فى بيان ما تلقّى والدى سيّد جمال الدين الحسينى

[2] Л. 121: ثمّ من المعلوم البيّن انه لا يخفى على مُنْصِف فطنٍ أنّى ألّفت هذة الكُرّسة تصديقًا لقوله تعالى واما بنعمة ربّك فحدّثْ لا طمعًا لما فى ايدى من ذكروا فيها من الامراء العظام والوجوه الفخام

[3] Л. 122: وهذا آخر ما قصدته و نهاية ما حرّرته هنا وقرّرته... فلعلّ ما فيه يكون قوتًا لارباب البصائر و كفاية لاهل الفضيلة والخواطر

[4] Л. 41: فسنح لى ذكره بهذه القصيدة; л. 49^{v}: وقلت بهذا المعنى; л. 82: اتيت هنا; л. 122^{v}: و قلت ابياتا هى احرى فى حقه من التبر الاحمر والمسك الاذفر ابياتا مقرّرة فى حقّ ذلك الكريم

Более ценно то, что помимо своих собственных стихов он дает ряд отрывков из произведений своих предшественников по поэтическому творчеству на арабском языке в Дагестане. К сожалению ссылки даются крайне суммарно, в самой общей форме, без указания имени (которое быть может сознательно не называется).[1] Очень интересно то, что на ряду с отдельными отрывками приводятся большие извлечения из поэм, посвященных Шамилю и его сподвижникам. К сожалению и здесь имя точно не называется.[2] Было бы крайне желательно установить, не сохранились ли эти поэмы где-либо в кавказских рукописных хранилищах, так как помимо того, что они представляют любопытный продукт литературного творчества, и для истории Шамиля они явились бы не лишенным интереса источником. Помимо произведений серьезного характера автор приводит одну элегию на смерть осла, сочиненную тоже одним дагестанцем, имя которого указывается в позднейшей схолии.[3]

Хотя воспоминания ʿАбдарраҳмāна по языку и по форме являются произведением «арабской» литературы, тем не менее для обычного арабиста едва ли они окажутся доступными. Если литературные намеки и цитаты, которыми насыщено произведение, будут ему понятны при известной начитанности в арабской классической литературе, то для расшифровки имен и фактов потребуется уже систематическое знакомство с параллельными источниками по истории Шамиля. При изучении рукописи встречается немало трудностей и «технического», так сказать, порядка. Язык в общем остается в рамках обычных литературных норм и не представляет еще особо сложных комбинаций для непосредственного понимания.

[1] Л. 18: و فى ذلك الخطب يقول العاقل اللبيب والعالم الاديب الداغستانى; л. 20^{v}: و قد افتخر به واحد من علماء داغستان على سائر البقاع و القلاع و الجبال و العوالى; л. 22^{v}: و فى ذلك يقول المادح المذكور الداغستانى و بالغ فى مدحه له و قال; л. 97: و من ثمّ وصفهم الشاعر الداغستانى بقوله الفصيح لله درّه

[2] Л. 28—29: ...اوردت هنا قصيدة غير طويلة مشيرة الى بعض شمائله; л. 29—31: فبناء على ذلك اتيت هنا ابياتًا نظمها من نظم قبل فى حقّ المدير قبد محمد; л. 46—48: نظمهم واحدٌ من علماء داغستان... فى قصيدته هذه فأنشد رحمهِ الله تعالى

[3] Л. 61^{v}—62: وقد نظم أوحدىّ من علماء داغستان مشهور بها ...ما يشتمل على الرثاء فى حماره الذى كان يعين به فى خدمات البيت... فهو يرثيه و يجزع بعد غيبته عنه... (К слову اوحدى схолия между строк: وهو سعيد افندى الهركتى المشهور منه. Окончание имени, стоящего за افندى, написано нечетко).

Конечно, в нем немало неологизмов арабского типа, не встречающихся в словарях; исследователю придется со временем выяснить, являются ли они исключительной принадлежностью арабских памятников кавказского происхождения;[1] особенно много таких неологизмов, как и следует ожидать, в терминах оружия.[2] Не надо специально оговаривать, что на всем протяжении рукописи встречается много русских слов, дешифровка которых и при знании русского языка не всегда дается сразу: некоторые из них, повидимому, вошли в соответствующие тексты кавказского происхождения,[3] другие представляют иногда довольно неожиданное обличие.[4]

Сложнее языка, с арабистической точки зрения, самый шрифт рукописи, требующий известного навыка. Хотя в общем вся рукопись написана четко, но типичным для Кавказа почерком, еще совершенно не изученным в арабской палеографии. Рукопись много читалась, что особенно заметно по нижним углам страниц со следами пальцев. Приписки говорят о продолжительной работе автора над ней. Очень часто на полях и между строк мы встречаем дополнения или схолии, вписанные миниатюрным шрифтом, но повидимому той же рукой.[5] Точно так же иногда восполняются пропуски одного-двух слов с обычным знаком.[6] Отдельные буквы нередко снабжены особыми значками, которые потребуют еще специального палеографического анализа. На первый взгляд некоторые из них остаются непонятными.[7]

[1] Таково, например, слово مكاعب (л. 92) со значением «туфли», форма كروس (л. 78^{v}) «стулья» вместо обычного كراسى и т. д.

[2] Непонятным мне остается слово مكفل (л. 40) со множественным مكافيل (л. 37, 54, 95^{v}) и كنافر (л. 55).

[3] Например, منات со значением «рубль» (лл. 27, 52^{v}, 55^{v}, 56^{v}, 108^{v}).

[4] Форма سلاديت (лл. 5, 9, 23) как множеств. от «солдат».

[5] Обыкновенно они заканчиваются словом منه (вероятно со значением «оттуда же» или «от автора»); реже встречаем обычное в окончаниях آه (сокращение слова انتهى «закончено»).

[6] Чаще всего صح — «верно».

[7] Такой для меня является в настоящее время крупная буква حٓ, более 40 раз встречающаяся в связном тексте и разбивающая фразу (л. 5^{v}, 7^{v}, 9 — дважды, 10, 11^{v}, 18, 26, 26^{v}, 32, 34, 34^{v}, 35, 35^{v}, 36^{v}, 37^{v}, 38, 39^{v}, 40, 44, 51, 53^{v}, 55^{v}, 64^{v}, 65, 65^{v}, 76^{v}, 80^{v}, 81^{v} 90, 90^{v}, 94, 107, 108, 109^{v}, 111^{v} дважды, 112, 112^{v}, 114, 121^{v}). Считать ее обычным сокращением حاشية или رحمه الله не позволяет контекст.

Все трудности, встречающиеся при изучении рукописи, однако, не настолько значительны, чтобы их нельзя было преодолеть. Издание и перевод этого памятника представляются делом осуществимым, хотя и потребуют немалого труда, если принять во внимание, что до сих пор не имеется ни одного критического издания какого-нибудь памятника арабской письменности на Кавказе. Нужно положить начало опубликованию этих памятников, и записки ʿАбдаррахмāна имеют право на одно из первых мест в такой серии.

Ленинград. Октябрь 1932 г.

А. Н. ГЕНКО

Арабская карта Чечни эпохи Шамиля

В бумагах, переданных Историко-археографическому институту Академии Наук из рукописного отделения Библиотеки Академии, в числе других материалов архива гр. Шуваловых, оказалось довольно большое количество документов, относящихся к замечательной в истории царской России семье кн. Воронцовых и, в частности, к Михаилу Семеновичу Воронцову, наместнику Кавказа с 1844 по 1854 г. Среди этих последних был обнаружен и тот документ, который послужит предметом обсуждения в нижеследующих строках.

При ближайшем рассмотрении документа оказалось, что мы имеем дело с анонимной картой Чечни эпохи Шамилевского имамата.[1] Карта представляет собою большой лист, составленный из нескольких кусков бумаги, наклеенных на коленкор; длина листа 106 см, ширина 68 см. Почти все пространство заполнено очерченным голубовато-зеленой полосой прямоугольником, края которого приходятся на трех сторонах (верхней и обеих боковых) на края самого листа; лишь в нижней части листа полоса, обрамляющая прямоугольник, отступает на несколько сантиметров от края листа и, прерываясь в четырех листах, оставляет внизу место для обозначенных кирпичного цвета краской пяти маленьких прямоугольников, заполненных двустрочными арабскими надписями. Карта исполнена в четырех, различной густоты красках: черной, голубой, зеленой и кирпично-красной. Черной краской нанесены все легенды карты; ею же, в форме неровных, то утолщающихся, то утончающихся волнообразных полос, обозначены горные хребты, отделяющие бассейны горных рек друг от друга и от плоскости; ею нанесены немногочисленные дороги, показанные на карте;

[1] Район, обнимаемый картой, представлен весьма неравномерно в отношении масштаба; значительную часть карты занимает план ставки Шамиля в селении Ведено.

ею же, наконец, означаются контуры зданий в аулах, ограды и частоколы, фигуры часовых, пушек и каких то копьеобразных орудий, о которых речь будет ниже. Голубовато-зеленого цвета, как сказано выше, окаймляющий бо́льшую часть карты прямоугольник; верхняя часть его выведена соответствующего цвета фестонами. Зеленая краска применена для означения рек и ручьев; в нескольких местах ею выведены очерченные черными линиями контуры зданий (мечети, минарета, дома Шамиля, Джамал-аддина); эта же краска использована местами для изображения, повидимому, ящиков для пушечных снарядов (как можно полагать соответственно появлению изображения рядом с пушками). Особой густоты и оттенка зеленая краска, покрывающая большой круг неясного значения (ср. ниже), расположенный в левой верхней части карты. Кирпично-красного цвета контуры большинства зданий и селений, нанесенных на карту; некоторые детали мечети и фигуры молящихся в ней людей исполнены в этом цвете; в этом же цвете представлены изображения мельниц на реке Хулхулау. Комбинированное, пересекающееся применение нескольких красок (черной, зеленой, красной) имеет место при расцветке крыш мечети и двух домов в центральной цитадели. Все краски порядочно пострадали от времени, повыцвели и полиняли. Лучше других сохранились черный (частично) и красный цвета. Общая ориентировка карты такова, что для сравнения ее с нашими картами приходится класть ее низом кверху: юг, на арабский лад, приходится наверх, север — вниз. Ввиду того, что составитель карты исходил из не вполне верного предположения о точно-экваториальном направлении Андийского хребта, отделяющего Чечню от Дагестана и служащего южной границей изображаемого картой района Кавказа (в действительности Андийский хребет имеет направление с юго-запада на северо-восток), несоответствие принятой у нас ориентировке еще усиливается. Вышеупомянутая, выведенная фестонами голубовато-зеленая полоса верхнего края карты изображает, как можно думать, снеговые залежи Андийского хребта. Начиная слева, на карте показаны следующие реки:

1. نهر يسِّ «река Аксай»;[1]

[1] Русский перевод собственных имен дается применительно к форме имен, принятой на издаваемой военно-топографическим отделом Кавказского округа пятиверстной карте Кавказа, в ее более новой (начиная с конца прошлого века) редакции. Арабские легенды карты во многих случаях ближе к местному (чеченскому) произношению; ср., например, ниже замечание по поводу названия селения Дарго.

2. впадающая в Аксай с левой стороны نهر الصّغير букв. «маленькая река» (на пятиверстке соответствует, повидимому, р. Азатли);

3. نهر أَخْكَهْ «река ущелья» (أخْكَهْ чеченское слово, означающее «балка, ущелье») впадает с правой стороны в следующую за ней:

4. نهر كُمْسِ «река Гудермес (гsp. Гумс)»;

5. نهر أَخْكَهْ (ср. выше, 3);

6. نهر أَخْكَهْ реки 5 и 6 сливаются вместе и впадают справа в следующую за ними:

7. نهر خولُخْلَو «река Хулхулау». В Хулхулау впадает выше впадения рек 5 и 6, с правой стороны, текущая через центральное укрепление Шамиля речка, именуемая:

7a. نهر الصغير يشرب اهل هذه القرية «маленькая речка, (из которой) пьют люди этого селения»;[1]

8. نهر عَرْجِن أَخْكَهْ «река Элистанджи» (букв. «река Черного ущелья», так как عَرْجِن значит по-чеченски «черный»), немного не дотекает до Хулхулау слева;[2]

9. نهر باس «река Басс»;

10. نهر وَاشَنْدَرْ «река Вашендар», впадающая справа в следующую за ней:

11. نهر أَرْكُونْ «река (Шаро) Аргун»;

12. نهر أَرْكُونْ «река (Чанты) Аргун», образующая затем с рекой 11 одну реку.

[1] Об этой речке, наряду с многочисленными другими подробностями топографии укрепленной резиденции Шамиля, см. в относящемся к 1848 г. рассказе М. Атарова, помещенном в газ. «Кавказ» за 1853 г., № 85.

[2] На пятиверстке старой (80-х годов XIX ст.) редакции «Арджин Ахк» названа не река, а селение на р. Хулхулау, располагавшееся при слиянии нашей реки с Хулхулау. О «ручье Арджин Ахк», вливающемся в Хулхулау в 8 верстах ниже укр. Ведено, см. у Берже «Чечня и чеченцы» (Тифлис, 1859), стр. 17 и 46. В последнем из цит. мест «река Арджи-Ахк» названа иначе «Алистанджи Ахк».

Некоторое количество ручьев, изображаемых, как выше упомянуто, узкой зигзагообразной чертой зеленого цвета, не имеет при себе названий.

Обратимся к названиям селений, нанесенных на карту. Между р. Аксай и «рекой ущелья» (выше под номером 3) показано:

1. هذا قرية دَرْغ «Это селение Дарго»[1]. «Маленькая речка», показанная выше под номером 2, разделяет Дарго на две части.

Ниже по течению р. Аксая, между реками 1 и 3, показаны:

2. هذا قرية زُنْتِر «Это селение Цонторой»;

3. هذا قرية كُرْجِل «Это селение Курчали» (надпись повторяется дважды);[2]

4. هذا قرية آنقل «Это селение Эникале». Повидимому, та же надпись повторяется при соседнем селении, в искаженной форме هذا قرايتقل.

Между «рекой ущелья» и Гудермесом показаны:

5. هذا قرية بَلْغَتهْ «Это селение Белгатой», и

6. هذا قرية نَجُّى «Это селение Тезенкале» (другим названием селения, приводимым на пятиверстке старой редакции, было Наджо; существовало, впрочем, и независимо от Тезенкале упоминаемое селение Нажи rsp. Ножи).

Между Гудермесом и речкой, упомянутой выше под номером 5, расположены на карте:

7. هذا قرية اَرْسِن «Это селение Эрсеной»;

8. هذا قرية آخشبَات «Это селение Агишпатой»;

9. هذا قرية كُن «Это селение Гуни»;

10. هذا قرية اَچَرّشْكَهْ «Это селение Ачаришки»; и, наконец,

11. هذا قرية كُورِنبيى «Это селение Куренбий».

[1] На карте собственно «Дарги» (darγi), что более соответствует действительному произношению. Сам Шамиль называл это селение именно Дарги.

[2] Селений Курчали на совр. карте три: верхнее, среднее и нижнее. Подробности касательно истории возникновения как этих селений, так и вообще большинства других упоминаемых здесь селений см. у Ив. Попова, ниже цит. сочинение.

На правой стороне карты, между реками «Черного ущелья» (выше номер 8) и Басс, находим:

12. هذا قرية اَلِسْتِينْجَهْ «Это селение Элистанджи»;

13. هذا قرية خَتُّنِ «Это селение Хатуни»;

14. هذا قرية تَوْزِنِ «Это селение Таузень»;

По другую сторону реки Басс помечены:

15. هذا قرية مَخْكَطَهْ «Это селение Махкеты»;

16. هذا قرية آغَشْطَهْ «Это селение Агашты».

На этом кончается район Чечни, называемый Ичкерия, непосредственно находившийся во власти Шамиля; в примыкающей с запада части Аргунского округа Чечни, в бассейне рек Шаро- и Чанты-Аргун показаны следующие населенные пункты:

17. هذا قرية اُلُسْكَرْتَهْ «Это селение Улускерт»;

18. هذا قرية دَاجُونْ بَرْزِي «Это селение Дачу Барзой»;

19. (?) هذا قرية[1] دوئَن «Это селение Дуба-юрт»;

20. (?) هذا قرية اِسْمَيلِن «Это селение...».[2]

Наконец, на левой стороне Аргуна помечены два селения с одинаковой подписью:

21. هذا قرية چِشْكَهْ «Это селение Чишки».

Как указано выше, карта обрамлена четырехугольной полосой голубого цвета. Полоса эта выделяет, очевидно, подчиненную власти Шамиля

[1] М. б. описка вместо دوبُن.

[2] Отожествить это название с каким-либо из современных трудно: район между селением Дуба-юрт и лежащим ниже по течению селением Чахкери (впоследствии Воздвиженская) разорялся и заселялся много раз. Ср. замечание Берже, цит. соч., стр. 26. Букв. перевод легенды карты: «Это селение Измаила»; последнее слово поставлено в форме чеченского род. падежа и орфографически (без буквы ع) неправильно с арабской точки зрения.

часть горной Чечни и прерывается в четырех местах в нижней своей части (т. е. на севере, с нашей точки зрения) течением рек Гудермес (выше, 4), Хулхулау (8), Басс (10) и Аргун (11 и 12). Вне обрамления, в самом низу листа показаны следующие (считая опять слева направо) селения, находящиеся уже в плоскостной части Чечни:

1. هذا قرية كَلْدِكَان «Это селение Гельдыген»;

2. هذا قرية أَوْتِرِ «Это селение Автуры»;

3. هذا قرية شَالِ «Это селение Шали»;

4. هذا قرية باسِينْبِردي «Это селение Бассын Берды»;

5. هذا قرية جَخكِرِ «Это селение Чахкери».[1]

Центральное положение занимает на карте бассейн реки Хулхулау. Посредине, между реками «Река ущелья» (6) и Хулхулау, нарисован большой квадрат, изображающий в крупном масштабе укрепленную валом и стенами столицу Шамиля, селение Ведено, или, как ее называл по-аварски сам имам, «новое Дарго» (c̈ìjab̄ dàrγi), бывшее его резиденцией с 1845 по 1859 гг. Следующая приписка отмечает это место:

هذا قرية الامام شمويل ادامه الله فى هذه القرية امين

«Это селение имама Шамиля, да сохранит его бог в этом селении, аминь».[2]

Направляясь внутрь ограды от единственных ворот, ведущих с севера в укрепление, сразу же справа замечаем здание со стоящей при нем фигурой вооруженного человека, со следующей припиской:

هذا دار الحراسة

[1] Селения Бассын Берды и Чахкери существовали до 1859 г. О первом из них см. Ив. Попова «Ичкерия». Историко-топографический очерк (Сборник сведений о кавказских горцах, т. IV, Тифлис, 1870), стр. 16 и Н. Волконский, в «Кавказском сборнике», т. IV (Тифлис, 1879), стр. 93 сл. О втором см. Берже, цит. соч., стр. 26.

[2] Имеющиеся русские источники, в том числе и пятиверстка, помещают резиденцию Шамиля на «правом берегу левого притока реки Хулхулау» (назван на пятиверстке Шаудан), наша же карта называет рекой Хулхулау самый этот приток, тогда как Хулхулау наших карт носит название «реки ущелья» (см. выше, под номером 5). Подробное описание укреплений Ведено, на основании донесений взявшего его ген. Евдокимова, см. в цит. работе Н. Волконского, стр. 173 сл.

«Это местопребывание стражи». Аналогичная приписка имеется при другом здании, расположенном ниже по течению реки Хулхулау, при выходе ее на плоскость. Двигаясь дальше вглубь укрепления, по правую же сторону замечаем группу зданий, при которых читается:

هذه ديور مريدى الشمويل

«Это кельи[1] муридов Шамиля».

К ним непосредственно примыкает более значительное сооружение, с надписью:

هذه ديور جمال الدين الشيخ (sic) الداغستان

«Это кельи Джемаладдина, шейха Дагестана».

Левая сторона пространства внутри укрепления занята большим количеством зданий, среди которых выделяется большое двухэтажное сооружение, наполненное сидящими в нем в молитвенном положении людьми, при надписи:

هذا مسجد الامام شامل (sic) و مريديه (?)

«Это мечеть имама Шамиля и его муридов».

При мечети возвышается шестиэтажный (?) минарет. Остальное пространство внутри укрепления занято собственным жилищем Шамиля. Оно огорожено частоколом, у ворот показан часовой, стоящий неподалеку от помещения, где находилось 6 пушек.[2] Приписка у частокола гласит:

هذا غاف الشمويل ادامه الله على الصعادة [3] و السلطنة امين يا معين

«Это укрепленный частоколом[4] дом Шамиля, да сохранит его бог в его благополучии (rsp. возвышенности) и султанстве; аминь, о помощник!»

Карта не дает нам возможности в деталях разобраться в устройстве дома Шамиля: надписи, которые разъясняли бы назначение различных сооружений, показанных на карте, отсутствуют. Относительно дома Шамиля

[1] Слово ديور — редкая форма множ. числа от دير «монастырь»; чаще أديرة, أديار, ديورة (разъяснение И. Ю. Крачковского).

[2] Пушки отмечены и на валу главного, окружающего Ведено укрепления, в количестве четырех. О том, как отливались пушки для Шамиля, см. любопытный рассказ Магомет Тагира Карахского (Сборник сведений для описания местностей и племен Кавказа, вып. 45, Махач-Кала, 1926), стр. 143.

[3] Вероятно следует читать: السعادة «благополучие».

[4] Загадочного, не арабского происхождения термин غاف означает, несомненно, сооружение, огороженное частоколом, что явствует из появления его во всех случаях, где на карте изображается частокол.

мы располагали до сих пор материалом, по авторитетному отзыву самого Шамиля и его приближенных, вполне точным и надежным: планом «сераля или внутреннего двора Шамиля в ауле Дарги-Ведено, составленным глазомерно княгиней А. И. Чавчавадзе в 1855 году», приложенным к книге Е. А. Вердеревского «Плен у Шамиля и проч.» (СПб., 1856, часть I, стр. 94). Сравнивая материал нашей карты с этим планом,[1] нетрудно заметить ряд несоответствий, проистекающих частично от различия самых принципов составления плана и карты: наша карта дает, строго говоря, не план, а рисунок, стоя в этом отношении вполне на уровне донаучной, средневековой картографической техники. Другой причиной несоответствия служит, как можно думать, различие во времени составления этих документов; о хронологии карты см. ниже.

По правую сторону от селения Ведено, на левом берегу реки Хулхулау, наше внимание обращают на себя прежде всего три небольших домика на самом берегу реки, изображаемые в виде четырехугольников, четвертую сторону которых образует сама река. При каждом из них одинаковая надпись:

هذا رحًا «Это мельница».

В таком же непосредственном соседстве с рекой помещаются три сооружения — одно из них круглого плана, без объяснения его назначения, а при среднем подпись:

هذا غاى يصنع فيه البَارُوت (sic) «Это помещение (γaf), где делают порох».

Рядом большое сооружение, окруженное частоколом, защищаемое пушкой и стражей (символизируемой фигурой вооруженного человека при входе), с надписью:

هذا غاى يحفظ فيه الباروة (sic) «Это помещение, где сохраняется порох».

К югу от этого последнего (следовательно на карте *над* ним) показан ряд домов, толкуемый следующей припиской:

هذا ديور اَلروُس الراسخين فى دينهم لطاعة الا ننام (?!)

«Это кельи русских, твердых в своей вере, вследствие покорности...»[2]

[1] Отзыв Шамиля об этом плане см. в «Записках Абдуррахмана сына Джемал-эддинова о пребывании Шамиля в Ведене и о прочем», помещенных в газете «Кавказ» за 1862 г. (№ 72, от 13 сентября, стр. 411, примеч. 2).

[2] Последние два слова неясны, и потому перевод затруднителен. — М. б. следует читать الاثنام в смысле الاصنام «идолам (scil. иконам)»? (Замечание И. Ю. Крачковского).

Не подлежит сомнению, что речь идет здесь о поселении беглых русских солдат и старообрядцев, упоминаемых нередко в наших источниках: они служили у Шамиля в качестве прислуги и ценились за свои ремесленные познания.[1] Гаджи Али Чохский, в своем «Сказании очевидца о Шамиле», рассказывает об одном из переселений к Шамилю русских следующим образом: «В 1268 г. (мусульманск. летосчисления, т. е. в 1851 г.) около 20 казаков, с женами и детьми и двумя священниками, пришли в Дарги-Ведено и просили у Шамиля земли, чтобы поселиться. Он указал им место, где бы они могли построить дома и церковь. Через несколько времени в совете Шамиля зашла о них речь. Одни наибы говорили, что им дозволяется укрываться здесь, а другие отрицали. Шамиль сказал: «я не желаю, чтобы они здесь жили; их нужно отослать к их церкви» (в Гидатле есть церковь, построенная грузинами в 880 г. хиджры; длина ее 9 аршин, ширина 5, высота 13 и толщина стен $1^1/_4$ аршин).[2] Шамиль отправил их в Батлух, предписавши местному наибу поселить их там, отвести им землю для посева и охранять их. Когда они увидели, что наиб не исполняет относительно их приказания, то разбежались. Осталось их человек шесть, и тех окрестные жители в одну ночь умертвили».[3]

К северу от хранилища пороха (на карте *под* ним) обозначено селение, с пояснением:

هذا قرية المعرلنى (?) «Это селение Леня-горы».[4]

Расположение его между реками Хулхулау и Арджин-Ахк не позволяет, как кажется, отожествить его с упоминаемым в наших источниках неукрепленным предместьем аула Ведено. Названием своим селение связывается с названием расположенной к юго-западу от Ведено горы, именуемой на картах Леня-Корт (что значит *по-чеченски*: «вершина scil. гора Леня»; вышеприведенная легенда карты المعرلنى является ***аварским*** переводом чеченского названия и значит то же самое).

[1] Ср. слова С. Н. Шульгина, в статье «Рассказ очевидца о Шамиле и его современниках» (Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа, вып. 32, Тифлис, 1903), стр. 18.

[2] Здесь автор приводит интересное, совершенно неучитываемое в существующей литературе свидетельство о знаменитой Датунской часовне. Упоминаемое далее селение Батлух находится в Андийском округе.

[3] См. Сборник сведений о кавказских горцах, вып. VII (Тифлис, 1873), стр. 41—42 первой статьи.

[4] Не показано на известных нам картах.

Ниже по течению реки Хулхулау, между нею и течением одного из ответвлений реки Арджин-Ахк, расположено другое селение; при нем надпись:

هذا قرية جَواد خان غفر الله له آمين

«Это селение Джавад-хана, да простит ему бог, аминь».

Селение, ныне не существующее, называется в русских источниках Джантемир-Юрт.[1] Селением Джавад-хана оно названо, вероятно, потому, что в нем жил некогда (к моменту составления карты уже покойный, судя по относящемуся к нему арабскому выражению) известный сподвижник Шамиля, шубутовский наиб Джавад-хан, скончавшийся в начале 40-х годов.[2]

К «селению Джавад-хана» примыкает (или в нем находится) огороженное частоколом большое здание, при котором следующая приписка:

هذا غاى النائب اَمّلَاَت ادامه الله على النيابة آمين

«Это помещение наиба Уммалата, да сохранит его бог на наибстве, аминь».

Наиб Уммалат, здесь упоминаемый, известен в качестве ичкеринского наиба в кампанию 1858—1859 гг. и был в числе наибов, сдавшихся и перешедших к русским, после разрушения Ведено, 4 июля 1859 г.[3]

Большие затруднения представляет истолкование различных изображений, нанесенных на карту слева от Ведено, между реками 5 и 6. Наверху имеем изображение круга темнозеленого цвета, снабженного следующей надписью:

هذا مكان مرتفع يلعب عليه الروس

«Это высокое место, на котором играют русские» (?).

По соседству располагается ряд зданий, обнесенных с трех сторон стеною. *Над* стеной, около помещения, в котором изображено 15 неясного назначения предметов (не то копий, не то шомполов), приписано:

هذا دار يحفظ فيه غَلُنُس[4]

«Это дом, где сохраняются γalunus».

[1] Ср., например, Берже, цит. соч., стр. 28; Н. Волконский, цит. соч., стр. 134.

[2] О нем см. «Рассказ русского офицера, бывшего в плену у Шамиля в 1842 г.» в газете «Кавказ» за 1849 г., № 3, стр. 11; в записках, выше цит., Магомет Тагира Карахского, стр. 117, 121, 133—134 и 139.

[3] Ср. Волконский, цит. соч., стр. 245.

[4] Слово не арабское, установить происхождение и точное значение затруднительно.

Под стеной надпись, толкующая, повидимому, всю совокупность сооружений, обнесенных стеной, в том числе и дом, содержащий «γalunus». Надпись гласит:

هذا قلعة الروس «Это крепость русских».

На правом берегу «Реки ущелья» (выше под номером 5), почти при слиянии ее с рекой Хулхулау, расположено селение, объясняемое надписью:

هذا قرية وِيدَنَ الكبرى «Это селение большое (Дышни) Ведено».

Посреди селения располагается окруженное частоколом большое сооружение, с надписью:

هذا غاف النائب الحاج (sic) الحرمين حاج يوسف الغريب

«Это помещение наиба паломника в Мекку и Медину, Хаджи Юсуфа чужеземца».

Исчерпав, таким образом, содержание рассматриваемой нами карты, уместно обратиться к решению вопроса: когда и кем могла быть она составлена? Основными хронологическими вехами служат 1845 и 1859 гг.: это та эпоха в истории кавказского имамата, когда центром власти имама Шамиля служило селение Ведено. Некоторые данные позволяют, повидимому, уточнить эту датировку: 1) около 1855 года возник основанный выходцами из аула Цудахар (в сев. Дагестане) аул Ца Ведень, существующий и поныне.[1] Отсутствие его на карте датирует ее временем до означенного года; 2) по словам Абдуррахима, сына Джемаладдина, этот последний жил совместно с Шамилем, начиная «с 50-х годов».[2] Если положиться на это не слишком надежное и определенное указание, то отмеченная выше легенда карты, касающаяся «кельи Джемаладдина», позволит нам ограничить время возможности составления карты годами с 1850 по 1855; 3) наиболее интересное для нашей цели указание содержится в последней из числа вышеприведенных надписей, упоминающей наиба Хаджи Юсуфа. Обстоятельность этой надписи едва ли случайна. Сведения, имеющиеся в наших малоудовлетворительных, с точки зрения точности и полноты, источниках о сотрудниках имама отчетливо выделяют чуть ли не на первое место после Шамиля чеченца Хаджи Юсуфа, организатора ряда ответственнейших отраслей военно-административного устройства имамата. Он выступает перед нами и как дипломат, и как инженер, и как законодатель. Но он же известен

[1] Об основании аула см. Ив. Попов, цит. соч., стр. 7—8.

[2] См. С. Шульгина, цит. соч., стр. 13.

нам и в качестве картографа. Эта сторона его деятельности нашла свое выражение в опубликованной Линевичем в 1872 г. «карте горских народов, подвластных Шамилю».[1] В предисловии к изданию Линевича сообщаются сведения об авторе карты, основанные на его личных показаниях. «Предки Юсуф-Гаджи-Сафарова происходили из деревни Алды (в Чечне);[2] пятилетним мальчиком он отправился с отцом в Мекку, где тот и умер. Оставшись в Турции, Сафаров через несколько лет поступил в турецкий корпус, находившийся в Египте под начальством паши Магомед-Али, где служил до чина полковника (меир-алаї)». Здесь он «изучил арифметику, инженерное искусство, устройство крепостей и траншей; положил основание многим городам и проводил воду к ним. Знал основательно арабский и турецкий языки; издал правила для войск, как конных, так и пеших; научился, как делать подкопы для взрыва крепостей и как поджигать порох; сверх того знал десять кавказско-горских языков»... В 1840 г. он отправился из Египта на родину, в Чечню, в деревню Алды, чтобы взять мать свою и имущество, но «попал в войска Шамиля», пишет Сафаров, «был у него первым между наибами, устраивал и расширял его владения, сделался известен всем народам горским и Шамиль ни своим старшинством, ни насилием без посредничества и знания мною военного дела не достигал бы того, что делал со мною»...[3] Обвиненный в измене («в доставлении князю Барятинскому секретных сведений о положении дел в горах»), Хаджи Юсуф был отправлен в ссылку в Тинди, в селение Акнода, где он и находился в темнице три года; находясь в ссылке столь долгое время и не надеясь на милость Шамиля в будущем, Сафаров решился в 1856 г. бежать из заточения под покровительство русского начальства и из безопасного убежища отмстить своему врагу. «Знаю многое о Шамиле и его войсках», писал Сафаров князю Барятинскому, «надеюсь быть полезным русскому правительству и ручаюсь уничтожить все сделанное мною у Шамиля;

[1] См. Сборник сведений о кавказских горцах, вып. VI (Тифлис, 1872). Карта, изданная Линевичем, составлена значительно небрежнее и в меньшем масштабе сравнительно с рассматриваемой нами; она обнимает всю Чечню, Дагестан и прилегающие части Грузии и Сев. Кавказа.

[2] Уроженцем селения Алды был также другой замечательный чеченский деятель, шейх Мансур, живший в конце XVIII в.; с его именем связано начало «газавата», священной войны против русских. О нем см. замечания Вейденбаума в «Историческом очерке кавказских войн», изданном «к столетию занятия Тифлиса русскими войсками» (Тифлис, 1899), стр. 167—172.

[3] См. Линевич, цит. соч., стр. 1—2.

потому что *хозяин дома лучше знает, что в нем делается»,*[1] — но скоро постигшая смерть прекратила его замыслы.[2]

Гаджи Али Чохский, ученик Юсуфа по математике и архитектуре, сообщает в своем «Сказании очевидца о Шамиле» некоторые дополнительные сведения, поддерживающие, в общем, версию самого Хаджи Юсуфа: «В 1257 г. (хиджры, т. е. в 1840 г. н. э.) приехал через Чечню из Египта, по просьбе Шамиля, инженер Юсуф-Гаджи-Юсуф-Заде-оглы. Он обладал знаниями, неизвестными до того времени никому в Дагестане. Он хорошо знал все науки и в особенности математику и архитектуру. Когда Шамиль увидел его громадные знания, то приказал мне учиться у него математике и архитектуре и Гаджи Юсуф передал мне все свои познания. Потом, по совету Гаджи Юсуфа, Шамиль устроил низам (регулярное войско), разделив его на сотни и десятки, и поставил в каждом обществе наиба. Юсуф Гаджи занимался постройкой укреплений и всячески старался содействовать предприятиям Шамиля по управлению и в военных действиях».[3] Оклеветанный приближенными Шамиля, Хаджи Юсуф попадает в ссылку. «Три года Юсуф провел в изгнании, несмотря на все ходатайства за него. Потом через Чарби и Чахиер[4] он бежал в Грозную, где был благосклонно принят. Он скончался в Грозной 1272 (1855 н. э.) года, спустя восемь месяцев после бегства».[5]

Изложенной версии самого Хаджи Юсуфа и симпатизирующего ему ученика, согласно которой Хаджи Юсуф провел у Шамиля в ответственнейшей роли организатора управления около 12 лет (с 1840 по 1852 г.) и пал жертвой клеветнического доноса, противостоит в имеющихся у нас источниках вторая, более враждебная Юсуфу, отличающаяся и в отношении хронологии событий. Главным представителем второй версии служит Амир-хан Чиркеевский, бывший много лет личным секретарем Шамиля. По словам Амир-хана «Гаджи Юсуф знал многие науки, владел в совершенстве арабским языком и до того был способен ко всему, что не было случая, в котором он не нашелся бы дать полезный совет. Первое знакомство Гаджи Юсуфа с Шамилем завязалось заочно. Гаджи Юсуф

[1] Слова, набранные курсивом, представляют, по замечанию И. Ю. Крачковского, реминисценцию арабской пословицы: صاحب البيت ادرى بما فيه.

[2] Там же, стр. 2.

[3] Гаджи-Али, цит. соч., стр. 21—22.

[4] На совр. карте соответственно: Чаберлой и Чахкери.

[5] Гаджи-Али, цит. соч., стр. 22.

написал к нему письмо после движения Шамиля в Кабарду (в 1846 г.), из какого то абадзехского аула, и предлагал ему свои услуги»...[1] Шамилем были отправлены письма султану и египетскому паше, причем главным послом был сам Амир-хан. Предприятие не удалось, но «Амир-хан, сблизившись во время пребывания у абадзехов с Гаджи Юсуфом и будучи очарован обширными его сведениями, стал уговаривать его отправиться с ним к Шамилю. Гаджи Юсуф согласился и последовал за ним.».[2] На собрании в Андии (в конце 1846 или в начале 1847 г.) было решено составить письменный наказ для наибов (низам) и обязательную молитву в дни джумы. «Низам и молитва составлены были Гаджи Юсуфом и одобрены имамом».[3] «Вскоре после роспуска собрания в Андии, Шамиль назначил его [т. е. Хаджи Юсуфа] наибом в Гехи (в Чечне), но Гаджи Юсуф не мог пробыть там долго. Его действия не понравились народу и потому Шамиль взял его к себе».[4] В 1854 г. Юсуф был уличен в попытке отправить карсскому паше секретное письмо, в котором он «сообщал паше, что, когда он прибыл к Шамилю, у последнего не было никакого порядка и все шло, как у людей, незнакомых с требованиями правильного строя для управления народом и войском; что он, со времени прихода своего, постоянно занят введением во всех частях должного порядка и успел устроить у Шамиля низам и многое другое, о чем в Дагестане не имели понятия».[5] Приговоренный к ссылке в Тинди, Юсуф пробыл там «с лишком два года, а затем бежал, и, пробравшись в Грозную, умер там скоропостижно, в первую же ночь после своего прихода туда».[6]

Сведения Амир-хана поддерживаются рядом показаний: Абдуррахима (шурина и зятя Шамиля),[7] Магомет Тагира Карахского[8] и Гасан-Эфенди Алкадарского, автора новейшей истории Дагестана.[9] Последний автор

[1] См. Низам Шамиля (Материалы по истории Дагестана) предисловие, стр. 2 (в Сборнике сведений о кавказских горцах, вып. III, Тифлис, 1870).

[2] Там же, стр. 3. По словам Магомет Тагир Карахского (цит. соч., стр. 142) послы Шамиля «считали Юсупа виноватым в их неудаче и решили покончить с ним по дороге, если он поедет с ними вместе в Дагестан для свидания с Шамилем».

[3] Там же, стр. 5.

[4] Там же, стр. 5—6.

[5] Там же, стр. 6.

[6] Там же, стр. 7.

[7] Ср. Шульгин, цит. соч., стр. 17—18.

[8] Цит. соч., стр. 140—142.

[9] См. «Книга Асари Дагестан etc.» в Сборнике материалов для описания местностей и племен Кавказа, вып. 46, Махач-Кала, 1929, стр. 141 (русский перевод написанной в 1891—92 г. по-азербайджански истории Дагестана).

датирует приезд Юсуфа 1847 г., сношения с карсским пашей — 1855, и бегство его в Грозную — 1857; Абдуррахим хронологии не касается вовсе, а Магомет Тагир относит приезд Юсуфа, по всей видимости, к 1842 г. Противоречивость всех вышеприведенных показаний относительная: наиболее авторитетным осведомителем кажется Амир-хан, дающий, к тому же, и самое существенное показание о *времени наибства* Хаджи Юсуфа — это был конец 40-х годов (1848—1849 гг.?). Следовательно, 1848 или 1849 г. определяется время составления нашей карты, если, конечно, не допустить, что составитель воспроизвел ситуацию, не соответствующую моменту ее составления, для чего не имеется определенных оснований. На подобное предположение могло бы, пожалуй, навести единственно лишь неясное упоминание на карте каких то «русских»,[1] о чем была уже речь выше: легче всего можно было бы устранить затруднение путем отнесения слова روس «русские resp. русский» к сыну Шамиля, Джемаладдину, взятому в заложники в 1839 г. проведшему много лет в России и вернувшемуся к отцу в 1855 г. Время составления карты пришлось бы в таком случае отнести к промежутку между 1855 и 1858 гг. Колебание это устраняется, однако, решением вопроса об авторе карты. Таковым является, судя по всем имеющимся у нас данным, именно Хаджи Юсуф. В пользу такого решения говорит: 1) тот факт, что единственный образец местной кавказской картографии на арабском языке, известный доселе, обязан своим существованием Юсуфу;[2] 2) то, что непонятные военные термины, употребляемые составителем карты (غاق, غلنس), легко можно было бы объяснить влиянием иноземного военного образования автора: вспомним, что Юсуф получил свою подготовку в военном деле в Египте. Как бы то ни было, другого лица, которое могло бы удовлетворить требуемым условиям, среди сотрудников Шамиля мы не знаем. Если же автор карты Хаджи Юсуф, то из двух вышеуказанных решений вопроса хронологии предпочтение приходится оказать первому, т. е. отнести время составления карты к концу 40-х годов.[1] Нам неизвестно, к сожалению, при каких

[1] Ср. выше: «Это высокое место, на котором играют русские», и «Это крепость русских».

[2] Высказываемое нами мнение об авторстве Юсуфа не означает, конечно, что имеющаяся в нашем распоряжении карта *автограф* составителя. Нелишне подчеркнуть, что одна из двух имеющихся у нас карт *не автограф*, поскольку между ними наблюдается значительная разница в почерке; которая именно является автографом, и не представляют ли обе они копии — решить на основании наличных данных невозможно.

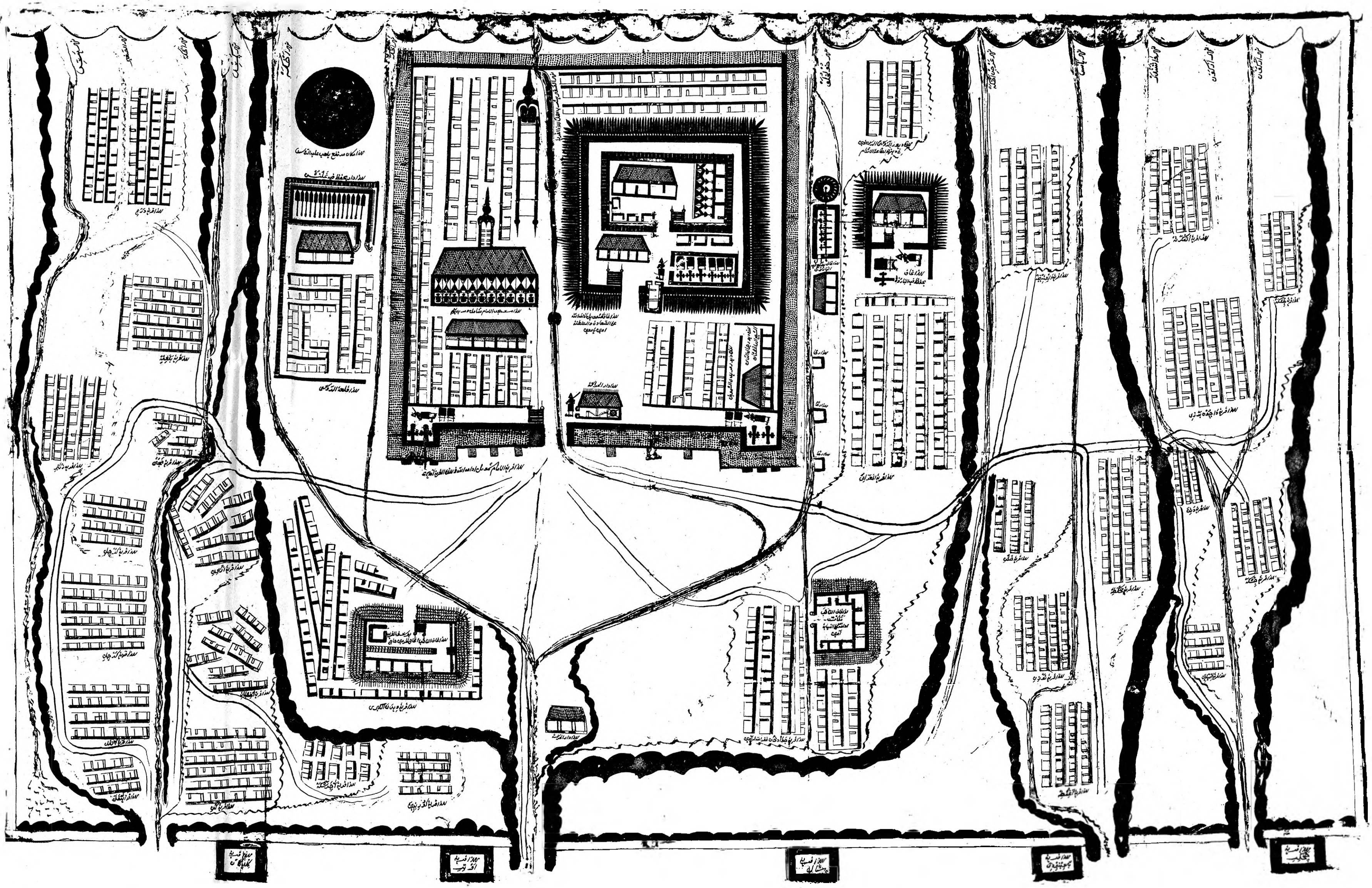
обстоятельствах карта попала в руки русского командования. Предположение, что карта передана лично Юсуфом после его перехода на русскую сторону устраняется тем фактом, что все его имущество после опалы было конфисковано, и едва ли мог он сохранить важный и в чисто военном отношении документ у себя в периоде ссылки.

Подводя итог, мы не можем не подчеркнуть еще раз значение в кратковременной истории Шамилевского имамата любопытной во многих отношениях фигуры Хаджи Юсуфа, этого разносторонне одаренного отуреченного чеченца. Не лишено известного правдоподобия мнение, что Шамиль устранил Юсуфа из опасения за свое собственное влияние. Из числа заслуг Хаджи Юсуфа мы менее других можем оценить его дипломатическую деятельность, по недостатку документации. Юсуф как законодатель («Низам») и как картограф не возвышается над уровнем посредственности не только с европейской точки зрения. Бесспорно, что практически наиболее действенной и непосредственно полезной была его роль военного инженера. В этом отношении показательно замечание, делаемое Волконским при описании укреплений Ведено:[2] «В Ведене, как говорят, жило несколько иностранцев — нечто в роде политических агентов, которым резиденция имама более или менее была обязана своими верками. И нужно полагать, что это не несправедливо, так как трудно думать, чтобы все исчисленные фортификационные работы могли быть произведены какою-нибудь неспециальною рукою».

Ленинград. Март 1932 г.

1 Известным подтверждением этому служит быть может и то, что карта оказалась в бумагах М. С. Воронцова, бывшего наместником до 24 октября 1854 г.

2 См. цит. соч., стр. 175.

ЗАПИСКИ

ИНСТИТУТА ВОСТОКОВЕДЕНИЯ АКАДЕМИИ НАУК СССР

II, 2

1933

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР · ЛЕНИНГРАД

ЗАПИСКИ

ИНСТИТУТА ВОСТОКОВЕДЕНИЯ АКАДЕМИИ НАУК СССР

II, 2

1933

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР · ЛЕНИНГРАД

Напечатано по распоряжению Академии Наук СССР
Ноябрь 1933 г.
Непременный секретарь академик *В. Волгин*

Редактор издания академик С. Ф. Ольденбург

Технический редактор К. А. Гранстрем. — Ученый корректор М. М. Севастьянов

Сдано в набор в апреле 1933 г. — Подписано к печати 2 ноября 1933 г.

37—106 стр.
Формат бум. 72 × 110 см. — 4 5/8 печ. л. — 44046 печ. зн. — Тираж 1000
Ленгорлит № 16722. — АНИ № 255. — Заказ № 591

Типография Академии Наук СССР. В. О., 9 линия, 12

СОДЕРЖАНИЕ

SOMMARIE

Page

Н. Н. ПОППЕ

Некоторые данные о баргузинских тунгусах XVIII—XIX ст.

О тунгусах Баргузинского аймака БМАССР известно, в общем, очень мало, и менее всех в литературе освещены оседлые и кочевые тунгусы-скотоводы.

В частности, менее всего затронул их и Широкогоров, автор очень обстоятельного труда о тунгусах (S. M. Shirokogoroff. Social organization of the northern tungus. Shanghai, 1929). И если эти тунгусы столь мало известны нам в своем нынешнем состоянии, нет ничего удивительного в том, что о прошлом их вообще ничего неизвестно. Между тем, некогда эти тунгусы были распространены на весьма значительной территории, судить о чем мы можем на основании местных названий. Баргузинский аймак представляет собою вообще очень интересный район в том отношении, что за сравнительно короткое время этнический состав населения его изменился очень резко. В настоящее время аймак населяют главным образом буряты в количестве 14 246 чел. и «прочие» в количестве 15 419 чел., причем подавляющее количество этих «прочих» составляют русские, а меньшинство тунгусы (цифры всеобщей переписи 1926 г. по книге проф. Н. Н. Козьмина «Бурят-Монгольская АССР». Иркутск — Верхнеудинск, 1928, стр. 25). По С. Патканову («Опыт географии и статистики тунгусских племен Сибири», ч. I, вып. 2. СПб., 1906, стр. 143), в долине р. Баргузина числилось тунгусов 161 душ мунгальского рода, 57 душ чильчагирского, 77 душ лимагирского, 68 душ баликагирского и 15 душ «разных» родов, т. е. всего 378 душ. Таким образом интересующих нас тунгусов

на территории нынешнего Баргузинского аймака оказывается всего около 400 чел. О прежнем же распространении их свидетельствуют, как уже сказано, местные географические названия. Так, например, тунгусского происхождения названия рек: Улюн, Улункан, Курумкан, Кучеркан, Аргада, Ина (в бурятском произношении *on'ō*), Жипкохен (по-тунгусски *ǯipkāhun*). Тунгусского же происхождения названия селений: Читкан, Уро, Суво, Душелян и т. д., но тунгусов там теперь нет.

Конечно, не одни лишь тунгусы являются до-бурятским и до-русским населением территории аймака. Древнейшим в историческое время населением этого района являлись монголы племени хорчин. Известие об этом почерпнуто нами из небольшой рукописи на монгольском языке, не имеющей заглавия и принадлежащей неизвестному автору, содержащей краткую историю Баргузинского района. В этой рукописи говорится, что первоначально баргузинские степи населяли *χorčid-mongγol*, т. е. монголы-хорчины. Известие это находит себе подтверждение со стороны тунгусских преданий: одно такое предание, в котором упоминаются древнейшие обитатели страны *kåřčihål*, было нами в свое время опубликовано (см. Н. Н. Поппе «Материалы для исследования тунгусского языка. Наречие баргузинских тунгусов». Ленинград, 1927, стр. 32 и сл.). Этим термином *kåřčihål* тамошние тунгусы обозначают баргутов, относительно которых существует множество преданий среди русского населения аймака. Согласно той же рукописи тунгусы поселились на территории Баргузина значительно позже. Еще позже пришли русские и буряты. Последние перекочевали туда с западного берега Байкала и являются выходцами из нынешнего Эхрит-Булгатского аймака. Подавляющее большинство баргузинских бурят принадлежит к племени эхрит и распадаются они на роды *Awzai̯*, *Bajandai̯*, *Šono*, *Heŋgyłder*. Есть также булгаты, а также представители хоринских родов *Gałzūd* и *Segēned* и один род неизвестного происхождения *Emexened*. Все эти буряты появились там лишь в середине XVIII ст.

Повидимому, через Баргузин прошли в свое время якуты. О сражениях с ними сохранились у тунгусов многочисленные сказания. Некоторые местные названия тоже указывают на это, например, озеро Каскуль, по-бурятски *Xasxul*, что по-якутски значит Гусиное озеро (ср. *xās* 'гусь' и *küöl* 'озеро') и др.

Тунгусы в настоящее время сохранились лишь в двух местах. Большинство их жило, занимаясь скотоводством, в местности Кавуржан близ

селения Бодон в 45 км от села Баргузина (прежде город). Другая часть населяла местность Дэрэн в двухстах с лишком километрах от Баргузина вверх по течению р. Баргузина. Всех этих тунгусов не более 400 чел. В 1931 г. они в большинстве своем уже покинули местность Кавуржан и переселились в Таз, где организован местный сельсовет.

В течение своего кратковременного пребывания в местности Таз в Дэрэнском сомоне Баргузинского аймака среди тамошних тунгусов пишущий эти строки собрал кое-какие сведения об этой народности и ее прошлом.

Прежде всего, что касается отдельных тунгусских родов, то в настоящее время там представлены следующие: 1) мунгальский род, включающий в себя роды *Galǯōhir*, *Asiwagat* и *Čåŋgāl'ir,* 2) род *Bal'ikāgir,* 3) род *L'imāgir*, включающий в себя роды *L'imāgir* и *Tẹpkāgir*, 4) *Ĝil'čāgir,* включающий в себя роды *Jåkāl* и *Čālkāgir*. Никаких других названий родов эти тунгусы не знают, в частности упоминаемых Широкогоровым (op. cit., p. 125).

Относительно происхождения этих тунгусов удалось узнать следующее: род *Galǯōhir*, по преданиям, пришел из Тунки, род *Asiwagat* из Курунчина, род *Bal'ikāgir* из Нерчинска, род *Jåkāl* из Якутии, а роды *L'imāgir* и *Tẹpkāgir* являются орочонского происхождения. Относительно родов *Čāl-kāgir* и *Čåŋgāl'ir* сведений получить не удалось.

Мунгальский род или, как он называется в различных старых документах XVIII ст., о которых речь будет впереди, «тунгусский род мунгальских выходцев» представляет собою род, искусственно соединенный из нескольких родов: в состав его входят роды *Galǯōhir*, *Asiwagat* и *Čåŋgāl'r.* По преданиям предок мунгальского рода, вернее рода *Galǯōhir*, был бурят. Как бы то ни было, роды *Asiwagat* и *Coŋgōl* имеются у бурят: ср. *Ašaba-gad* у селенгинских бурят и у них же *Coŋgōl*. Что касается рода *Galǯōhir,* то отбросив тунгусское окончание *hir*, мы получаем основу *galǯō*, которую нетрудно обнаружить в названии бурятского рода *Galzūd* (у селенгинских бурят и главным образом у хоринских).

Очень интересны родословные этих тунгусов.

Род *Galǯōhir* ведет свое начало, по словам тунгуса *Turāki* в возрасте около 70 лет, от некоего бурята *Daįwān'a,* о котором существует сказание, опубликованное в вышецитированной работе о языке баргузинских тунгусов.

Род *Galǯōhir.*

Родоначальник *Daịwān*

1. *Badarāŋgu*	2. *D'ịjālakun,*	3. *Dāgaị*	. *Unugaị*	5. ?,	6. ?,	7. ?.
Kor'īịskin	*Sẹr'idẹk*	*Ǯaŋgeị*				
Ǯurgādaị	*Urtẹị*	*Garpāwūl*				
Kuịčakū	*Girkīwūl*	*Dårtē*				
Ǯågiwūl	*Tuksāwūl*	*Ẹkšiwūl*				
Lapka	*M'ikulaị (=Turāki* рассказчик)	*Garma*				
M'ikulaị - Bātur	*M'ikulaị*	*Sẹrma*				
	Badma					

Род *Asiwagat*

Родоначальник *Kur'insīn*

Boltukaị

Sokur

Antōn

Pẹtūk

Norgowẹị

Tōn'iuūl

Čornoị

M'ikulaị (рассказчик, другой, не тот, что выше).

Pāw'el

Jegår

Генеалогии эти передаются из поколения в поколение устно, и рассказчики сообщили их по памяти. Интереснее всего, что на первый взгляд легендарные родоначальники оказываются вполне историческими личностями. Доказать это можно на основании ряда старых документов. Дело в том, что, разбираясь в старом архиве прежней тунгусской родовой управы, автор настоящей заметки добыл различные документы, относящиеся к середине XVIII ст. и ряд дел от 1765 г. до середины XIX ст., в том числе ревизские сказки, окладные листы, именные списки отдельных родов и т. д. Эти материалы и будут использованы в дальнейшем.

Согласно «Ведомости, составленной в Комитете, учрежденном для разбора инородцев, о числе родовых управлений, учрежденных у бродячих тунгусов Верхнеудинского уезда, Баргузинского ведомства» от 1824 г. шуленгою мунгальского рода был некто Наргулей Петухов. По списку, озаглавленному «Именной список баргузинского мунгальского рода с означением поимянно родовичей сих семейств, также где кто находится» от 1823 г., Наргулею Петрову сыну Бултухаеву было 45 лет отроду. Кроме того, в именном списке «сочиненном Баргузинского округа подгородных тунгусских семи родов мунгальских выходцев шуленгой Василием Шукуровым по силе высочайшего ее императорского величества указу, состоявшемуся 1794-го года июня 23 ден» упоминается Василий Шукуров сын Бултухаев 28 лет, т. е. шуленга. Подлинность Шукура *(Šokur ~ Sokur)* сына Бултухая, сына Куринсина, родоначальника рода Асивагат, таким образом подтверждается. Если в 1794 г. Василию Шукурову было 28 лет, то родился он в 1766 г., а отец его Шукур вероятно в 1730—40 г. Еще интереснее, что в ревизской сказке 1811 г. в мунгальском роду числился Колышкин Бадарангин Дайванов, т. е. Корийскин Бадарангин из рода Дайвана, отмеченный как умерший в 1797 г. и по последней ревизии, т. е. 1795 г., имевший 74 года от роду. В той же ревизской сказке упоминается его сын Жургадай 48 л. и сын Жургадая — Куйсаку 20 л. Колышкин, как оказывается, кочевал в 40 верстах от бывшего города Баргузина на р. Ине. Прослеживая историю Бадарангу дальше, можно заметить, что в именном списке этого же рода за 1823 г. мы находим опять Жургадая Колышкина, на этот раз уже в возрасте 58 л., его сына Куйсаку 31 г. и сына Куйсаку — Жогиул 5 л. Таким образом генеалогия гальджохиров представляется в следующем виде:

Дайван
|
Бадарангу
|
Корийскин (он же Колышкин), род. в 1721 г., ум. в 1795 г.
|
Джургадай (Жургадай), род. в 1763 г.,
|
Куйчаку, род. в 1791 г.
|
Джогивол (он же Жогиул), род. в 1818 г.
|
Лапка
|
Микулай Батор

Итак, одну из ветвей рода Гальджохир, а именно ветвь Бадарангу можно проследить по ряду документов. Другая ветвь, а именно ветвь Джалакун, тоже может быть прослежена. По списку рожденных после 1823 г. числится Туксаул двух лет от роду, сын Гиркиула, которому тогда было 34 г. Последний значится как сын некоего Акучей Кувова, которому тогда было 77 лет. По спискам 1823 г. этому Окучею Кувову Заятуеву было 64 года. По ревизской сказке 1811 г. Окучею было 53 года, а его сыну Гиркиулу 8 л.

Таким образом получаем следующее:

Дайван
|
Дьялакун (Джалакун=Заяту)
|
Сэридэк (=Кува?)
|
Уртей (=Окучей), род. в 1760 г.
|
Гиркиул, род. в 1803 г.
|
Туксаул, род. в 1837 г.
|
Микулай (=Тураки, рассказчик), в 1932 г. ему было 70 лет, род. в 1862 г.

Что касается различия в именах Сэридэк — Кува, Уртэй — Окучей, Дьялакун — Заяту, то Заяту есть лишь бурятский перевод тунгусского *ďijālakun* «предопределенный, судьбою данный», остальные же варианты имен представляют собою клички, официальные и неофициальные имена.

Итак, легендарный предок рода гальджохир — Дайван, как показывает прослеженная по документам история двух ветвей его рода, повидимому существовал в действительности и жил по всей вероятности во второй половине XVII ст.

На этих родословных пришлось остановиться несколько дольше по той причине, что нам кажется важным установление степени достоверности таких легендарных генеалогий. Как видно, эти генеалогии никаких сомнений на этот счет не оставляют. Далее на основании приведенных данных видно, что образование таких родов относится отнюдь не к доисторическим временам.

По именным спискам 1794 г. в Баргузинском округе числились следующие роды: 1) подгородный тунгусский род мунгальских выходцев, насчитывавший 104 души, 2) киндигирский 34 д., 3) чильчагирский 65 д. По именным спискам 1795 г. числились: 1) род мунгальских выходцев 90 д., 2) лимагирский 89 д., 3) чильчагирский 64 д., 4) баликагирский 80 д. Таким образом по спискам 1794—95 г. существовали роды мунгальский, киндигирский, чильчагирский, лимагирский и баликагирский. Кроме того, согласно расписки от 10 июня 1799 г. за № 272, данной в получении сумм на содержание почтовых и подъемных лошадей за 1797 и 1798 г. существовал еще намясинский род, в котором было 9 податных душ, и шамагирский 48 д. В том же документе перечисляются остальные роды, причем наблюдается разница в количестве душ против данных других документов: лимагирский 89 д., баликагирский 82 д., киндигирский 32 д., чильчагирский 64 д., мунгальский 96 д. Полный список родов обнимает собою, следовательно, мунгальский, лимагирский, баликагирский, чильчагирский, киндигирский, шамагирский и намясинский с общим количеством ясако-платежных некрещеных душ 410 м. и новокрещеных 25 д.

Согласно документа, озаглавленного «Перечневая ведомость о обложении податью кочевых и бродячих инородцов Иркутской губернии Верхнеудинской округи Баргузинской тунгусской семи родов инородной управы», на 1823 г. числились:

1) Мунгальский	род	из	разряда	кочевых	113	душ	муж.	пола
2) Лимагирский	»	»	»	»	77	»	»	»
3) Баликагирский	»	»	»	»	39	»	»	»
4) Чильчагирский	»	»	»	»	58	»	»	»
5) Киндигирский	»	»	»	бродячих	30	»	»	»
6) Шамагирский	»	»	»	»	46	»	»	»
7) Намясинский	»	»	»	»	4	»	»	»

Об общем количестве тунгусов обоего пола в начале XIX ст. дает представление «Ведомость, составленная в Комитете, учрежденном для разбора инородцов, о числе родовых управлений, учреждаемых у бродячих тунгусов Верхнеудинского уезда Баргузинского ведомства» за 1824 г. Баргузинскому ведомству были подчинены тогда следующие роды: а) Кучитскому острогу — 1) кандигарский (на речке Витиме) 19 м., 27 ж. и 2) векерейский (на озере Кучиде) 40 м., 46 ж., б) баргузинские подострожные 7 родов — 1) баликагирский 39 м., 45 ж., 2) намясинский 4 м., 5 ж., 3) кандигирский (=киндигирский) 30 м., 30 ж., 4) лимагирский 77 м., 81 ж., 5) чильчагирский 58 м., 48 ж., 6) мунгальский 113 м., 141 ж. и 7) шамагирский 46 м., 31 ж. Общее количество тунгусов обоего пола в семи подострожных родах составляло 137 семейств, 367 м. и 381 ж. Всего же, согласно этой ведомости, включая верхне- и нижнеангарских тунгусов и тунгусов Баунтовского острога, в Баргузинском ведомстве было 392 сем., 1246 м. и 1214 ж., из которых 1074 душ некрещеных и 265 крещеных, а также 93 души, составляющие «особый разряд оседлых земледельцев».

Как сказано выше, тунгусы Баргузинского района до самого последнего времени населяли исключительно местность Кавуржан в 45 км от нынешнего аймачного центра и в 10—15 км от села Бодон, а также местность Таз в Дэрэне, примерно в 200 км от центра. Ныне они перекочевали в Таз, и в Кавуржане их осталось всего несколько юрт. О районах их обитания в конце XVIII и в начале XIX ст. мы узнаем из документов следующее.

По ревизской сказке 1811 г. тунгусы рода лимагир кочевали по рекам Ина, Улан-Бургу, Аргада, по Куйтунской степи, за р. Иной, на Карге, на озере Кучида около Шадулуна и на Байкале. Баликагирский род кочевал по левую сторону р. Баргузина против Куйтунской степи и на

Улюне, на Карге, Аргаде, Ине, в Верхнем зимовье в 30 верстах от города, по Куйтунской степи, по Улан-Бургу (в оригинале Аламбургу), в Кулюмчане, около Бодона и, наконец, некоторые тунгусы жили в русском селении Уро. Чильчагирский род имел свои кочевья в Куйтунской степи, по р. Ине, по р. Баргузину в 30 и в 100 верстах от города, по р. Лукукон (=Лукчикан?) в 40 в. от города, за р. Иной в 90 в. от города, по Аламбургу (=Улан-Бургу). Мунгальские выходцы кочевали по Каралику, Ине, Карге, около села Бодон, по р. Баргузину вверх от города в 10 верстах, у Улан-Бурга, по Манду, по Аргаде и близ селения Суво, а также жили в деревнях Телятниково и Уро. Наконец, намясинский род кочевал по Карге, Куйтунской степи и за Иной. Как видно, люди из разных родов часто кочевали в одних и тех же местностях. Еще более ясное представление о кочевьях дает ведомость 1824 г., составленная вышеупомянутым комитетом. Из нее мы узнаем, что тунгусы баргузинских подострожных семи родов кочевали по следующим местам: баликагирский с шуленгой Бадмой Чачан, проживавшим в урочище Карагунском на р. Ине, кочевал частично (10 сем.) по реке Левому Баргузину. Вторая часть этого рода, при старшине Куве Екочине в урочище Карге (5 сем.), а третья часть, при старшине Сеньке Согнине (6 сем.) по речке Куралике (=Каралик). Всех этих тунгусов было 39 м. и 45 ж. Подчинялись они инородной управе подострожных семи родов и имели родовое управление в Карагуне со старшиною Екочиным.

Намясинский род имел шуленгою Беляева Урганчина. При речке Карге в урочище Аргаде находился улус Намясинский, где жили 2 сем. (4 м., 5 ж.).

Кандигирский (=киндигирский) род с шуленгою Агочаном Нодаевым был бродячим «по разным местам» родом, преимущественно же находился у р. Огисоле в количестве 9 сем. (30 м., 30 ж.). Этот род вместе с намясинским подчинялся родовому управлению кандигирскому «соединяемому с намясинским».

Лимагирский род с шуленгою Курумой Бакаевым имел свой улус на р. Ине (20 сем.). Другая часть его (5 сем.) со старшиною Начи Шелнаулевым кочевала на Ламбурге (=Улан-Бургу). Третья часть, в количестве 5 сем., кочевала у озера Атата. Род этот имел свое лимагирское родовое управление.

Чильчагирский род кочевал на р. Курилик (=Каралик) с шуленгою Паликаем Ургаевым (10 сем.); 5 сем. при старшине Кокочаеве кочевали

на р. Ламбурге (=Улан-Бургу); 6 сем. со старшиною Монедоем Андреевым кочевали по реке Шилболге. Эти 21 сем. (58 м., 48 ж.) имели в урочище Лукчикан свое чильчагирское родовое управление.

Мунгальский род имел шуленгою Наргулея Петухова (см. родословную Асивагат, где упоминается *Norgowẹį*, сын *Pẹtūk*'а), в количестве 15 сем. кочевал на Кунгурском озере при шуленге Болтухаеве. Часть (10 сем.) кочевали на р. Тухулак и часть (15 сем.) на р. Ине. Всего их было 40 сем. (113 м., 141 ж.). Родовое управление мунгальского рода — Мунгальско-Кунгурское — управляло двумя улусами.

Шамагирский род имел шуленгою Ившигу Дутунаева. Род этот кочевал «по разным местам» по рекам Томпуде, Аманату, Витиму и Цыне и «подле Байкале море» при старшине Немтугине (14 сем., 46 м., 31 ж.). Род этот подчинялся шамагирскому родовому управлению. В этой же ведомости мы находим сведения о кочевьях верхне- и нижнеангарских, а также баунтовских тунгусов.

О шуленгах отдельных родов мы узнаем, что шуленгами чильчагирского рода по распискам о взносе ясака были Муданца Огримов (расписки за 1769—1776 г.), Ургуй Муданцин (расп. 1792 г.), Андрей Муданцин (расп. 1795—1797 г.). Из них Ургуй Муданцин был в 1785—1786 г. старшиною. Другим старшиною в 1779—1791 г. был Шелегда Акшеулев.

Шуленгами рода «мунгальских выходцев-однособольцев» по распискам 1768—1770 г. был Антон Шукуров (см. родословную Асивагат), в 1786 г. Петр Антонов (см. в родословной Асивагат *Pẹtūk*), в 1793—1794 г. Василий Шукуров, в 1797 г. Василий Бултухаев, в 1819 г. Давыд Бултухаев. Старшинами были в 1789 г. Семен Шукуров и в 1790 г. Василий Шукуров. В баликагирском роду шуленгой был в 1768—1772 г. Баяр Ишигденов, в 1785—1791 г. Ванька Ишигденов, в 1794—1797 г. Ингылдей Ишигденов. Упомянутый Ванька в 1779 г. был старшиною. В 1792 г. таковым был Шевек Талдугин, а в 1793 г. Ишигденов (имя не указано). Шуленгами киндигирского рода были Мушурик Челбогин (1769—1788 г.), Дуналчи Шелбенев (1794—1797 г.), Ингылдей Шелбенев (расп. 1796 г.), а старшиною Тишилей Атугин (по расп. 1791 г.). В лимагирском роду шуленгами были Онтон Воронин (1789 г.) и Бакай Шонгониев (1792—1797 г.), старшинами — Шонгон Елпигин (в 1769 г.) и Гургалдай Терентьев (в 1791 г.). Шуленгой намясинского рода был Франц Медведев (в 1795 г.), бывший раньше старшиною. Необычное имя

его — Франц — объясняется очевидно тем, что управителем Управительской канцелярии в Баргузине был, судя по документам 1771 г., некто Франц Вернер, в подражание которому и было принято это имя. Шамагирский род имел шуленгою в 1797 г. Ивана Ишигденова, который в то же время с 1792 г. (а может быть и раньше) был главным шуленгою всех семи родов. В 1807 г. главным шуленгою этих семи родов был уже Василий Магалин. Судя по ведомости, учиненной «Баргузинских тунгусских семи родов тайшею Нагосуновым по силе указа Верхнеудинского Земского суда от 26 марта за № 4098 о числе душ, переходящих в крестьяне» (1825 г.), существовала также должность тайши. Должность шуленги, как видно из документов, часто переходила от отца к сыну.

О взаимоотношениях отдельных родов мы узнаем очень мало. По ревизским сказкам и спискам 1795 г. можно установить, что жен брали всегда из других — не своего — родов.

Очень интересны данные об экономическом положении тунгусов в 1815 г. По ведомости, озаглавленной «Генеральный список Верхнеудинского уезда о кочующих инородцах, значащихся во оном и занимающихся хлебопашеством и скотоводством», лимагирский род с шуленгою Курунгою Бакаевым, насчитывающий 83 души по ревизии, а по списку, «прилагаемому при сем», 72 души, платит сбор с 83 душ, который производится в ноябре особым сборщиком. На суглане (съезде, сборище) на р. Ине, который длится с неделю, происходит меновая торговля с приезжими из Верхнеудинска и «упраздненного города» Баргузина, причем общий оборот составляет примерно 500 р. Об этом же роде мы узнаем, что зимою он кочует на р. Ине (20 юрт с шуленгою), часть на р. Аламбуге (=Улан-Бургу) со старшиною Пача Калькулевым и часть на озере Ана при старшине Воронине. Летом он кочует на р. Сухедыне. Из людей этого рода 72 чел. занимаются звериным промыслом и частью скотоводством, а земледелия не имеют.

Баликагирский род с шуленгою Батма Чачин (38 душ) на том же суглане ведет торговлю на 700 р. Занимается этот род звериным промыслом и ни скотоводства, ни хлебопашества не имеет. Киндигирский род с шуленгою Аючаном Нодаевым имеет 27 душ, платит ясак за 2 души. Оборот торговли на том же суглане доходит до 200 р. Занимается он звериным промыслом.

Чильчагирский род с шуленгою Поликаном Ургаевым (57 душ) ведет торговлю на суглане на 300 р. Он занимается охотой, частью также скотоводством, но хлебопашества не имеет.

Шамагирский род занимается только охотой. Зимой он кочует на р. Тукалаке в количестве 38 душ с шуленгой Ившигой Дутунаевым. Оборот его торговли доходит до 500 р. Мунгальский род с шуленгой Мергелту Бултухаевым платит подати за 111 душ. Оборот его торговли достигает 1000 р. Зимой род кочует на Кунгурском озере, на р. Тукалаке и на Ине, а летом на Туколе. Занимается род звериным промыслом и скотоводством. Наконец, намясинский род с шуленгой Беляевым Ургачином платит подать за 4 души. Оборот его торговли доходит до 100 р.

Гораздо более точные сведения дает «Ведомость о числе душ, пространстве земель, хозяйстве, количестве промыслов, сбыте, произведении, количестве сборов, повинностей Баргузинских тунгусских кочевых и бродячих инородцев» от 30 апреля 1829 г. Согласно этой ведомости мунгальский род (40 юрт, 113 м., 148 ж.) хлебопашества не имеет, но владеет лошадьми (100 голов), крупным рогатым скотом (205 гол.), овцами (350 голов) и охотничьими собаками (50). В «хороший год» он имеет прирост скота—лошадей 30, рогатого скота 75, овец 100. Охотой он добывает «в хороший год» 520 белок, 16 лисиц, 20 струй. В «худой год» прирост скота выражается в 20 лошадях, 40 гол. рогатого скота, 50 овцах, а охотой он добывает 250 белок, 4 лисицы, 12 струй. Род занимается рыболовством, но рыбой не торгует. Не продает также скота. Белок он продает по 65 коп., лисиц по 6 р. серебром и струю по 5 рубл. В 1763 г. этот род платил подать зверем и деньгами на сумму 115 р. 67 к., а 44 копеечного сбора по указу 1797 г. и 1806 г. на сумму 49 р. 72 к., а всего 165 р. 39 к. Имущество лимагирского рода (77 м., 73 ж.) состоит из 60 лошадей, 82 голов рогатого скота, 79 овец, 30 собак. В «хороший год» он добывает 340 белок, 5 лисиц и 7 струй, а в «худой год» 260 белок, 3 лисиц, 4 струи. Этот род тоже все сбывает. Платит он по тем же статьям 221 р. 80 к. + 33 р. 88 к., а всего 255 р. 68 к. податей и сборов. Чильчагирский род (58 м., 48 ж.) имеет 20 юрт. Лошадей нет, рогатого скота имеется 19 голов, собак 30. Белок он добывает в «хороший год» 262, лисиц 5, струй 10 и все это продает. Платит он податей 154 р. 42 к.

Киндигирский род бродячих тунгусов (30 м., 28 ж.) имеет 19 юрт. Скота кроме оленей (12) не имеет. Имеет 15 собак. Занимается исключительно охотой и рыболовством. Рыбу он потребляет сам, а добываемого зверя продает. В обильные годы он добывает 162 белки, 2 лисиц и 3 струи и продает их по тем же ценам, что мунгальский род. Податей он платит на сумму 107 р. 92 к. Намясинский род самостоятельного хозяйства не имеет и состоит на работе у частных лиц, но платит податей 56 р. 76 к. Если сравнить это указание с тем, что было сказано выше, то из сравнения вытекает, что после 1815 г. к 1829 г. этот род разорился и перешел на положение батраков.

Шамагирский род (46 м., 31 ж.) имеет 14 юрт, 18 оленей, 20 собак. Он добывает 260 белок, 4 лисиц, 5 струй и податей платит 93 р. 64 к.

Эти данные интересны тем, что показывают, насколько большую роль еще в первой половине XIX в. играла охота и как слабо было развито скотоводство. Любопытно также, что среди тунгусов подгородних семи родов тогда еще существовали оленеводы — например, шамагирский род, между тем как теперь оленеводством занимаются там только орочоны. Необходимо заметить, что цифры, сообщаемые ведомостями в отношении количества добываемого зверя, несомненно преуменьшены, что объясняется естественным стремлением со стороны ясакоплательщиков скрыть количество облагаемых объектов.

Согласно ведомости «О числе душ инородцев по переписи бывшего комитета для переобложения инородцев ясаком и количестве определяемого с них к сбору ясака за 1835 год» лимагирский род в количестве 76 душ, в каковое число входят 40 душ в возрасте от 18 до 50-летнего возраста, подлежащих обложению, платит деньгами с каждого работника 6 р. 50 к., а всего 260 р. податей. Мунгальский род (127 душ при 64 подлежащих обложению) платит по 6 р., всего 384 р. Чильчагирский (62 д. при 31 подлежащем обложению) платит по 5 р. 50 к., а всего 170 р. 50 к. Баликагирский род (19 душ подлежащих обложению) платит по 6 р. 50 к., всего 123 р. 50 к. И наконец, шамагирский род (73 души, 35 ясакоплатежных) платит соболями баргузинскими «2-го сорта с лапами и хвостами» всего 8 на сумму 232 р., а с каждого работника по 6 р. 62 к.

Если сравнить количество тунгусов в конце XVIII ст. и в начале XIX ст. с нынешним, то мы видим резкое уменьшение его. В значительной степени оно объясняется тяжелым экономическим положением их в прош-

лом, эпидемиями и т. д., но большую роль играла также ассимиляция с окрестным населением. Крещеные тунгусы обычно переходили из «инородческого звания в крестьянское» и вскоре совершенно растворялись среди русских. О количестве таких переходящих «в крестьяне» в 1825 г. свидетельствует «Ведомость [о инородцах] о числе душ, переходящих из инородческого звания в крестьяне», адресованная в «Экономическое Общество Верхнеудинского округа», где по волостям даются такие цифры:

Мухоршибирской	16
Тарбагатайской	99
Куналейской	46
Урлутской	63
Итанцынской	50
Ильинской	1

Из этих волостей Итанцынская находится как раз по пути со ст. Татаурово в Баргузин и ныне там тунгусов нет совершенно.

Заканчивая настоящую заметку о баргузинских тунгусах, следует отметить, что изучение архивов прежних родовых управ и степных дум несомненно откроет нам очень многое не только о тунгусах, но и о бурятах и других народностях. Особенно много интересного можно ждать от таких исследований для истории тунгусов, которая нам совершенно неизвестна.

Н. Н. ПОППЕ

Вопросы грамматики монгольского языка.

Несмотря на то, что мы насчитываем в настоящее время довольно значительное количество грамматик как языка старой монгольской письменности, так и целого ряда отдельных живых языков и наречий—халха-монгольского, бурят-монгольского языков, хоринского, аларского и др., диалектов последнего и т. д., мы до сих пор не имеем ни одной грамматики, которая удовлетворяла бы нас как с методической, так и методологической стороны. Методика преподавания монгольского языка вообще оставляет желать много лучшего, и в этой области являются еще недостигнутым идеалом даже такие учебники западноевропейских языков, которые уже давно сданы в архив. Системы западноевропейских языков иные, чем система монгольского языка, и это, конечно, не только не может не отразиться на построении учебника монгольского языка, но даже должно отразиться на нем. Но обладая своей спецификой, монгольский язык характеризуется и такими явлениями, которые его лишь незначительно отличают хотя бы от тех же западноевропейских языков. Было бы безусловно неверно утверждать, что монгольский язык должен преподаваться и изучаться совершенно иначе, чем многие другие языки. Такая точка зрения, если бы она была кем-нибудь высказана, заслужила бы самый резкий отпор уже по той причине, что приняв ее, мы, развивая эту точку зрения до логического конца, были бы вынуждены признать, что по отношению к монгольскому языку должна быть создана своя особая, отдельная методология. Между тем, конечно, это не так. Обладая рядом весьма специфических черт, монгольский язык не представляет собою исключения из языков всего мира: он является точно таким же продуктом исторического развития, как все языки вообще, и в нем по своему проявляются те общие законы, которые действуют во всех языках. Нужно лишь уметь эти общие законы

схватить, правильно сформулировать и учесть то своеобразное, то специфическое, чем характеризуется монгольский язык, установить, как проявляются в нем общие законы развития языка, какие частные специфические случаи они порождают. Мы подходим таким образом к методологической стороне вопроса, которая нас естественно интересует в первую очередь. На некоторых вопросах методологического характера нам и хотелось бы остановиться подробнее.

Когда мы подходим к изучению монгольского языка, мы естественно в первую очередь сталкиваемся с рядом вопросов из области фонетики. Это совершенно неизбежно, так как начнем ли мы грамматику монгольского языка с морфологии или синтаксиса, вне звуков, без звуков или их письменных знаков мы ее изучать не можем. Фонетика монгольского языка очень проста, но ряд трудных моментов все же мы можем отметить. Самыми трудными вопросами являются на наш взгляд вопрос о кратких редуцированных гласных в непервых (т. е. неударенных) слогах и вопрос о слоге. Редуцированные гласные очень беглы, кратки и неясны. Какого они качества, — сплошь да рядом совершенно нельзя установить. Современная орфография выходит из дела очень просто, передавая их только знаками a (после a, u первого слога), o (после o первого слога), e (после e, y первого слога) и ɵ (после ɵ первого слога). Таким образом пишут alta, urta, modo, ere, ynege, ɵndɵr. На самом же деле произносят не urta, но скорее urtu (точнее *urtŭ*), не ynege (но скорее ynyg, точнее *ynў̆g*) и т. д., и как видно, конечных гласных даже не произносят и они отпадают совсем. Когда мы пытаемся дать опыт точного фонетического описания халха-монгольского языка, мы естественно игнорируем правописание, как не соответствующее в этом отношении живому произношению, но с другой стороны мы сплошь да рядом сталкиваемся с чудовищным разнобоем в точных фонетических записях: одно и то же слово раз записано *xudă*, другой раз *xudŭ*, третий раз просто *xud*. Вместо единой системы наблюдается отсутствие ее, и запись превращается в конце концов в собрание ряда зафиксированных знаками транскрипции индивидуальных произношений, в основе которых лежит, конечно, некое общее, частными обнаружениями которого и являются все эти многообразные формы. Вот уже первый очень трудный и интересный вопрос. Гласные непервых слогов (конечно, лишь краткие) оказываются чрезвычайно нестабильными. Их нестабильность может на первый взгляд произвести впечатление, будто вокализм кратких

неударенных слогов халха-монгольского языка носит совершенно беспорядочный характер. В действительности же это не так. Дело в том, что вокализм непервых кратких слогов в монгольском языке содержит всего три фонемы, а вовсе не множество фонем, как это может показаться при просмотре наших «точных» фонетических записей. Эти три фонемы суть: *ɒ*, *ə* и *ɪ̣*. Из них *ɪ̣* является очень кратким *i*. Предшествующий ему согласный является всегда несколько более передним (но не палатализованным). Более того, более передним является также гласный предшествующего ему слога, напр., *amă* 'рот' — *ȧmɪ̣* 'жизнь' — *ałłă* 'убей' — *ȧllɪ̣* 'который' и т. д. Что касается фонем *ɒ* и *ə*, то это гласные лишенные определенной артикуляции, т. е. гласные, в разных положениях реализуемые по разному. В положении после слога с *i* фонема *ɒ* реализуется как краткий *a*, т. е. *ă* или *ɒ*. В этом же положении фонема *ə* реализуется как краткий *e*, т. е. *ĕ* или *ə*. В слоге, следующем за слогом с задним гласным мы имеем только фонему *ɒ* (или фонему *ɪ̣*); в слоге же, следующем за слогом с передним гласным мы имеем *ə* (или *ɪ̣*). Далее, после *a* фонема *ɒ* в отношении своего качества реализуется как гласный, несколько приближающийся к *a* (почему его и передают в транскрипции через *ă* или *ɒ*), а после *u* этот гласный несколько приближается к *u* (в транскрипции *ŭ*). Таким образом все станет ясным, если мы отныне будет говорить не о множестве гласных фонем непервого слога, но лишь о трех, из коих две, а именно *ɒ* и *ə* не имеют определенной артикуляции.

Нестабильность, вернее кажущаяся нестабильность вокализма непервых слогов сказывается даже на самом делении слова на слоги. В качестве примера приведем формы (в точной транскрипции) *t'ȧmĭx* ~ *t'ȧmxĭ* 'табак', *ȧrĭx* ~ *ȧrxĭ* 'водка', *arạg̭* ~ *arγă* 'средство', *xāłăg̭* ~ *χāłγă* 'ворота' и т. д. Что мы видим? Оказывается, что сплошь да рядом, является совершенно безразличным, где произвести деление на слоги: *t'ȧ|mĭx* или *t'ȧm|xĭ*, *a|răg̭* или *ar|γă* и т. д. Важным является лишь то, что слово в конечном итоге останется двухсложным, а где проходит граница слогов, это роли не играет. Вопрос этот методологически важен, ибо требует особой работы по вопросу о структуре слога, по вопросу о том, что представляет собою слог. Создается в общем такая картина, что сочетания *mxĭ* или *mĭx*, *rγă* или *răγ* > *răg̭* равнозначущи. Таким образом сочетания *mxĭ* или *mĭx* (в *t'ȧmxĭ* ~ *t'ȧmĭx*) не различаются и на смысловой стороне слова это не отражается. Это очень интересный вопрос, поскольку, во-первых, деление

слова на слоги оказывается очень не простым, что действительно сказывается на практике, когда мы в газетах видим такие формы как keregleke или kergelke 'пользоваться'. С одной стороны, это отражается на орфографии, с другой — на практике преподавания в национальной школе, когда учащий становится сам в тупик, когда ему задается вопрос, что такое слог и как делить слова на слоги. А во-вторых, этот вопрос интересен для лингвистов с той точки зрения, что ряд сочетаний вроде *mxĭ ~ mĭx, łγă ~ łăg̭* и т. д. уже перестает быть сочетанием звуков и становится каким-то нерасчленимым единством — *mx, łγ* и т. д. со слогообразующим элементом без строго определенного места последнего. Ведь когда мы говорим о сочетаниях звуков, мы различные комбинации их обычно не склонны отождествлять, а здесь мы их должны отождествлять. Если мы станем на точку зрения схоластической грамматики, мы попадаем в такой тупик, из которого нам уже никак не выбраться. Лишь диалектически рассуждая, мы приближаемся к пониманию интересующего нас явления. Дело в том, что комплексы *mxĭ ~ mĭx* и т. п. должны рассматриваться как единство противоположностей: они равны и не равны друг другу, они равны в том смысле, что в смысловом отношении они равнозначны, что роль играет и здесь и там лишь элемент *mx* и, не связанный с определенным местом *ĭ*, и не равны они друг другу в том отношении, что *mxĭ* и *mĭx* не однозвучны, и с точки зрения, например, русского языка это две разные вещи. Но в том то и дело, что нужно такие комплексы брать в их единстве, не расчленять их на *m + ĭ + x* и *m + x + ĭ*, не подходить так, как мы подходим к русскому языку. В теоретическом исследовании фонетики монгольского языка мы должны поэтому правильно уметь подходить к специфическим явлениям фонетики и учитывать эту специфику. И мы должны также трактовать этот вопрос и в практическом преподавании языка. Для нас ясно, что из двух вариантов *xālγă ~ xālăg̭* мы в преподавании орфографии должны отдавать предпочтение первому, мотивируя это тем, что *xālăg̭* склоняется по той же парадигме, что слова, оканчивающиеся на гласные. Но, отдавая этому варианту предпочтение, мы должны трактовать перед учащимся такие слоги как *mxĭ ~ mĭx* как единство противоположности, как нечто единое, что лишь по разному проявляется.

Что касается качества редуцированных гласных непервых слогов, то уже было сказано, что оно очень нестабильно. Когда мы слышим *xudă* или *xudŭ*, мы знаем, что это одно и то же. Дело здесь, как нам думается, не

в *ӑ* и не в *й* второго слова, а в том, что мы здесь имеем двухсложное слово. Важен слог, а не качество его образующего элемента. И так мы и должны подходить к этому вопросу. Такую точку зрения нетрудно развивать в специальных исследованиях, но на практике это может показаться не так просто. Но и здесь мы выходим из затруднения, рекомендуя писать не kudu, но kuda, мотивируя это тем, что в ряде падежных же форм мы будем иметь долгое, ясно слышимое *a*, напр. kudaar (*xudār*). Давая это правило, мы должны здесь же учащемуся разъяснить роль редуцированных гласных, как носителей слога безотносительно к их качеству, которое совершенно индифферентно и нестабильно. На место схоластического учения о звуках схоластической фонетики прежних грамматик монгольского языка, рассматривающей слог как механическое сочетание устанавливаемых ею звуковых единиц — фонем, мы должны выдвинуть диалектическое понимание слога, и установить тождество таких слогов, как *mxĭ ~ mĭx* и т. д. Приведенный слог *mxĭ ~ mĭx* не единственный пример. Таковы еще:

rγ √ ~ r √ γ : aṙγă ~ arăǥ	'средство',
łγ √ ~ ł √ γ : xāłγă ~ χāłăǥ	'ворота',
mγ √ ~ m √ γ : tʻamγă ~ tʻamăǥ	'печать',
rx √ ~ r √ x : xoʻcʻŏrxŏ ~ xocŏrŏx	'отстать',
rb √ ~ r √ b : xerbĕ ~ xerĕb	'если',
sx √ ~ s √ x : tʻesɹĕ ~ tʻesèx	'терпеть' т. д.

Как можно с легкостью установить, такими слогами всегда являются слоги, в состав которых входят плавные (*r*, *l*, *m*), или спиранты (*s*, *š*) с последующим слабым смычным (чередующимся с гомоорганным спирантом). И в современном халхаском языке, действительно, совершенно равнозначущими являются такие слоги: *r √ γ | rγ √*, *r √ x | rx √* и т. д.

Таким образом, говоря, например, о слоге *rγ √*, мы должны помнить, что за этим знаком (напр., rga) стоит пара *rγ √* и *r √ γ* одинаково равноправных в живом произношении. Поскольку же всякая орфография должна быть единообразной, мы естественно должны выбрать какой-нибудь один способ передачи в письме, и по причине, о которой мы уже говорили, мы склоняемся в пользу сохранения в правописании только варианта с гласным на конце, т. е. превращаем такие слоги в открытые. Но и здесь дело обстоит не просто. Так, например, в противоположность слову *xāłăǥ*, которое мы предлагаем писать kaalga, по той причине, что оно склоняется

как слово, оканчивающееся на гласный, мы имеем слово tarag 'творог', которое склоняется как слово, оканчивающееся на согласный. Поэтому, если мы пишем kaalga, мы должны писать не targa, но tarag. Практически из этого затруднения можно выйти, предложив правило, согласно которому конечные слоги $rg\surd \sim r\overset{\circ}{\surd}g$ должны в орфографии изображаться как открытые слоги, если слово склоняется по правилам слов, оканчивающихся на гласные, и как закрытые, если слово склоняется по правилам слов, оканчивающихся на согласные.

Оставляя теперь фонетику, мы переходим в морфологии. Этим мы не предрешаем вопроса, как должна строиться грамматика: должна ли она начинаться с фонетики, переходить затем к морфологии и, наконец, к синтаксису или наоборот, ибо, признаться, мы придаем довольно мало значения порядку, в котором должны следовать эти отделы. На наш взгляд не это существенно, а существеннее гораздо вопрос, как строить фонетику, морфологию и т. д. Чтобы совершенно недвусмысленно определить свою точку зрения на этот счет, мы позволим себе сослаться лишь на Маркса, указавшего в «Нищете философии», что чем меньше философия занимается действительным историческим движением, действительными экономическими категориями и т. д., тем больше ей приходится обращать внимание на вопрос о порядке этих категорий. Мы далеки конечно от мысли объявить никчемной работу методистов, устанавливающих наиболее целесообразный порядок прохождения грамматик в своих методических руководствах, и признаем, что, конечно, нецелесообразным является прохождение сперва всей фонетики, потом всей морфологии (подряд склонение, спряжение), и мы в своих учебниках давно перешли на систему уроков, в которых на тексте проходятся те части грамматики, которые нужны для разбора текста, так что глагол оказывается сплошь да рядом на первом месте, а существительное в конце, и разные части синтаксиса вводятся в первые же уроки, но мы хотим сказать, что это техническая, внешняя сторона, а мы ставим здесь вопросы методологические.

Итак, переходя к морфологии, мы прежде всего не можем отстранить от себя определение морфологического строя монгольского языка. Известно, вероятно, каждому, кто хотя бы немного знаком с монгольским языком, что это агглютинативный язык. Но это лишь общее определение. Он действительно агглютинативный, если мы возьмем такие формы, как jaba 'иди!', jaba-ba 'шел', jaba-na 'пойдет', jaba-dag 'ходящий' и т. д. Но

возьмем местоимение: bi 'я', minii 'меня', nadaas 'от меня'. Это агглютинация? Нет. Это отличается принципиально от русского *я*, *меня*, *мне?* Нет. Или возьмем modo 'дерево', modo-n-ii 'дерева', modo-n-do 'дереву', modoor 'деревом' в параллель к kyyken 'девочка', kyyken-ii 'девочки', kyyken-de 'девочке'. Если падежные формы от kyyken образуются путем механического присоединения окончаний к kyyken, то этого нельзя сказать про modo: там процесс более сложный, и мы наблюдаем вставку n между основой и рядом окончаний. Если это агглютинация, то осложненная. Таким образом мы в праве утверждать, что в монгольском языке наблюдается пласт агглютинирующий и наряду с ним пласт флективный: здесь рядом уживаются две морфологические системы. Не следует думать, что флективная система совсем новая: уже в древне-литературном языке в склонении местоимений мы имеем флексию, а в остальных именах, в частности в том же слове modo (там это *modun*) мы видим простые агглютинации. Монгольский язык еще лишний раз подтверждает, что чистые формы — это фикция, абстракция, не существующая в реальном бытии. И если утверждается, что язык должен быть либо агглютинирующим, либо не агглютинирующим языком, мы возразим, что он и то и другое, и что его морфологическая система представляет собою яркий пример единства противоположностей.

Затронув систему склонения, мы не можем не поставить вопроса, что такое склонение. Какова разница между склонением и образованием новых слов от данного, например, какая разница между склонением слова *вода*, образованием падежных форм *вода* — *воды* — *воде* и т. д. и образованием таких слов как *водичка* — *водица* — *водяной* и т. д. Каждый будет совершенно прав, если он скажет, что образование падежных форм от *вода* есть система форм, выражающих разные отношения того же предмета к другим, притом отношения пространственные. *Вода* остается во всех таких случаях водой, т. е. веществом, химической формулой которого является H_2O, но словообразование от *вода* дает нам уже иное. Здесь не разные только пространственные отношения вещества H_2O к другим, но появление новых понятий: когда мы говорим *водный*, мы имеем дело уже не с предметом, не с веществом, но с качеством, с некоей абстракцией. Это *водный* есть качество какого-то другого предмета, и если *вода* конкретно существует, ее можно пить и ею мыться, то *водный* отдельного, самостоятельного существования не имеет, являясь лишь качеством, абстрагированным от целого ряда предметов. И далее, склонение, если мы от философских рассуждений

перейдем к формальной грамматике, с формальной стороны резко отличается от словообразования. Говоря о формальной грамматике, мы должны здесь же сделать следующего рода оговорку: мы вовсе не имеем здесь в виду грамматику формалистическую, грамматику формальной школы в языкознании, ибо всякая грамматика есть формальная, так как вне форм мы себе не мыслим грамматики, поскольку вне формы нет и содержания. Подставив на место термина *грамматика* термин *формальная грамматика*, мы просто хотим оттенить, что будем говорить здесь о внешней стороне, о формах. Итак, с формальной стороны склонение представляет собою нечто резко отличное от того, что мы назовем не склонением. Как уже сказано, склонение есть система форм, выражающих разные пространственные отношения все того же самого предмета, т. е. *вода — воде — воду* и т. д. Но сюда не входят *в воде, на воде,* хотя такие сочетания тоже выражают разные пространственные отношения. В противоположность ряду *вода — воде — воды*, ряд *в воде, на воде* и т. д. — уже сочетания. Здесь нам приходится уже прибегать к внешней формальной стороне. В монгольском языке это деление мы можем легко произвести, поскольку в таких сочетаниях мы не будем наблюдать сингармонизма в гласных сочетающихся элементов, ср. ger deere 'на юрте', tologoi deere 'на голове' и т. д. Что же касается различия склонения и словообразования, то с формальной стороны они тоже довольно резко отличаются друг от друга, поскольку формы, являющиеся результатом склонения (т. е. словоизменения) дальше не изменяются, а формы, являющиеся результатом словообразования, дальше склоняются, т. е. изменяются.

Переходя к монгольскому языку, нужно заметить, что границы между склонением и несклонением (краткости ради введем этот очень неопределенный термин) не так ясны. Прежде всего, если мы возьмем такие формы и сочетания письменного языка, как *γar eče* 'из руки', *γar degere* 'на руке', *γar dotura eče* 'внутри руки', то к склонению относят из этих форм лишь *γar eče*. В современном языке мы находим критерии: прежде всего в этом ablativ'e мы наблюдаем последовательно проведенную гармонию гласных (*g̬arās*), кроме того, ударения на себе это *ās* не имеет, в то время как в *g̬ar d̬oʻtʻör* последнее слово имеет свое ударение на первом слоге. Это просто, и трудность не в этом, а в другом. Дело в том, что падежи склоняемы дальше. Грань между склонением и словообразованием таким образом стирается. Так, например, от aaba 'отец' мы имеем родительный падеж,

aabiin 'отца', а отсюда местный падеж aabiinda 'у отца', 'в доме у отца' и т. д. Таким образом ряд падежных форм обнаруживает тенденцию стать самостоятельными словами. Это понятно, ибо склонение, являющееся системой образования форм, выражающих лишь разные пространственные отношения все того же предмета к другим предметам, в себе содержит элементы противоречия, ибо разные отношения в конце концов изменяют и само существо дела. Ведь когда я говорю *отец пришел* и *дом отца далеко,* отец остается отцом, но в то же время, когда мы говорим *отец пришел*, мы сообщаем о совершенно конкретном факте, о конкретном, наличествующем уже здесь отце, в то время, как во фразе *дом отца сгорел* и т. п. отец до известной степени становится качеством (качеством дома), причем отец этот может быть уже умер давно и т. д. Такие сочетания — *дал отцу* — *дом отца* и т. д. неравноценны друг другу не только потому, что мы имеем здесь дело с разными отношениями того же самого — это был бы слишком упрощенный подход, механический подход — но и по той причине, что понятия предмета в разных отношениях обнаруживают нам переход понятия предмета в понятие качества: *отца* — *отцовский*.

Таким образом резкой грани между склонением и словообразованием в монгольском языке нет, поскольку 1) «косвенные падежи» функционируют часто как субъект предложения, ср. *manā mьdēnē* 'нас (='наш', 'мы') знаем', 2) падежные формы допускают дальнейшее склонение. И это особенно интересно. Такие падежные формы не только становятся формами со значением уже не предмета, а качества, но образуют дальнейшие падежные формы, выражающие новое отношение с сохранением в снятом виде предшествующего. Такова форма locativ'а, от которой дальше образован ablativus, напр., *ger't'ēs* (письм. *gerte eče*) 'из юрты'. Понятно, что для того, чтобы выйти из дому, нужно перед этим быть в доме, и соответствующая форма монгольского языка нам и дает прежнее отношение и новое: gerte 'в юрте', gerees 'из юрты', gertees 'из юрты'. На эту сторону монгольского склонения до сих пор не было обращено должного внимания, и диалектический характер языка нам впервые приходится здесь иллюстрировать. Резюмируя, мы можем сказать, что склонение есть в монгольском языке система форм, выражающих различные пространственные отношения предметов, обнаруживающих (т. е. форм) переход в формы с новым содержанием, допускающих дальнейшее образование падежных же форм, в результате

чего появляются сложные падежные формы, выражающие новое отношение с сохранением в снятом виде предшествующего отношения.

Не менее ярко можно проиллюстрировать основные законы диалектики и на категории множественного числа. И здесь, если мы обратимся к схоластической грамматике, мы увидим, что тому, что эти грамматики называют множественным числом, они навязывают какие-то неизменные постоянные значения. Множественное число есть множественное число и больше ничего, между тем как такие формы сплошь да рядом функционируют в значении единственного числа и вместо множественности, т. е. иного количества, нам дают то же единственное число, но видоизменяют его качество, создавая слова, выражающие понятия не иного количества, чем простой singularis, но новые качества. Другими словами, количество как бы переходит здесь в качество. Но остановимся на этом вопросе подробнее. Известно, что среди формантов образования множественного числа в письменном монгольском языке наблюдаются суффиксы *-nar, -s* и *-d*. Из этих суффиксов *-nar*, как правильно утверждают наши грамматики, принимается исключительно такими именами, которые обозначают разумные существа, т. е. людей и притом в более старом письменном языке, такими, основы которых оканчиваются на гласные. Попутно заметим, что и разумные существа далеко не все во множественном числе обозначаются формами на *-nar*. Так, например, мы не встречаем от *ere* 'мужчина' формы мн. ч. *erener* от *eme* 'женщина' — *emener,* от *ečige* 'отец' — *ečigener* и т. д. Классическими же примерами образования форм на *-nar* являются излюбленные грамматиками формы *aqanar* 'старшие братья' от *aqa, degüüner* 'младшие братья' от *degüü, lamanar* 'ламы' от *lama* и т. д.

Совершенно то же самое наблюдается и в живых монгольских языках — в халхаском, бурятском, калмыцком и т. д. Даже сильно отличающийся от остальных монгольских языков дагурский не представляет собою в этом отношении исключения.

Обращаясь к подробному рассмотрению этого суффикса в монгольском языке, можно заметить, что поражает то обстоятельство, что далеко не все относящиеся к категории разумных существ имена могут образовать форму множественного числа с этим суффиксом, между тем как остальные суффиксы множественного числа образуют эти формы почти без исключений от всех соответствующих имен. В чем здесь дело? Нетрудно заметить, что множественное число на *-nar* образуют лишь такие имена, формы множе-

ственного числа которых имеют вовсе не значение простого множественного числа, но значение коллектива или группы, вовсе не являющейся простой суммой отдельных лиц. В самом деле, что означают такие формы, как *aqanar*, *degüüner*, и *lamanar?* Прежде всего необходимо отметить, что перевод *aqanar* и *degüüner* 'старшие братья' и 'младшие братья' является не совсем точным: *aqa* вовсе не 'старший брат', но просто 'старший', 'каждый, кто старше меня' (в частности 'старший брат'), а *degüü* 'младший', 'каждый, кто моложе меня' (в том числе и 'младший брат'). Часто можно услышать в Халхе фразу *t'ā nad̄ās axxǎ wǟe̯n* 'вы старше меня'. Таким образом *aqanar* означает 'старшие', служит для обозначения всей группы старших, а *degüüner* — 'младшие'. Нам представляется, что это вовсе не обычные формы множественного числа, но формы, выражающие понятие всего, что есть старшего и его противоположности, т. е. коллективные понятия. Эти *aqanar* и *degüüner* означают приблизительно то же самое, что наши *старшие* и *младшие*, например, в таком сочетании, как «младшие должны слушаться старших», с каковой фразой мы сплошь да рядом обращаемся к одному ослушнику, который моложе нас. И дело здесь вовсе не в том, что старшие или младшие обозначают действительное множество: здесь мы имеем дело не с понятием, скажем, десяти или ста старших и младших, но с коллективным понятием или с общим, что пожалуй вернее. Точно так же и *lamanar* означает 'ламы' не в смысле десяти, двадцати или ста лам, но ламство, т. е. всю категорию лиц, которых мы можем объединить под этим общим названием. Не удивительно поэтому, если в современной политической и антирелигиозной прессе мы встречаем в таких сочетаниях как *борьба с ламством*, *борьба с ламами, эксплоатация ламами* (resp. *ламством*) *трудящихся* и т. п. форму *lamanar*.

Что это так, что формы на *-nar* вовсе не являются обычными формами множественного числа, можно доказать, еще тем, что *-nar* может приниматься именами собственными и обозначает тогда весь коллектив людей, имеющих отношение к данному имени собственному: форма *-nar* означает в таких случаях, скажем не Унгерны, Колчаки и т. д., но унгерновцы, колчаковцы и т. п. Ср. например, такую фразу, взятую наугад из романа из истории гражданской войны в Монголии *Tolbo nayur* 'Озеро Толбо', как *tende-eče Qasbayatur-nar keregün učir-a ende tende sayuysayar* 'тем временем, как хасбаторовцы проживали по делу здесь и там...' Хасбатор — имя собственное, имя одного из героев гражданской войны, и форма на *-nar*

обозначает не множество хасбаторов, который существовал ведь лишь в единственном числе, но всех его людей, всех его спутников.

Из слов, допускающих образование форм на *-nar,* кроме всех имен собственных, *aqa* 'старший', *degüü* 'младший', *lama* 'лама', можно привести еще *tengriner* 'небожители, боги', *šabinar* 'ученики', специально 'духовные ученики', *baγšinar* 'наставники', в разговорном халхаском языке эти же и *bȫnȫr* 'шаманы', *t'ānăr* 'вы' (в обращении к многим лицам в противоположность *t'ā* в обращении на вы к одному лицу), *biddĕnĕr* 'мы'. В языке современной политической прессы мы находим *prolitarnar* 'пролетарии' (resp. 'пролетариат') и т. д.

Образуя такие формы, которые служат для коллективного обозначения целых социальных групп, т. е. общие понятия — пролетариат, ламство, ученичество, учительство (духовное) и используемые по культовой линии — боги, суффикс *-nar* принимается обычно такими именами, которые обозначают лиц, социально выше стоящих. Отсюда, напр., и употребление формы *t'ānar* 'вы' в вежливом обращении у хоринских бурят в противоположность к *t'ānăt* или *t'ānūs*, которые могут переводиться как 'эй, вы там' (см. А. Д. Руднев. Хори-бурятский говор, вып. I, стр. XLVII).

Мы подходим таким образом к конечному выводу, что суффикс *-nar* лишь с известной оговоркой может считаться суффиксом образования множественного числа: вернее он образует формы, обозначающие общие понятия целых социальных групп и притом преимущественно социальных групп, выше стоящих. С полной очевидностью вскрывается здесь классовый характер этого суффикса.

Продолжая рассмотрение этого суффикса, мы не можем не заметить еще того, что он прекрасно иллюстрирует нам закон перехода количества в качество. В этом весьма ярко проявляется диалектика языка, на которую не было обращено внимания в прошлом. В самом деле, мы можем установить, что формы на *-nar* вовсе не являются обычными множественными числами, и образуемые ими формы часто совершенно не имеют значения обыкновенного множества тех предметов, вернее лиц, к грамматическим формам единственного числа которых присоединяется этот суффикс. Возьмем слово *eke* 'мать', халх. *ėxxĕ* 'мать' — с суффиксом *-nar* это слово не имеет никогда значения 'матери', но только 'женщина' и притом одна женщина, ср. халх. *ėxxĕnĕr* 'женщина'. Количество переходит в качество, показатель, формант, образующий коллективные формы, здесь служит для образования формы,

имеющей исключительно значение единственного числа, но с другим содержанием. Формы на *-nar* являются таким образом единством противоположностей (коллектив — индивид, общее — частное) с переходом количества в качество (мать — коллектив матерей, материнство — женщина), и формант этот служит не только для образования форм, обозначающих какое-то множество, коллективность, но также форм с иным качественным содержанием.

В связи с предыдущим возникает вопрос, как же передается понятие 'матери', т. е. множество матерей, например, в таких случаях, когда мы видим перед собою нескольких матерей и не имеем в виду материнства, категории матерей вообще, безотносительно к их количеству. В таких случаях употребляется суффикс *-s*, напр., *eke* 'мать' — *ekes* 'матери', *yeke* 'большой' — *yekes* 'большие', *ere* 'мужчина' — *eres* 'мужчины', также *aqas* 'старшие братья' (но *degüüs* 'младшие братья' не употребительно), *eme* 'женщина' — *emes* 'женщины' и т. д. В общем, можно утверждать, что те формы «единственного числа», от которых возможно образование форм на *-nar*, обозначающих социальные группы, образуют обычное множественное число на *-s*, ср. *eke* 'мать' — *ekener* 'женщина' — *ekes* 'матери', *aqa* 'старший' — *aqanar* 'старшие' — *aqas* 'старшие братья'. При этом можно заметить, что показатель *-s* является лишь, как правило, количественным показателем и не образует форм с иным содержанием, чем единственное число, *eke* 'мать' — *ekes* 'матери'. Но мы можем установить лишь законы, действительные, скажем, для большинства случаев, но не покрывающие всех случаев. Действительно, если мы возьмем напр., такое слово, как *ere* 'мужчина', формой множественного числа которого будет *eres* 'мужчины', мы и здесь сможем наблюдать переход количества в качество и появление формы с иным качественным содержанием. Дело в том, что *eres* в языке современной прессы имеет исключительно значение 'решительный, решительно', напр., в сочетании *eres tasu-ber* 'решительно', 'решимостью', 'категорически' и имеет это значение также в более старой литературе. Формант множественного числа, каким он является в большинстве случаев, *-s* образует между прочим и именные основы с новым значением. Формант этот точно так же служит для образования основ со значением социальной группы, притом являющихся единством противоположности — коллектив и единичная личность, ср. например, *ere* мужчина — *eres* 'мужчины', 'решительный', 'категоричный' и 'мужи', а также 'герой', 'витязь'. Неудивительно, если от *eres* со значением 'герой', когда идет речь о героях,

витязях, образуется еще раз форма множественного числа на *-üd*, ср. *eresüd* 'герои', халх. *ersūt* 'герои', являющаяся формой двойного множественного числа.

Суффиксу *-s* в бурятском языке соответствует *-d̬ ~ -t*. Это закономерное соответствие конечному *-s* халхаского языка, ср. еще халх., *ułūs* 'народ' — бур. *ułāt* 'народ', халх. *bos* 'вставай!' — бур. *bod̬* 'вставай!' и т. д. Но и в письменном монгольском языке и в халхаском наблюдается суффикс *-d* тоже. В халхаском языке он принимается лишь основами, оканчивающимися на *n*, напр. *xād̬* 'ханы' от *xą̄* (основа *xān-*) 'хан', *nojjīt* 'князья' от *nojjį̄* (основа *nojjīn-*) 'князь' и т. д. В письменном языке он употребляется так же, как в халхаском, но, как показал Б. Я. Владимирцов, также принимается основами, оканчивающимися на гласные («Об одном окончании множественного числа в монгольском языке». ДАН-В, 1926, стр. 61 и сл.). Кроме того, суффикс этот принимается двухсложными и многосложными основами, оканчивающимися на *r*, правда немногими, обозначающими тоже преимущественно существа разумные, напр. *nökür* 'товарищ' — *nöküd* 'товарищи', *čidkür* 'чорт' — *čidküd* 'черти' и т. д.

Суффикс *-d* мы находим поэтому без особого удивления в составе племенных названий *oyirad*, *buriyad*, *ekirid* (ср. у Рашид-эд дина *ekiris*), *baryud, bulayad* и т. д. Суффиксы *-s* и *-d* принимаются основами, обозначающими разные социальные категории.

И суффикс *-d* так же как *-s* и *-nar* служит тоже прекрасной иллюстрацией диалектики монгольского языка. Суффикс *-d* вовсе не всегда образует множественное число, но служит также для образования новых основ с другими значениями и притом обозначающих не множество, но единичность. Ср. напр., халх. *xūxę̆* 'ребенок', 'девочка', преимущественно 'девочка', письм. монг. *keüken* 'ребенок', 'девочка': множественное число в халхаском от *xūxę̆* — *xūxět* имеет уже значение не 'девочки', но 'мальчик' и притом один мальчик. Опять переход количества в качество. Но как же образовать тогда 'девочки'? В халхаском мы для этого имеем форму *xūxěnūt* с формантом *-ūt*. А как будет 'мальчики?' Ответ — *xūxěd̬ūt* 'мальчики', 'ребята' с тем же формантом, но от *xūxět*, где мы имеем занимающий нас формант *-d*.

Мы видели, что форманты *-nar, -s* и *-d* служат не столько для образования обычных форм множественного числа, сколько для образования общих понятий наименований различных социальных групп. При этом на примере

t'ānăr вы (вежливо) и *t'ānăt* или *t'ānūs* 'вы' (грубо) мы можем установить, что *-nar* употребляется преимущественно в отношении лиц, социальных групп, стоящих выше и окруженных некоторым ореолом почтительности. В противоположность этому *-d* и *-s* употребляется иногда в отношении лиц, к которым относятся с пренебрежением. Язык диалектичен, и мы не можем поэтому предполагать, что форманты всегда так употреблялись: ничего нет, что было или будет всегда. Но если согласиться с тем, что *-nar* является формантом основ, обозначающих более высоко стоящие социальные группы, а *-s* и *-d* представляют собою обратное, то это может являться пережитком одной из стадий развития языка, когда эти форманты действительно так употреблялись. Но преимущественным употреблением этих формантов дело не исчерпывается, и в единичных случаях они функционируют одинаково, что является пережитком другой стадии.

Спрашивается теперь: существуют ли в монгольском языке такие форманты множественного числа, которые употреблялись бы совершенно безразлично в вышеуказанных отношениях. Есть — это *-ud* принимаемое основами, оканчивающимися на согласные, напр., *bulaγ* 'родник' — *bulaγud* 'родники' и т. д. и *-nuγud* принимаемое любыми основами, даже теми, которые принимают *-nar*, *-s* и *-d*. Эти форманты уже не носят такого ярко выраженного, скажем, классового характера и могут употребляться безразлично.

Остается сказать еще несколько слов о двойных показателях множественного числа.

Из вышеизложенного явствует, что формы с показателями множественного числа *-nar, -s, -d* отнюдь не имеют значения исключительно множественного числа: *ekener* означает 'женщина', *eres* 'мужественный', 'решительный', *keüked* 'мальчик'. Все это формы по значению единственного числа, и только схоластическая грамматика может их рассматривать как формы лишь множественного числа. Верно, конечно, что вообще-то формы на *-d* или *-s* образуют pluralia, ср. *modud* 'деревья', *emes* 'женщины', но это дела не меняет, и мы можем лишь констатировать, что форманты эти являются не только формантами множественного числа, но и словообразующими. С одной стороны, они являются показателями количества, множественности предметов, с другой же они образуют основы с новыми значениями, иногда образуя коллективные имена, т. е. имена, обозначающие коллективы, группы, иногда же даже единичные предметы. И поскольку они функцио-

нируют уже как словообразующие суффиксы, не является удивительным, что такие формально pluralia могут еще раз образовать множественное число. В самом деле, какой же это pluralis *sayid* 'министр', а теперь 'комиссар'? Он только формально может рассматриваться как таковой, являясь формой с суффиксом *-d* от основы *sayin* 'хороший' (образовано совершенно как *morin* 'лошадь' — *morid* 'лошади'). Или далее, разве может считаться множественным числом *arad* 'арат', 'трудящийся', прежде 'данник феодала, подданный'? И что любопытнее всего к *arad* мы даже не имеем сейчас формального единственного числа и лишь в старом языке мы находим *haran* 'простолюдин'. Таким образом еще раз подчеркиваем, что так называемые форманты множественного числа *-d* и *-s* являются прежде всего не суффиксами множественного числа, но формантами образования основ, выражающих общие понятия, обозначающих группы, коллективы и притом преимущественно социальные группы. Отсюда единичные, отдельные индивиды, входящие в эти социальные группы, тоже обозначаются этими же формами. И еще одно замечание: можно предполагать, что обозначение единичных, отдельных индивидов этими же формами, как появление самих основ формального единственного числа, параллельных к этим формальным множественным числам, представляет собою явление вторичное, позднейшее. Первоначально мы имели вероятно слова, обозначающие целые коллективы, и впоследствии лишь установились формы со значением единичности, отдельности.

Вышеизложенное и выясненный характер форм на *-nar, -d, -s* нам помогает выяснить также сущность такого явления, как двойное множественное число. Действительно, от *ekener* мы имеем множественное число *ekenerüd* 'женщины', от *eres* — *eresüd* 'мужи', от *lamanar* — *lamanarud* 'ламы' и т. д. Таким же образом мы имеем в халхаском *xą̄* — *xā̬d* 'ханы' и *xā̬dūt* 'ханы', к бур. *mor'ǒŋ* 'лошадь' — *mor'ǒt* 'лошади' и *mor'ǒdūt* или *mor'ǒhūt* (с обычным чередованием $d \sim h$ между гласными) 'лошади' и т. д. По существу, эти «двойные» множественные числа (с двумя формантами) объясняются просто: второй формант является действительно формантом множественного числа, первый же формантом образования основ со значением коллектива и его противоположности индивида. Только путаница, внесенная в это дело схоластической грамматикой, стремящейся к установлению абсолютных законов и не видящей, что эти формы диалектичны, что они движутся по законам диалектики, являясь единствами противоположности, обнаруживая

постоянный переход количества в качество и обратно, не давала нам разобраться в этом интереснейшем вопросе.

Вышеразобранные форманты являются наследием прошлых состояний языка. Характер их как формантов основ со значением социальных групп, причем один из формантов, а именно *-nar*, преимущественно использовался в одном из прошлых состояний языка для обозначения социальной группы вышестоящей, а другой *-d* или *-s* обозначал группу ниже стоящую (ср. *t'ānūs* 'эй, вы, там'), все же выступает еще достаточно отчетливо. Но язык подвижен и следует за всеми движениями социальной среды. Одна стадия развития сменяется другой, не бесследно однако, но продолжая существовать в снятом виде. Появляются факты, как бы противоречащие тому, что было раньше, но противоречия эти естественны и нам понятны. Форманты эти утрачивают постепенно свою первоначальную роль и начинают использоваться безразлично. Особенно ярко выступает эта утрата первоначальной роли в эпохи бурного развития языка, какую мы наблюдаем теперь в условиях ликвидации феодальных отношений в Монголии. В краткой статье, посвященной очень узкому и специальному вопросу, не место распространяться о тех колоссальных переменах, которые испытывает теперь современный монгольский язык. В самом деле, то, что раньше означало 'гнездо', теперь значит 'ячейка', значение слова *nam* 'однородность'; 'сообщество' сменилось значением 'партия', и весь вообще семантический багаж старого монгольского языка вылетел за борт тонущего корабля феодализма в океан революционной современности, вливающей в язык новое классовое содержание. И если раньше, обращаясь вежливо, желая быть учтивым и соблюсти хороший тон, к лицу высшего монгольского общества, мы спрашивали его о том, как оно себя чувствует, хорошо ли почивало и т. д. с выражениями *t'anā̆ lag̭šį̆ sāęnū* и т. п., то теперь это же обращение к современному арату, вызывает у него хохот, ибо ему кажется очень забавным, что с ним обращаются как с прежним феодалом или ламой. И морфология меняется. Выше разобранные форманты начинают использоваться безразлично, как обычные показатели множественного числа. Так, например, от *kümün* 'человек' мы в новой письменности, в языке современной прессы находим неправильную с точки зрения грамматики старого языка форму *kümüs* 'люди', от *qomuna* 'коммуна' — *qomunanar* 'коммуны', что вопреки всем правилам языка феодальной эпохи, когда *-nar* употреблялось лишь при словах, обозначающих разумные существа.

Мы хотели бы ограничиться в настоящей статье затронутыми вопросами грамматики монгольского языка. Задачей этой статьи было показать, как должны трактоваться некоторые вопросы грамматики монгольского языка на основе методологии материалистической диалектики. Но конечно, круг вопросов не исчерпан. Было бы странно думать, что диалектику обнаруживает лишь склонение, а спряжение не подчиняется ее законам и может быть лучше всего рассматриваемо с точки зрения формальной логики. Конечно это не так. Но вдаваясь в дальнейшие изыскания в этой области, мы рискуем написать целую грамматику. Это в нашу задачу не входит. Сказанного, кажется, достаточно для того, чтобы составить себе более или менее ясное представление о том, как может и должна строиться грамматика монгольского языка на основе метода материалистической диалектики. Грамматику не делает материалистической выворачивание ее наизнанку и превращение страницы сотой прежней грамматики в первую, а первой в тридцатую, не в замене терминов склонение, спряжение и т. д. новыми, искусственными, но в том, чтобы диалектику языка правильно отразить в исследовании, в учебнике, понять эту диалектику и схватить ее.

Проф. ФИТРАТ

Три документа по аграрному вопросу в Средней Азии

(С персидского перевел Ф. Б. Ростопчин)

Официальная дворцовая история возникавших в средней Азии в различные эпохи и в разных местах государств насчитывает большое количество источников и документов.

В первую очередь следует отметить такие источники, как *Табарӣ* и *Ибн ал-Асӣр*, «Джāми'ат-тавāрӣх» *Рашӣдӣ*, «Джихāн-кушāй» *Джӯвайнӣ*, *Ваṣṣāф*, «Раудат аṣ-ṣафā», «Маṭла'аṣ-са'дайн», «Баḥр ал-асрāр», «'Абдаллāх-нāмэ», «'Убайдаллах-нāмэ», «Раḥӣм-ханӣ», «Муḳӣм-ханӣ» и др., содержащие порой ряд чрезвычайно ценных сведений о дворцовой жизни в среднеазиатских государствах и биографии их правителей.

Большинство ученых-современников, оставивших письменные документы по истории Средней Азии, обращалось к указанным выше источникам. Однако, все появлявшиеся и вновь появляющиеся научные исследования, опирающиеся на приведенные источники, хотя и достигают порой большого совершенства с фактической стороны, сильно страдают отсутствием анализа движущих сил и причин описываемых событий. Как известно, политическая форма того или иного общества определяется его экономической и социально-классовой структурой. Между тем, в вышеприведенных источниках отсутствует всякая попытка такого анализа. *Рашӣдӣ*, *Джувайнӣ*, *Ваṣṣāф*, *'Абд ар-Раззāḳ* и др. не пытаются вырваться из ограниченного круга дворцов своих повелителей и проникнуть в толщу народных масс с целью, по мере сил и возможностей, отобразить в своих сочинениях их социальное бытие.

Марксистско-ленинская историческая наука придает большое значение таким документам, которые отражают экономическую и социально-классовую структуру тех или иных стран и народов, самым решительным обра-

зом требуя от современных историков широкого использования в первую очередь именно этих источников. Таковыми как-раз и являются предлагаемые здесь 3 исторических документа, служащие материалом к изучению социально-экономических отношений в Средней Азии.

I. Вакуфная запись Шайбāнӣ х̮āна

(на персидском языке. Размер 22 × 17 см)

Настоящий документ хранится в Рукописном отделе Института востоковедения Академии Наук СССР под № В 670 и содержит 107 листов. Повидимому в рукописи не хватает одного или двух последних листов, а также одного листа непосредственно за четвертым листом. Бумага стара и потерта. По характеру почерка можно предположить, что это оригинал или непосредственная копия с него. На полях многих страниц имеются оттиски круглой печати, на которой значится: المتوكل على الله الملك الغنى عبد الاول بن عبد الواحد الليثى

К сожалению, печать эта не имеет даты, и мне не удалось определить, к какому году ее следует отнести.

Во-первых, следует установить, что настоящая вакуфная запись не относится к записям Шайбāнӣ х̮āна, а принадлежит Михр Султ̣āн х̮āнум, происходящей из рода Бурундук̣ х̮āна (برندق خان) и жены Таймӯр Султ̣āна, ибн Шайбāнӣ х̮ана.

Рассматриваемая запись начинается обычным славословием, переходя затем к историческому повествованию, которое сводится вкратце к следующему:

Абӯл-Фатх̣ Мух̣аммад Шайбāнӣ х̮āн основал в квартале بابا خدايداد города Самарканда медресэ по имени خانيه (Х̮āнӣйэ).[1] Здесь, после четвертого листа записи, как было уже сказано, в рукописи недостает одного листа, но из дальнейшего текста видно, что там рассказывалось о том, что «постройка указанной медресэ не была закончена при жизни Шайбāнӣ х̮āна и Шайбāнӣ х̮āн был убит на персидской границе в 916 г. Х».

После утраченного листа в тексте стоит имя ابى الغازى محمد تيمور بهادر خان. Этот Таймӯр Султ̣āн является сыном Шайбāнӣ х̮āна.

[1] Теперь это медресэ известно под именем مدرسه خان (Мадрасэ-йи-х̮ан).

Как указывает настоящая вакуфная запись, после смерти Шайбāнӣ хāна, Таймӯр Султāн приступил к завершению постройки указанной медресэ, но до окончания работ умер в провинции Х̱утлāн в Кӯлāкской степи.

После смерти Таймӯр Султāна вдова его Михр Султāн Х̱āнум завершает и украшает постройку, причем с южной стороны здания было воздвигнуто другая медресэ. Вместе с этими двумя медресэ она дарует большое количество лавок (دکّان), дворов (حوالی) и земель: запись говорит об этом в следующих выражениях:

پس وقف نمود و تصدق فرمود از خالص مال و اطیب اموال خود حالی حیاتها و صحة بدنها و قیام عقلها و نفاذ جمیع تصرفاتها فی الوجوه کلها و بعد وفتها علی هذه المدرستین الشریفتین المذکورتین المحدودتین الموصوفتین همگی و تمامی مستغلات وعقارات و قری و املاك و اسیاب که در این وقفیه مسطور است

«А затем завещала и даровала из чистого имущества и законной собственности своей при жизни и будучи в добром здравии, в полном рассудке и обладании всеми своими способностями во всей их полноте после смерти своей этим медресэ, упомянутым, указанным и означенным, все угодья, недвижимость, селения, поместья, мельницы и все то, что в этой записи указано».

До подробного перечисления входящих в вакуф имуществ запись дает следующие краткие указания об их местонахождении:

بعضی در بلدهٔ دار السلطنهٔ سمرقند و بعضی در محلّات سمرقند و بعضی در تومن شاودار علیا ناحیهٔ سمرقند و بعضی در ولایت قبه الخضراء کش دلکش است و بعضی در ولایت نسف واقع است

«Некоторые находятся в стольном городе Самарканде, некоторые в тюмене Шāвдāр-и ʽУлӣйā Самаркандского округа, некоторые в предместьях Самарканда, некоторые в провинции Каш, некоторые в провинции Насаф».

Считая излишним перечислять все вакуфы, нам представляется однако небезынтересным дать краткий обзор с целью выявления удельного веса принадлежащих им недвижимых имуществ:

В городе Самарканде: 27 лавок, 4 двора и крытый базар (تیمچه).

В предместьях Самарканда: большой сад и около 200 танабов земли; сад и земельный участок; 2 мастерские по изготовлению бумаги; земельный участок; 2 земельных участка; несколько земельных участков.

В провинции Каш: целиком селение Х̱ашнӯй (خشنوی), состоящее из многочисленных земель, а также земель «такджāй» (تکجای),[1] мельницы, возвышения (کوترمه) и другой мельницы; целиком селение Энд-и-Аҳмад-и-Мугӯлāн (اند احمد مغولان), полностью территория тӣйӯля Х̱ашӣд Сипāкӣāн (خشید سپاقیان), нāзываемого также Хашӣдак Пāйāн (خشیدق پایان); полностью селение Х̣иc̣āрак (حصارك); 2 луга (اولنك) и летние пастбища (ییلاق); селение Манклӣк-Х̱оджа (منكليك خواجه); 17 ½ долей (سهم) из 42 долей в местности Манкӯджар (منکوجر) и Сӣāх-Аб (سیاه آب).

В провинции Насаф: селение Г̣ӯбдӣн (غوبدين) и Дашт-и-Г̣ӯбдӣн.

На новых каналах Самарканда: целиком местность Кӯкс̱āм (کوکثام) [کو کثام?].

Большая часть перечисленных вакуфов являлась собственностью Михр Султ̣āн Х̱āнум, а некоторые другие были куплены у других землевладельцев и превращены в вакуф.

В конце вакуфной записи подробно перечислены условия, поставленные завещателем вакуфа, а также размеры ежегодных поступлений деньгами и натурой в пользу сторон с доходов вакуфа. Это позволяет установить приблизительные размеры доходов с этого количества земель в течение XVI столетия.

В числе других сведений, почерпываемых из данного источника, становятся известными также имена некоторых среднеазиатских землевладельцев. Так, например, при описании тех границ, в которые со всех четырех сторон заключены (точные измерения отсутствуют, и границы данного участка определяются по соседним участкам) переданные в вакуф земельные участки, вакуфная запись упоминает, что вледельцем является такой-то, или такой-то продал землю такому то, или она является государственной собственностью и. т. д.

Приводим имена крупнейших среднеазиатских землевладельцев, упомянутых в настоящей вакуфной записи:

1. Эмӣр Бак̣ӣ Муҳаммад Тарх̱āн сын покойного Эмӣр ʻАбд ул-ʻАлӣ Тарх̱āна (это тот самый ʻАбд ул-ʻАлӣ Тарх̱āн, который в эпоху Султ̣āн Аҳмад Мӣрзā Таймӯрӣ был Бухарским хакимом и у которого некоторое

[1] تکجای — земли, сдаваемые в аренду под базар.

время служил Шайбāнӣ; 2) Эмӣр Ḳанбар ʿАли Тарх̮āн ибн Эмӣр Бастāм Тарх̮āн; 3) Эмӣр Сайӣд Ибрāхӣм ал-Х̣усайнӣ ал-Кирмāнӣ, названный Мӣр Мах̮дӯм; 4) Хāджакā Эмӣр Дарвӣш.

Рассматриваемая запись дает также значительное количество топографических названий, из которых многие требуют особого анализа. Приведем, например, следующие названия:

وخشتی, انکار قورحیل, انکار اینْجُکَلْ, راجکند, شوکذ, زوجکت شاشیق آلب دشت تغان, یاریمتوق, نافخس, بجنام, یغنو, خشیدك, آب لم‌لُمُ, غوبدین, یازمودین, и др. جامخین, ماغوین, پاتران, تیرکت, سکبادزه, ویجکت.

В числе упоминаемых географических названий встречаются такие, как نهر امیر غناجین, نهر منگلیک خواجه, جوی عبّاس и др., сохранившие имена тех землевладельцев, которые эти каналы прорыли.

Из рассматриваемой записи можно также ознакомиться со значением применяемых в земельных отношениях терминов: «тӣйӯль» (تیول), «мамлакэ» (مَمْلَکَه), «мильк» (مِلْکْ) «сакӣнāт» (سکینات), «дӣхэ-баш» (دیهه باش) и др.

Подводя итог, нам представляется, что настоящая вакуфная запись является ценным документом по истории земельных отношений в Средней Азии, и детальная ее разработка является крайне необходимой.

2. Дарственные записи Эмӣр Х̣айдара к Сайӣд Ах̣мад Х̮одже

(на персидском языке. Размер 18.5 × 12 см)

Этот второй документ хранится в моей библиотеке и относится к началу XIX столетия.

Эмӣр Х̣айдар, называемый также Эмӣр Сайӣд, происходил из рода ханов Мангыт (مانغیت), правивших в Бухаре, и является пра-прадедом Эмӣр-ʿАлама, бежавшего из Бухары во время революции. Эмӣр Х̣айдар умер в 1241 г. Х.

Сайӣд Ах̣мад Х̮оджа относится к числу х̮оджей Сайӣд Атāӣӣ. Он пользовался большим влиянием и доверием при дворе и последовательно достигал высокого положения с̣адра, файдӣ и наḳӣба, будучи назначаемым в провинции Чарджуй, Насаф, Карминэ, Нурата и Хузар. Он принимал участие во многих походах в качестве военачальника.

По особо ласковому тону и обращению к нему в письмах Эмӣр Х̣айдара можно предполагать, что Сайӣд Ах̣мад был племянником последнего.

В течение своей описанной 20-летней службы (с 1215 по 1235 г. Х) Сайӣд Ах̣мад записывал все ярлыки, дарственные записи и письма своего повелителя в особую тетрадь (کتابچه) из 410 листов и заключающую 962 различные грамоты.

На первой странице этой рукописи имеется след печати, на которой значится سید احمد نقیب توران زمین.

Печать датирована 1230 годом. Грамота о назначении Сайӣд Ах̣мада нак̣ӣбом также написана в этом году.

Само собой разумеется, что все указанные 962 документа совершенно различны по своей исторической ценности и некоторые из них трактуют о вопросах, касающихся исключительно личной жизни переписывавшихся лиц. Тем не менее многие письма содержат ряд крайне важных сведений по истории Бухарского эмирства.

Во всех ярлыках на управление провинциями Насаф и Хузар значится:

حاکم مذکور خراج ولایت مذکور را موافق تعامل گرفته صرف معیشت خود و لشکریه نموده لشکریه را خوب پروا کند

«Упомянутому хакиму надлежит взимать с указанной провинции х̱арāдж по обычаю, употребляя его на содержание себя и войска и заботясь о хорошем обеспечении последнего».

Приведенное выражение встречается и в других грамотах, трактующих о х̱арāдже и снабжении армии и опысывающих организацию и формы снабжения войска в эту эпоху.

Также представляют интерес грамоты на должности с̣адра, нак̣ӣба и эмӣр-лашкара, характеризующие круг прав и обязанностей этих должностных лиц.

Письма №№ 8, 9, 10 и 11, написанные в 1216 г. Х, указывают на то, что в этом году в районе Улуг̣-Тип̱э, Х̱аладж и Гунаш имело место вооруженное восстание туркмен. Особенно активную роль в восстании играли племена К̣ызӣл-Айāк̣ (قزیل ایاق) Ук̣ (اوق), и Аджӣ (آجی). Движение крепло и расширялось, и сначала войско эмира было побеждено повстанцами, но, в конечном итоге, они сами оказались разбитыми.

Считаем полезным привести несколько выдержек из указанных писем:

Из письма № 8.

سیادت و امارت پناهان نجابت و عزت جایگاهان و دولتخواهان رفیع
القدران محمد یوسف خواجه فیضی و سید احمد خواجه صدر و بیک اوغلی بی دادخواه
و بوران بی میرزا و نجاری بی دادخواه و محمد امین بی و ملا کل محمد بی
و نیاز بی و جمعه بی از مراحم خسروانه سر افراز گشته بدانید که تقدیر نیکی
و بدی و سعادت و شقاوت و خیر و شر را واجب تعالی قبل از روح را در بدن
دمیدن تقدیر کرده است هر چیز یرا که واجب تعالی در ازل تقدیر کرده است بنده
می بیند و دیگر اینکه کم و پر لشکر را نباید ملاحظه کردن زیرا در کلام مجید آمده
است که کم من فیئة قلیلة غلبت فیئة کثیرة باذن الله شمایان جایی رفته اید که
غیر از خدمت کردن و جان بازی نمودن دیگر کاری نیست اول اینکه بخوبی شود
نیکانش مهربانی بینند بدانش تنبیه یابد اگر کل الغ تیپه و خلج و کنش بدی را
پیشه کنند شمایان هم بفضل واجب تعالی از دستتان امدهگی را در حق انها کنید هر
چه باشد جمعی رفته اید ملک از واجب تعالی است بفضل واجب تعلی یک کاری
کنید باز لشکر گویید طیار خود ماهم بدولت طیار ایستاده ایم باقی السلام
علیکم ۱۲۱۴

«Убежище власти и могущества, место благородства и почета, могущественный и сановитый Мух̣аммад Юсуф Х̮оджа Фаӣдӣ и Сайӣд Ах̣мад Х̮оджа с̣адр и Бег оглы бӣй Да̄дх̮а̄х и Бӯра̄н бӣй мӣрза̄ и Бух̮а̄рӣ бӣй Да̄дх̮а̄х и Мох̣аммед Амӣн бӣй и Мулла̄ Гуль-Мамед бӣй и Нӣа̄з бӣй и Джума' бӣй, будучи обласканы монаршей милостью, да ведают, что всевышний бог установил предопределение добра и зла, блаженства и мучения, блага и скверны еще до того, как вложил дух в тело. Всякую вещь, которую господь установил в предвечности, раб ее видит. На обилие или малочисленность войска глядеть не следует, потому что в преславном слове сказано: «и сколько раз ничтожные силы одолевали силы великие с соизволения божия» [Коран, 2, 250]. А вы пошли в такое место, где только и остается выполнить службу и пожертвовать жизнью. А прежде всего лучше подействовать миром, добрых обласкать, а злых наказать и если все Улуг-Тӣпэ, Х̮аладж и Гунаш будут злодействовать, то вы, по милости божией, что сможете, то и совершите, ведь вас же много пошло.

На все воля божия, может быть по милости божией что-нибудь и сделаете. Только сочтите и войско готовым и себя для службы готовыми. А затем мир вам. 1216».

Из письма № 9.

....بدانید که سرفتنه قزیل اياق و اوق و آجی است از قدیم هم همین سه اوروق فتنه‌گر است همین سه اوروق خواه صوفی باشد و خواه صاف باشد تنبیه اش را بفضل واجب تعالی.یابد و دیگر اوروق بتاخت نارفتنش بهتر است

«....Знайте, что источниками смуты являются Ķызӣл-Айāķи, Уķӣ и Аджӣ. Эти три племени издревле смутьяны. Эти три племени, будь они суфии, будь они праведники,—все равно по милости божией не избегнут наказания. А на другие племена лучше не нападать».

Из письма № 10.

....بدانید شمایانرا فرمودیم که از چارجوی بکرکی روید ترکمنیه اقسقالان و نیکانش ظاهراً نکه آمده شمایانرا می بینند بدکردار ایشانرا شمایان گرفته میدهند یا انها گریخته میروند بعد از کرکی.رفتن از همانجا از دریا گذشته باینجانب می آیید

«...Знайте, что мы приказали вам отправиться из Чарджуя в Кирки, и туркменские аксакалы и добрые люди без сомнения придут к вам на поклон, а злодеев своих, схватив, вам выдадут, или же те убегут. После похода в Кирки там же через реку переправьтесь и сюда ступайте».

Из письма № 11.

....بدانید که عرضهٔ که بدربارعالی فرستاده بودید رسید کار یاوکری را نیمکاره کردید اکنون آستاده خیریت ترکمان را خوب کرده ولایت را بطریق سابق خاطر جمع و آرامیده کرده بیایید باز این را هم نیمکاره پرتافته نبیایید

«....Знайте, что посланный вами высокому двору доклад дошел. Однако, вы военный поход не докончили, теперь улучшите положение туркменов и сделайте провинцию спокойной, как раньше. Только уж этого дела на полпути не бросайте».

Письма №№ 12, 15, 26, 27, 37, 38, 51, 359, 491, 530, 536, 571, 932, 933 и 944 трактуют о военных действиях между Бухарским и Кокандским эмирствами.

Письма №№ 62, 63 и 255 повествуют о войне между бухарскими Мангытами и Кинагасами Шахрисабза.

Среди поэтов XIX столетия, сгруппировавшихся в Коканде вокруг двора правителя Ферганы эмира ʿОмар-х̮а̄на, совсем особое место занимает Джунайдаллā̄х Х̮āзик̣, произведения которого на турецком и персидском языках пользовались широкой известностью.

В 1259 г. Х он был убит в Шахрисабзе по приказанию эмира Нас̣руллы.

Письма №№ 70 и 265 служат материалом к биографии этого знаменитого среднеазиатского поэта.

Письмо № 390 трактует о войне между эмиром Х̮айдаром и Хивинским х̮аном.

Письма №№ 103, 215, 269, 273, 554, 557, 566, 567, 568, 583, 584, 589, 615, 625 и 873 трактуют о налогах и чрезвычайных повинностях, как, например «бā̄й-бачэ» (بای بچه), «к̣арā-чӣрӣк» (قرا چیریک), «джуʿл» (جُعْل), размерах их и способах взимания.

Из этих документов явствует, что бухарские ханы кроме известных установленных налогов и кроме военной повинности «ноукарийэ» во время военных экспедиций против племен брали еще деньги и людей. Эти деньги называются «джуʿл», а взятые для обслуживания армии люди — «к̣арā-чӣрӣк». Нет никакого сомнения в том, что эти тяжкие повинности послужили причиной волнений и недовольства.

Приводим одно письмо целиком и даем важнейшие выдержки из других писем.

Письмо № 103.

سیادت و امارت پناهان نجابت عزمت اگاهان نورچشمی سید احمد خواجم
فیضی و محرم درگاه نیاز بیک دادخواه از مراحم خسروانه سرافراز بوده بدانند که
سرای دو صد نفر منغت شش صد نفر قورمه سه صد نقر ایماق چار صد نفر عرب صد
و پنجاه نفر فقرای بیرون شهر دو صد نفر قنکرات هزار نفر هردری شصت نفر قرا
چیریک فرمودیم باید که شمایان همین قرا چیریک را خبر دهید که خود هارا طیار کرده
مستعد خدمت شده ایستند جناب ما از اینجانب سیادت پناه محمود خواجهٔ اوراق را
هم فرستادیم اگر از طرف شهر سبز خبری شود شمایان بمشورت از قرا چیریک

بقورغانهای اطراف شهرسبز ایلغار فرستانید که خوب باحتیاط کار خود ها باشند شمایان بخاطر جمعی باحتیاط و ضبط کار خودها مشغول باشید موافق فرمان عالی عملنموده خلاف و انحروف نورزید السلام علیکم ۱۲۱۸

«Убежище власти и могущества, место благородства и почета, дражайший Сайӣд Аҳмад Х̱оджа Файди и Нӣāз бӣй Дадх̱āх, будучи обласканы монаршей милостью, да ведают, что мы приказали мобилизовать 200 чел. из племени Сарāй, 600 чел. Мангытов, 300 чел. Кӯрмэ, 400 чел. Уймаķ, 150 чел. Арабов, 200 чел. пригородной черни, 100 чел. Ķункрāт и 60 чел. Хардарӣ. Вам надлежит сообщить этим ополченцам, чтобы они пребывали в готовности к службе. Мы, с нашей стороны, послали властительного Маḥмуд Х̱оджа Урāķа. В случае, если из Шахрисабза будут получены известия и вы, обсудив положение, атакуете с частью ополченцев окружающие Шахрисабз курганы, то пусть они всячески соблюдают в своих делах осторожность.

Сохраняйте и вы присутствие духа, осторожность и самообладание в своих делах, согласно высокому приказу, не отступая от него. Мир вам. 1218».

Из письма № 269.

....بدانند که از جماعهٔ کیکچی قراچیریک طلب کرده بودید باید که از وجه قراچیریک بجماعهٔ کیکچی دخل و حجت نسازند

«.... Да будет известно, что вам надлежит мобилизовать [известное количество людей] из общества Кӣикчи. Следует избегнуть того, чтобы мобилизация явилась источником недовольства со стороны общества Кӣикчи».

Из письма № 273.

....بدانید که بدولت سواری داریم جعل و نوکر و قراچیریک قرشی را پایگیر کرده همراه ملازم دربار عالی ملا برات بکاول فرستادیم از روی پایگیر زود جعل و قره چیریک را جمع کرده جعل را بسلیم اقالق و حکیم خان پسر عوض اقالق سپارید که آورده بسرکار خاصهٔ شریفه جواب گویید نوکر و قره چیریک بخدمت می آمده‌گی را مبارزت پناه حکیم توقسابه سرشده بخدمت گرفته بیارد....

....«Да будет известно, что нам предстоит поход. Произведя разверстку по повинностям «джу'л», «ноӯкар» и «ķарāчӣрӣк» с приближенным

высокого двора Мулла Барāт Бакавӯлем послали. Быстро собрав «джу'л» и «ḳарāчӣрӣк», передайте их Салӣм Аḳāлику и Ҳакӣм-Джāну, сыну 'Иваз Аḳāлика, чтобы, приведя, перед нами отчитался, а пришедших на службу ноукаров и ḳарāчӣрӣков, Ҳакӣм Тӯḳсāбэ возглавив, привел бы».

Из письма № 554.

....فقرای کرمینه از وجه قره چیریک عرض شدند باید که شما مصافات کرمینه را از فقراء و ایلات خانه شمر کنید در وقتش فقرا و ایلات پانصد قره‌چیریک را از روی خانه شمر بدهد....

«....Население Кармӣнэ жалуется на неправильно произведенный военный набор. Вам надлежит точно подсчитать число семей фукара и племен, после чего фукара и племена обязаны выставить 500 ополченцев соответственно числу семей...»

Из письма № 625.

....بدانید که جعل فقرای کرمینه صد و پنجاه طلا جعل فقرای بیرون پنجشنبه صد و پنجاه طلا و از فقرای کته قورغان سیصد و بیست طلا جعل جلایر پنجشنبه صد و بیست وپنجطلا و از اوج اوروق چهار صد طلا و از فقرای ینگی قورغان سی طلا و از قرغز صد وپنجاه طلاو از قنکرات پنجاه طلا و از سرای پنجاه طلا و از آلچین سی‌طلا و کیریت پانزده طلا و از جیت چهل طلا و از میتن کرمینه ده طلا و از منگ هشت طلا و از دورمن شش‌طلا و از برقوت صد طلا و از اوز دو طلا باید که هرکدام جعل و قراچیریک خود را جمع کرده همراه خود گرفته بجام رفته ایستید....

«....Да будет известно, что джу'л населения Кармӣнэ исчисляется в 150 ṭилā, джу'л населения окрестностей Панджшамбэ в 150 т., населения Катах-Кӯргāна 320 т., джу'л Джалāиров Панджшамбэ 125 т., Удж Урӯков 400 т., населения Йангӣ-Ḳӯргāна 30 т., Ḳыргӣз 150 т., Ḳункрāт — 50 т., Сарāй — 50 т., Ольчӣн — 30 т., Кӣрайт 15 т., Джӣт — 40 т., Мӣтан-и-Кармӣнэ — 10 т., Мӣнг — 8 т. Дӯрман — 6 т., Барḳӯт — 100 т., Уз — 2 т. Надлежит, собрав каждый свой джу'л и ḳарāчӣрӣк и взяв его с собой, направиться в Джам.

Письма №№ 119, 121, 132, 324, 466 трактуют об общей повинности по ремонту крепостных стен, каковая обязанность для каждого города ложилась тяжелым бременем на крестьянство данной провинции, выставлявшем по этой принудительной повинности определенное количество

рабочей силы. Само собой разумеется, что население подвергалось при этом грабежу со стороны губернаторских чиновников, требовавших и рабочую силу и деньги. Нижеследующие письма блестяще иллюстрируют их проделки. Приводим письмо № 324:

سیادت و نجابت پناه نورچشمی سید احمد خواجه فیضی امارت پناه معتمد دولت عالی صدر بی از مراحم پادشاهانه سر افراز گشته بدانند که دیوار قورغان غرجاب از هرجا غلطیده رخنه شده بوده است باید که نورچشمی کس فرموده مرد کار خانه آباد و قورغاشیم و ینغی کنت و غجر را جمع کرده گیرند و صدر بی مرد کار خزار را جمع کرده گرفته هر کدام یک آدم خود را بمرد کار همراه کرده زود فرستاده شکست و ریخت دیوار قورغان غورجاب را خوب درستی کنانید.... می شنویم که در باب مرد کار از مسلمان پل بسیاری میگرفته اند باید خوب تحقیق نمایید که کس از فقراء پل نگیرد موافق امر عالی عملنمایید السلام علیکم فی رمضان سنه ۱۲۲۵.

«Убежище власти и благородства возлюбленный Сайӣд Аҳмад Х̮оджа Файди, вместилище могущества, доверенный высокого правительства ҫадр бӣй, возвеличенный царскими милостями, да ведает, что стена Кургана Г̣урджāб, повсюду обвалившись, образовала бреши. Возлюбленному надлежит приказать кому-либо собрать рабочих Х̮āнэ-āбāда, Ḳӯрг̣ашӣма, Йанг̣ӣ-Кант и Г̣аджӣра, а ҫадр-бӣю собрать рабочих из Х̮узāра и обоим, поскорее послав этих рабочих со своим человеком, хорошо и исправно отремонтировать поломку и обвал Кургана Г̣урджāб.... Мы слышим, касательно рабочих из мусульман, что много денег забрали. Следует хорошо расследовать, дабы никто с жителей денег не брал. Действуйте согласно высокому приказу. Мир вам [написано] в [месяц] Рамазан 1225 года».

Письма №№ 239, 527 дают материал по землям нāвэ-гузар и размерам взимаемого с них х̮арāджа. Земли нāвэ-гузар расположены на высоте, так что вода поступает на них, перегоняясь из текущих высоко ручьев, по деревянным жолобам.

Письма №№ 30, 43, 46, 187, 532 и 740 трактуют о специфике положения земледельца, состоянии землевладения и взаимоотношений с землевладельцем.

Земледелец (کارنده — карандэ, иначе مزارع — музāрэ') — это человек, берущий землю для обработки. Государственные земли (مملکه سلطانی), частновладельческие земли (ملک حصوصی) и вакуфные земли — все они обрабатывались при помощи карандэ. В деревнях, являвшихся частновладельческой собственностью, либо вакуфами, либо государственным имуществом, — земля, дома и дворы земледельцев также находились на таком же положении. Крестьянин не имел никаких прав на свою землю, поэтому землевладелец мог в каждую данную минуту сказать ему: «убери свой дом с моей земли и ступай прочь».

Так как в Бухарском эмирстве земли было мало, землевладельцы и феодалы не нуждались в крепостном праве и эксплоатировали крестьянство, угрожая оставить последнее без пищи и крова и удерживая крестьян на уровне рабского состояния.[1]

Письма №№ 532 и 740 посвящены водопользованию. Письмо № 891 говорит о ремонте речных мостов и порядке реализации этой повинности. Письма №№ 148 и 825 повествуют о сдаче правителем на откуп права на сбор х̮арāджа провинциальным вāлӣ или каким-либо другим лицам.

Во многих из этих писем встречается большое количество названий племен, обитавших в различных провинциях Бухарского эмирства. Эти сведения представляют значительную этнографическую ценность. Так, нам пришлось столкнуться в этих письмах со следующими названиями: Ḳара-Ḳалпāḳ (قره قلپاق), Кӣнагас Ḳара-Ḳалпāḳ (کینکس قره قلپاق) и Ḳарā-Мангы̄т Ḳарā Ḳалпāḳ (قرا منغیت قرا قلپاق), причем представляется чрезвычайно важным, что одна из грамот указывает, что Ḳара-ḳалпāḳи провинции Карминэ (целиком или частично) перекочевывали туда из юртовых стоянок казаков (قزاق). Ввиду важности вопроса, цитируем по этому поводу письмо № 523:

....بدانید که عرضهٔ که بدربار عالی فرستاده بودید رسید عرض کرده اید که
آدمی که از برادر امان بای توقسابه عرض کرده بوده است عرض او بتفاوت
بودست او دعوی پسری نکرده است ضعیفه باختیار خود رسیده بوده است ضعیفه

[1] Из наших пояснений не следует делать вывода, что все землевладельцы имели дом и землю. Разумеется среди крестьян имелось значительное количество безземельных и бездомных, которые эксплоатировались иными способами, напр. закабалением их при помощи ссуды, называемой «бунак» (بنک).

باختیار خود رسیده باشد کسی بیوجه دخل نسازد دعوی که در ولایت قزاق شده باشد قزاق بقزاق یا قزاق بقره قلپاق یا قره قلپاق بقزاق داشته باشد دعوی کهنهٔ در یورت قزاق شده را قاضیان نشنوند بعد از اینجا آمدن اگر دعوی واقع شود قاضیان شنیده بقطع رسانند باقی احوالات را آدم فرستاده‌اتان تقریر خواهد نمود السلام علیکم ۱۲۲۲.

«....Пусть знают, что посланное вами к высокому двору письмо прибыло. Вы докладываете, что человек, подавший жалобу на братьев Амāн-бāя Туķсāбэ, доклад его неправилен, он не предъявлял своих сыновних прав. Женщина достигла своих целей, а если она уже достигла этой цели, то пусть никто без основания не вмешивается. Исковые претензии, которые возникли в Казакской области от казака к казаку или от казака к каракалпаку или от каракалпака к казаку, эти старые иски, возникшие на казакских кочевьях, пусть ķāдӣ не рассматривают. А если иск возникнет после прихода сюда, пусть ķāдӣ, рассмотрев, решат. Остальные дела изложит посланный вами человек. Мир вам, 1222».

Письма №№ 50, 320 и 487 говорят о том, что узбекским ханам было приказано собрать с земледельческих районов каждой провинции натуральную и денежную повинность по содержанию ноукаров данной провинции. Если ноукар удовлетворен довольствием натурой и деньгами на год по какой-нибудь провинции, то без особого на то разрешения хакима он не имеет права в течение данного года удаляться в другую провинцию. Если же он все-таки туда направится, то обязан сдать обратно и полученное им натуральное и денежное довольствие.

Нам представляется, что эти условия сильно способствовали тому, что узбеки, после захвата в свои руки власти в государстве Теймуридов (XVI в.), быстро переходят от кочевания к оседлости.

Письма №№ 56, 141, 488, 500 и 637 трактуют о переходе государственных земель (مملکه) в частную собственность (مُلْك) с санкции падишаха. Эти земли назывались «мильк-и-хукм» (مِلْكْ حُكْمْ), а затем получили известность под термином «мильк-и-хурр» (ملك حُرّ), т. е. свободное от всех налогов владение. В указанных письмах говорится по этому поводу следующее:

Из письма № 488.

.... چنانچه چشمهٔ ریکسالهٔ هزارهٔ خرقان از ولایت کرمینه ملك بوده برین مضمون
حکم قبلگاه جنت مکانی نور مرقده ناطق است حالا ملازمان شما بآبچه [1] و ریکسالهٔ
مذکوره از وجه خراج حجت و مداخلت میکرده اند باید ملازمان خود را منع کنید
اراضیٔ موضع مذکور را ملک دانسته از وجه خراج حجت و مداخلت نکنند

«....Так как источник Рӣксāлэ-и-Хазāрэ-и-Х̱арк̣āн провинции Кармӣнэ является частным владением, то в этом смысле гласит приказ заменяющего Кыблу, обителью которого является рай, да будет озарена его гробница [т. е. моего отца]. Ныне ваши слуги в Абчэ и указанном Рӣксāлэ чинили по поводу х̱арāджа вмешательство [требовали его уплаты]. Следует запретить вашим слугам и, считая землю означенного района мильком, не облагать ее х̱арāджем».

Из письма № 500.

ورثهٔ عبد الرحمن خواجه بعرض عالی رسانید که هشتاد طناب زمین ملک حکم
در قریهٔ چاررهه در وقت حضرت جنت مکانی قبلگاه علیه الرحمه بامرشان طناب
کشیده شده بود....

«Наследники ʽАбдуррахмана Х̱оджи доложили высоким сферам, что 80 танāбов земли «мильк-и-хукм» в селении Чахāр-Рāхэ в эпоху его покойного величества ...... по приказу его были отмерены...»

Письма №№ 129, 470, 688, 689, 690, 901 и др. трактуют о термине «танх̱ах» (تنخواه) [разновидность тӣйӯля].

Письма №№ 135, 270, 468, 483, 498 относятся к обложению «х̱арāдж-и-т̣анāбāнэ» и «х̱арāдж-и-мāль», а также толкованию указанных терминов. Приводим по этим вопросам письмо № 483.

....بدانید که عرضهٔ که بدربار عالی فرستاده بودید رسید از مضمون او آگاهی
بجانب ما حاصل گردید از باغ و چهار باغ طنابی یکطلا طنابانه گیرید اگر یکطلا
طنابانه قبول نکنند از روی سه یک مال کنید....

«....Ведайте, что поданное вами высокому двору прошение получено. Содержание его раскрыло нам истину: Взимайте с сада и большого сада по

[1] В подлиннике بآلچه

одному тила с каждого танаба. Если же они не согласятся на тила с танаба, то взимайте в размере одной трети [с урожая]....»

Письма №№ 229 и 312 относятся к размерам натуральной и денежной повинности ноукарӣйэ.

Письма №№ 456 и 682 говорят о том, что крестьяне уклоняются от уплаты причитающейся землевладельцу «законной доли урожая».

Письмо № 803 относится к покупке падишахом частновладельческих земель.

Письма №№ 148, 151, 267, 271, 276, 286, 577 трактуют об освобождении владельцев земель «мильк» от уплаты х̮арāджа.

Ограничиваясь приведенными выдержками и ссылками на письма, приходится сразу же оговориться, что настоящими указаниями вовсе не исчерпываются все имеющие историческую ценность документы, позволяющие исследователям и историкам почерпнуть из рассмотренных рукописей богатый фактический материал.

3. Письма Эмӣра Нас̣руллы к Х̮акӣму К̣ӯшбӣкӣ

(на персидском языке. Размер 15 × 24.5 см. Хранится в моей библиотеке)

Эмӣр Нас̣рулла также принадлежит к числу Мангӣтских эмиров, являясь сыном упоминавшегося выше Эмӣра Х̮айдара. После смерти отца и последовавшей вслед за этим короткой борьбы со своими братьями, он вступил в Бухару и занял отцовский престол. Х̮акӣм К̣ӯшбӣкӣ или Мух̮аммад Х̮акӣм бӣй Куль К̣ӯшбӣкӣ был одним из приближенных вельмож при дворе Эмӣр Х̮айдара.

После смерти последнего он сделался сторонником Эмӣра Нас̣руллы и помог ему достигнуть положения Бухарского эмира, за что тот наградил Х̮акӣма āт̣āлыка званием Куль К̣ӯшбӣкӣ.

Рассматриваемая рукопись является сборником писем, посылавшихся Эмӣром Нас̣руллой Х̮акӣму К̣ӯшбӣкӣ в Бухару при посещении Шахрисабза во время войны с Кинāгасами. Еще при жизни Х̮акӣма К̣ӯшбӣкӣ эти письма были объединены в сборник (повидимому одним из его секретарей).

В начале сборника имеется краткое предисловие, в котором указывается, что после смерти Эмӣра Х̮айдара, эмиром сделался Мӣр Х̣усайн Тӱрэ. Ему противодействовал Х̮акӣм К̣ӯшбӣкӣ. Через 70 дней Мӣр Х̣усайн Тӱрэ скончался и на престол взошел ʻОмар Тӱрэ. Х̮акӣм К̣ӯшбӣкӣ,

связавшись с Насруллой Тюрэ, вызвал его из Ḳаршӣ на осаду Бухары и возвел на Бухарский престол.

После указанных кратких сведений следуют письма в хронологической последовательности. Однако рукопись деффектна: с обоих концов не достает одного-двух листов. Все помещенные в сборнике письма написаны между 1243 г. и 1251 г. Х, т. е. в течение 8-летнего периода. Рукопись имеет, кроме выпавших, 147 листов, включая 489 писем.

По сравнению с двумя рассмотренными нами выше документами (вакуфная запись Шайбанӣ х̱ана и писем Эмӣр Х̱аӣдара), данная рукопись уступает им по ценности и значению.

Большая часть заключающихся в рукописи писем относится к частным делам, а представляющие историческую ценность документы трактуют о войне между Бухарой и Кинагасами, и лишь только одно письмо № 232 имеет совершенно исключительное значение. Это указ, выданный Эмӣром Насруллой Х̱акӣму Ḳушбӣкӣ с предоставлением последнему широких полномочий по управлению провинцией Ḳаршӣ, куда он был направлен. Приводим этот указ:

در اینولا حکم عالی صادر شد که وزارت پناه مقربی محمد حکیم بی کل
قوشبیکی را از برای سر رشتهٔ ولایت قرشی فرستادیم باید که وزارت پناه مذکور
کل خراج دههٔ پایان و دههٔ میانه و دههٔ بالای قرشی از سفیدی و کبودی و حسابی
آسیا و طنابانهٔ باغ و نقدهٔ تماکو و زکوة توابع قرشی را گرفته از روی دفتر عالی
علوفه نوکریه و طنابانهٔ نوکریه را بدهند سفید بری را در وقت سفید کبود بری را
در وقت کبود المان از قوشبیکی طلب نماید املاکداران اولاً از روی تخمین
وزارت پناه مذکور گیرند اگر املاکداران نگیرند بفقرا بدهند از خراج امساله
املاکداران از فقرا از غلّه و نقده هر چیزیکه گرفته باشند گشته بوزارت پناه
مذکور بدهند اگر تمرّد کنند فرمودیم که حبس کرده گیرند و به تنخواه امارت
و مبازرت پناهان بدل بی و شیردانه ایشیک آقا باشی دخل نسازند غیر از تنخواه
مشار الیهما دیگر تنخواهیکه در قرشی هست وزارت پناه مذکور گیرند و آدمان
بیجاکرد را تنبیه نمایند برینموجب موافق فرمایش عالی همایون عمل نمایند
خلاف و انحراف نورزند فی شهر محرم تحریر یافت ۱۲۴۶

میرگان منغیت و خاصه بردار هشت منی غله
دیگر نوکریه کلاً شش متی غله
چهره اقاسی دوازده من غله
میرزا باشی شانزده من غله
میر آخور چهل من غله
قراول بیکی سی من غله
جیباچی بیست من غله
توقسابه پنجاه من غله
ایشیک اقا باشی شصت من غله
بدل بیک میر آخور یکصد من غله
آدینه پانصد باشی یکصد من غله
بهمین فرمایش عمل کنند فی شهر محرم سنه ۱۲۴۶

«В это время высокий указ вышел, чтобы убежище вазирства, приближенного Мохаммед Хакӣм бӣя Куль Ḳӯшбӣкӣ отправить для управления провинцией Ḳаршӣ. Надлежит, чтобы указанный обладатель вазирского достоинства весь х̱арāдж с нижних, средних и высоких деревень Ḳаршӣ, «сафӣдӣ» и «кабӯдӣ»,[1] арендную плату с мельницы, потанабную плату с сада, денежный сбор с табака и закат, с окрестных деревень собрав, по высочайшему реестру повинности «ʿолӯфэ-и-ноӯкарӣйэ» и «ṭанāбāнэ-и-ноӯкарӣйэ» внес бы и «сафӣд-барӣ» и «кабӯд-барӣ», каждые в свое время истребовав, āламāн (?) потребовал бы от Ḳӯшбӣкӣ (?). Сначала помещики пусть по предварительному подсчету его вазирства берут, а если помещики не возьмут, пусть крестьянам дают. Из х̱арāджа этого года помещики все, что с крестьян натурой и деньгами забрали, пусть вернут его вазирству. Если упрутся, приказали арестовать. В жалование прибежища эмирства и отваги

[1] «Сафӣдӣ» и «кабӯдӣ» («сафӣд-барӣ» и «кабӯд-барӣ») означают налог, взимавшийся с хлеба, сжатого и убранного с поля (غلهٔ سفید بری), и с хлеба на корню (غلهٔ کبود بری), еще не созревшего и потому неубранного. (См. А. Семенов „Образцы таджикских официальных документов“. Ташкент, 1929, стр. 23). О форме и размерах этого налога мы данными не располагаем.

Бадал бӣя и Шӣрдāнэ Ишӣк Агāбāшӣ пусть не вмешиваются. А другие суммы, которые кроме их «танх̱āха» в Карши есть, пусть их вазирство возьмут. А людей бродячих пусть наказывают и в этом отношении согласно высокому августейшему приказу действуют, от него не отступают и не уклоняются. Написано в месяц Мухаррам 1246.

Стрелки Мангытские и хāçэ-бардāр	8	ман	зерна
Остальные слуги в общем	6	»	»
Чихрэ Āгāсы	12	»	»
Мӣрза бāшӣ	16	»	»
Мӣрāх̱ӯр	40	»	»
Карāӯль-бӣки	30	»	»
Джӣбāчӣ	20	»	»
Туķсāбэ	50	»	»
Ишӣк Āгāбāшӣ	60	»	»
Бадаль-бек Мӣрāхӯр	100	»	»
Āлӣнэ-Пāнçад-бāшӣ	100	»	»

По этому приказу пусть действуют. В месяц Мухаррам 1246»

«Пайгӣр», т. е. реестр приписан в конце приказа. Это список оплаты чиновников и слуг, из которых только два поименованы в конце реестра. Оба они, в виде исключения, получали больше зерна, чем им полагалось по чину.

Кроме этого, письма №№ 43, 46, 48, 62, 74, 76 174, 184, 225 и 328 трактуют о распределении воды и доказывают, что вода находилась в руках у правителя.

Письма № 183 и 432 относятся к общественной проводке и чистке арыков.

Письма №№ 129 и 265 говорят о повинности «джуʻл»; кроме того, в одном из этих писем мы встречаемся с другим налогом, называемым «бай-пӯлӣ».

Письма №№ 194 и 220 трактуют о размерах «ţанāбāнэ» и «ʻолӯфэ» — повинностей на содержание ноукеров.

Эти собранные воедино документы могут ответить на многие исторические вопросы.

Было бы крайне желательно, чтобы Академия Наук, при содействии среднеазиатских республик, осуществила издание подобных документов, так как без таких материалов совершенно невозможно осветить и подвергнуть анализу многие коренные проблемы истории Средней Азии.

Е. Э. БЕРТЕЛЬС

Состояние работ по изучению истории таджикской литературы

Таджикская литература, подобно многим восточным литературам и в противоположность большинству западноевропейских литератур, обладая весьма богатым и ярким феодальным периодом, имеет сравнительно небогатый новый период, исчисляемый всего лишь несколькими десятилетиями. Это обстоятельство чрезвычайно важно, так как оно создает для новой литературы очень большие затруднения по преодолению старых традиций и позволяет буржуазным националистам и прочим врагам социалистического строительства, прикрываясь маской изучения старой литературы, стараться о сохранении за ней господствующей позиции и тем самым укреплять враждебную социалистическому строительству идеологию. Отсюда можно было бы сделать тот вывод, что в таком случае литературу эту лучше всего было бы предать забвению и дать ей бесследно исчезнуть. Но такой вывод был бы совершенно неправильным, так как многое в этой литературе является весьма ценным и вполне может быть использовано и в нашу эпоху. Однако, такое использование возможно лишь при том условии, если надлежащим образом будет поставлено изучение этой литературы, т. е. если мы будем изучать эту литературу как литературу классовую, выражающую различные этапы классовой борьбы в Средней Азии. Если классовый смысл всех памятников старой таджикской литературы будет вскрыт, если будет показано, кому она служила, чьи интересы защищала, то тем самым отпадет и всякая возможность использования ее классовым врагом в наши дни, отпадет возможность демонстрирования ее как выражения «общечеловеческих чувств, стоящих выше классовой борьбы». Следовательно, для Таджикистана, являющегося одним из отсталых участков нашего культурного фронта, изучение его литературы тем самым становится

крайне важной и неотложной задачей, требующей для успешного разрешения ясной и точной постановки вопросов и не допускающей отговорок и умолчаний.

Поэтому, особенно печальным является тот факт, что доныне работ по истории таджикской литературы мы не имеем. Мне известны всего только две работы, а именно небольшая статья проф. А. А. Семенова[1] и объемистый сборник известного таджикского писателя С. Айни.[2]

Первая из них — краткий очерк (10 стр.), не могущий претендовать на какое бы то ни было научное значение. Основное задание его назвать несколько более крупных имен за последние 400 лет. Самый факт появления его в каталоге известного лейпцигского книгопродавца указывает на то, что издатель руководствовался при помещении его своего рода «рекламными» целями, ему нужно было привлечь внимание западноевропейского потребителя к мало известному участку и тем самым повысить спрос на имеющиеся на его складе среднеазиатские издания, которые при теперешнем кризисе в Европе особенно ходким товаром, вероятно, не являются. В обиходе советского читателя для этой статьи место едва ли найдется (за исключением разве кое-каких содержащихся в ней фактических данных).

Вторая работа, напротив, представляет собой труд большой важности, но вместе с тем обладает и некоторыми опасными свойствами. Дело в том, что это не история литературы, а только обильное собрание ценнейших материалов по истории литературы, построенное по знакомому всем историкам персидской или турецкой литератур типу «тезкирэ». То есть, составитель такого сборника дает только ряд образчиков различных авторов, расположенных в хронологическом или каком-либо ином порядке, и от себя добавляет только сжатые биографические данные, не анализируя и не оценивая самих произведений. Отношение составителя к материалу выражается таким образом почти исключительно в подборе материала, преобладании того или иного автора и т. д. Но как бы мы ни подбирали старую таджикскую литературу, все-таки превратить придворную феодальную литературу в литературу нам не враждебную едва ли может удасться. Отсутствие каких-либо замечаний со стороны составителя может вызвать у мало подготовленного читателя представление, что эта литература рекомендуется

[1] A. A. Semenov. Kurzer Abriss der neueren mittelasiatisch-persischen (tadschikischen) Literatur (1500—1900). Litterae orientales, Heft 46. Lpz., 1931.

[2] Namunaji adabijjoti toçik. M., 1926.

ему как образец для нашей эпохи, что, конечно, совершенно недопустимо, или может заставить подумать, что составитель сочувствует выражаемой этой литературой идеологии, чего, как мы знаем, на деле вовсе нет. Таким образом, если такого рода сборник для историка литературы весьма ценен и удобен, то, как массовое издание, он может вызвать в неподготовленной среде совершенно нежелательные последствия.

Такое положение вещей заставляет нас выдвинуть вопрос о создании марксистской истории таджикской литературы в первую очередь. Однако, создание такой истории — дело весьма не легкое, которое едва ли может быть осуществлено с наскоку, в краткий срок. Первым и главным затруднением здесь является отсутствие марксистской истории Средней Азии, которая могла бы лечь в основу труда литературоведа. Экономика феодального периода, роль торгового капитала, роль кочевых племен — все это выяснено еще далеко недостаточно, и отсюда для литературоведа возникают большие затруднения. Далее, значительные трудности представляет также обилие материала, который к тому же для феодального периода в громадной своей массе не издан и имеется только в виде рукописей, разбросанных по разным книгохранилищам и зачастую дошедших до нас в весьма испорченном виде. Для литературы периода революции присоединяется еще одно затруднение — редкость тех периодических изданий, в которых бо́льшая часть литературы этого периода появлялась, и отсутствие в крупных книгохранилищах сколько-нибудь полных их коллекций. Здесь потребуется предварительно еще упорный труд по собиранию всего того, что можно будет найти.

Приведенные соображения вполне ясно показывают, что в этой небольшой статье я отнюдь не собираюсь дать полную историю таджикской литературы. Дать такого рода труд пока было бы для меня еще абсолютно невозможным. Задача моя иная — мне хотелось сообщить здесь результаты нескольких лет работы над таджикской литературой, наметить основные линии ее развития, как они мне представляются на основании исследованного мною материала. В качестве центрального момента здесь выдвигается вопрос о периодизации ее, которому я и уделяю наибольшее внимание. В связи с взятой мной установкой, останавливаться на деталях я, конечно, возможности не имею, и отсюда понятно, что в некоторых своих частях статья прибретает несколько схематичный характер. Считаю все же нужным предупредить, что создавать абстрактную голую схему я отнюдь не

стремился, ибо всякие попытки связать, например, определенную поэтическую форму с определенной эпохой и не показать ее в ее динамике будет чистейшим формализмом, от которого я стремлюсь уйти как можно дальше. Здесь я даю только как бы развернутый и мотивированный план большого труда, который еще должен быть написан. План этот поможет сгруппировать материал и выделить те эпохи, к разработке которых нам нужно приступить в первую очередь. Указывать здесь те рукописные материалы, на основании которых сложилась настоящая работа, едва ли нужно, ибо при значительном числе их список вышел бы весьма длинным и все равно не принес бы читателю никакой пользы.

I

Первый вопрос, встающий перед исследователем таджикской литературы, — это вопрос о том, с какого момента начинать эту литературу, т. е., другими словами, что разуметь под таджикской литературой, из какого признака исходить. Если мы будем понимать под таджикской литературой литературу на таджикском языке, то сейчас же встанет вопрос, что же мы разумеем под таджикским языком. Если под таджикским мы будем разуметь язык, на котором говорит сейчас масса трудящихся Таджикистана, то, во-первых, процесс объединения его еще далеко не закончился и дробление на диалекты все еще существует, а затем, весьма понятно, что в феодальный период язык трудящихся не мог быть литературным языком. При такой постановке вопроса феодальный период для нас попросту отпадет. Но, вычеркивая феодальный период, мы тем самым вычеркиваем и борьбу среднеазиатской буржуазии с феодализмом, да кроме того и лишим себя возможности проследить сохраняющиеся в качестве контрабанды остатки феодального наследия в современной литературе. Таким образом, язык не может служить для нас исходным пунктом. Однако, если мы попытаемся за основу взять критерий национальный, перед нами встанет новое затруднение. Идея национальности в период феодальный играет роль только в исключительных случаях. Поэтому нет ничего удивительного в том, что вплоть до создания Таджикской ССР, т. е. до 1930 г., таджики отдельного государственного объединения не представляют и входят в состав различных политических образований, возникавших и исчезавших на населенной ими территории. Наконец, и самый термин «таджик» не всегда обозначал одно и то же понятие. Достаточно указать на то, что в XIII в. для монгольских завоевателей

Персии персидское население даже вплоть до самого юга Персии было «таджиками», причем термин «таджик» обозначал перса в противоположность монголу. Выход из этого затруднения, на мой взгляд, возможен только один — необходимо в определении круга таджикской литературы исходить из той географической территории, которая почти на всем известном нам отрывке истории была по преимуществу заселена таджиками. Тогда в историю таджикской литературы мы должны будем включить все произведения на таджикском или ином, близком к нему литературном языке, создававшиеся и распространявшиеся в долине Мианкаля и отчасти в Хорасане и северном Афганистане. При такой постановке вопроса историю таджикской литературы нам нужно было бы начинать с литературы согдийской, старейшей из всех литератур, возникавших на этой территории. Методологически это было бы вполне правильно, но практически едва ли особенно целесообразно, так как дошедшие до нас обломки согдийской литературы крайне немногочисленны и почти не дают нам образцов художественной литературы, являясь частью литературой культовой (буддийские тексты и притом переводные), частью весьма ценной, но прямого отношения к литературе не имеющей деловой перепиской.

Все указанные соображения заставляют меня относить начало истории таджикской литературы к X в. н. э., т. е. к бухарскому периоду. Правда, этот период до сих пор всегда относился и относится литературоведами к истории персидской литературы, что в известной степени и правильно, так как язык этой литературы бесспорно может быть назван персидским. Следовательно, до XVI в. грань между персидской и таджикской литературой у нас будет чисто условная. Но это вполне естественно, так как для этого периода литературным языком среднеазиатского феодала был язык персидский, и ни в экономическом, ни в политическом отношении между среднеазиатским и персидским феодалом почти никаких отличий не было. Такое положение для литературоведа ничего необычайного собой не представляет, и наблюдается и в литературе ряда других народов. Достаточно указать хотя бы на русскую литературу, литературным языком который в феодальный период был язык древне-болгарский.

Конечно, нельзя думать, что, начиная историю таджикской литературы с X века, мы полностью отразим ход ее развития. Дело в том, что для X в. мы располагаем рядом памятников, но все эти памятники без исключения относятся только к литературе правящего класса, т. е. феодальной аристо-

кратии. Но одновременно с этой литературой существовала безусловно и другая литература, выражавшая интересы широких масс, которая, однако, по понятным причинам не смогла быть зафиксирована письменностью, осталась устной и, таким образом, до нас не дошла. Составить себе представление об этой устной, или, как ее называла старая наука, «народной» словесности можно только искусственно, реконструируя ее на основании существующего и поныне устного творчества. Среди циркулирующих и сейчас устных произведений есть немало обломков старого, конечно сильно видоизмененных, покрытых рядом напластований, но, несмотря на все это, все же известное, хотя бы приблизительное представление об этой исчезнувшей литературе на основании этих обломков составить можно. Для этого требуется прежде всего тщательнейшее собирание всего, что еще сохраняется в устном виде в глухих углах страны, — сказок, песен, загадок и т. п. Работа эта уже начата и успешно ведется Таджикским научно-исследовательским институтом. Собран уже довольно большой материал. Теперь на очереди разработка этого материала в литературном отношении. Только тогда, когда разработка эта будет доведена до известной полноты, можно будет приступить к первой главе истории таджикской литературы, пока же без привлечения этого материала эта глава неизбежно будет однобокой, отражая только продукцию правящего класса.

2

При построении периодизации истории таджикской литературы я исхожу из положения классов, участвовавших в создании этой литературы, и провожу деление на периоды там, где в положени этих классов происходили те или иные изменения. При этом приходится иметь дело в основном с двумя линиями — линия литературы феодальной аристократии и линия литературы буржуазной (торговой и мелкой буржуазии). Линии эти по существу все время переплетаются, то скрещиваясь, то расходясь, в зависимости от различных фаз классовой борьбы, которую они выражают. Для более легкой обозримости схемы периодизацию приходится производить по каждой из этих линий отдельно, потому что в противном случае картина получилась бы крайне сбивчивая и путаная. При этом я прошу, однако, иметь в виду, что разделение это мною проводится только в схеме, в окончательном построении разрывать эти две линии, ведущие между собой неуклонную борьбу на всем протяжении истории, я, конечно, не намерен.

Для феодальной таджикской литературы можно было бы наметить следующие этапы.

а) Этап расцвета феодализма с центром в Бухаре, X в. (в прежних моих работах называвшийся мною «саманидским» периодом). Основная черта этого периода — чрезвычайно выпуклое развертывание основных элементов феодального стиля. Центром всей литературной продукции служит особа феодала-аристократа, раздуваемая в хвалебных одах (касыдах) до сверхчеловеческой величины. Природа служит только фоном для показа этой гигантской фигуры. Эпос (характерный образец, знаменитое Шах-наме Дакики — Фирдоуси) служит политическим целям феодалов, с необычайной резкостью подчеркивая в качестве основной идеи (особенно у Дакики) — идею верности вассала сеньору, рыцарской чести, доблести.[1] Так как феодализм в этот период еще жизнеспособен, находится, так сказать, в полном расцвете своих жизненных сил, то результатом этого является высокая художественность литературы этого периода, яркость образов, сравнительная простота языка и т. д. Язык в основном от языка Персии не отличается.

б) Вторым периодом можно считать переход центра из Бухары в Афганистан (Газну), а затем Персию, осуществившийся в конце X, начале XI в. Поражение среднеазиатских феодалов влечет за собой ослабление литературной деятельности при среднеазиатских дворах. Вполне понятно, что поэты феодального периода были заинтересованы в том, чтобы иметь возможно более щедрого и могущественного покровителя. В результате центр всегда притягивает к себе наиболее выдающиеся литературные силы, и в моменты образования таких центров провинциальная литература оскудевает и количественно и качественно Этим объясняется то обстоятельство, что наибольшую активность персидская придворная литература развивает в момент наибольшей раздробленности Персии и сопредельных стран и ослабевает в моменты максимальной централизации страны. Для таджикской феодальной литературы этого периода, который можно датировать с XI по XIII в., характерной чертой является подчеркнутая политическая роль ее, поэзия используется феодальной аристократией в целях создания сатир на своих противников (достаточно вспомнить поэтическую переписку между Рашид- и Ватватом и Анвари, отражающую борьбу сельджуков с хорезмшахами). В формальном отношении этот период характеризуется усилен-

[1] Характерная деталь у Дакики: эпитеты героев «благородный», «почтенный», «именитый» и т. д. — специальный упор на аристократическое происхождение.

ной разработкой внешней формальной стороны поэзии, влекущей за собой резкое увеличение количества поэтических фигур, введение в литературу схоластической науки и выработку целого ряда трафаретных штампов, в результате чего поэзия утрачивает непосредственность и приобретает все более и более искусственный характер.

в) Началом третьего периода таджикской литературы можно было бы считать образование нового среднеазиатского центра в Самарканде. В этом периоде господствующая роль переходит к чагатайской феодальной аристократии, в результате чего развивается борьба между чагатайской и таджикской феодальной литературой, не носящая, однако, особенно резкого характера. Период этот можно датировать XIV—XV вв. Типичным памятником его является такое произведение, как „Muhākamat ul-lughatain“ Неваи, отчетливо намечающее формы борьбы двух языков между собой. Техническая сторона поэзии на этом этапе развивается еще больше и достигает свой кульминационной точки. Однако, экономический подъем феодальной аристократии влечет за собой частичное преодоление схоластических тенденций предшествующего периода. Сохраняя свой преимущественно декоративный характер, литература, главным образом, поэзия, обогащается необычайно яркими красками и достигает крайней законченности. На этом этапе окончательно формируется газель, до того времени ясно сохранявшая черты своего происхождения (вступительная часть касыды) в некоторой незаконченности, «открытости», и становится законченной сжатой формой, позволяющей некоторое сближение между нею и западноевропейским сонетом.

г) Четвертый период — это период узбекского господства, начинающийся с XVI в. и тянущийся до конца XIX в. На этом этапе в литературе феодальной аристократии происходят весьма значительные изменения, обусловленные ослаблением связи с Персией и усилением экономических сношений с Индией и северными соседями. Если для всех предшествующих периодов литературным языком был язык персидский, ничем не отличавшийся от языка феодальной литературы в самой Персии, то сейчас начинает намечаться расхождение и в языковом отношении. Правда, язык в основном все же продолжает оставаться персидским, но уже не персидским языком Ирана, а персидским языком Индии. Нельзя не отметить, что при изучении персидского языка до сих пор на эту сторону обращали весьма мало внимания и склонны были рассматривать персидский

(точнее «новоперсидский») язык как единое целое на всем историческом и географическом его протяжении. На самом деле такого единства, конечно, нет и в феодальный период и по существу быть не могло. Разработка этого вопроса является настоятельно необходимой. Литературу этого периода можно считать типичной эпигонско-упадочной литературой. Правда, отдельные крупные имена можно указать и здесь, достаточно вспомнить таких мастеров, как Мушфики и некоторые другие, но все эти силы сконцентрированы, главным образом, в начале этого периода. В дальнейшем литература постепенно хиреет все более и более, начинает уделять главное внимание различного рода фокусам, вырождается в хронограммы, акростихи и пр. и в погоне за оригинальностью делается все более трудной и непонятной. Центр тяжести в этом периоде уже не в литературе феодальной аристократии, а в литературе буржуазии, к которой мы теперь и перейдем.

3

Нужно сказать, что вплоть до XIX в. литература таджикской буржуазии развита весьма слабо, причем по понятным причинам борьба ведется на всем этом протяжении в литературных формах, ничем не отличающихся от литературных форм господствующего класса. Только в конце XIX в. положение это резко изменяется. В литературе таджикской буржуазии могут быть намечены такие этапы.

а) Первые попытки мелкой городской буржуазии (главным образом цеховой) выступить с критикой устоев феодализма. Для этой цели буржуазия использует в качестве орудия суфийскую философию, до того служившую орудием борьбы феодалов, различных по национальности (антиарабские тенденции). Против официального ислама феодальной аристократии, где духовенство является частью двора повелителя, состоит у него на службе, широко пользуясь всеми благами жизни, выдвигается реформированный ислам, проникнутый идеями сурового аскетизма, презрения к мирскому богатству. Улему противопоставляется шейх, не зависящий от феодального повелителя, «свободный», выступающий в роли защитника ремесленника и мелкого торгаша. Особенно характерно для этого периода подчеркивание трудового момента: законное имущество должно быть заработано трудом, следовательно, вся феодальная аристократия и ее прислужники — военное сословие являются узурпаторами, захватчиками, так как их имущество добыто не трудом, а следовательно, правоверный мусульманин не должен при-

нимать от них ничего и всячески избегать общения с ними. Период этот тянется приблизительно с X до XIII в. Однако, по понятным причинам количество памятников, им оставленных, или, вернее, до нас дошедших, невелико. Идеологами и носителями этой литературы являются суфийские шейхи, произведения которых в правящих кругах, конечно, большого распространения иметь не могли. Среди мелкой буржуазии же они, вероятно, распространялись преимущественно устно и если записывались, то только случайно. Весьма типичными произведениями такого рода являются различные четверостишия, в роде четверостиший известного хорезмского шейха Наджмаддина Кубра и его школы.[1] Литература эта пока изучена очень мало и изучение ее вызывает большие затруднения.

б) Образование самаркандского центра в XIV в. влечет за собой усиление крупной торговой буржуазии, в результате чего расслоение среди буржуазии намечается весьма резко, и литература буржуазии распадается на три отдельных ветви: 1. Литература крупной буржуазии, крайне мало отличающаяся от литературы феодальной аристократии и в суфийские тона окрашенная очень слабо. Характерной чертой этой литературы, наблюдаемой не только в Средней Азии, но и в самой Персии, является конкретизация образов, известный реализм в образах, в литературе аристократии совершенно отсутствующий. Общая тематика не меняется, эротическая газель господствует и здесь, но среди традиционных сравнений проскакивают сравнения, взятые не из схоластических наук, а из повседневных наблюдений за жизнью базара; большое место занимает тематика торговых сделок и т. п. 2. Из суфийской литературы выделяется ее «ортодоксальная» ветка, пытающаяся сгладить направленные против феодализма острия, обезвредить его критику и тем самым упрочить связь крупной буржуазии с феодалами и ослабить враждебные феодализму течения. На смену прежним шейхам-фанатикам и аскетам выдвигаются шейхи, благословляющие деятельность своего феодального покровителя и одновременно с этим уделяющие большое внимание «земным» делам и не брезгающие совершением торговых сделок в широком масштабе, вроде известного Ходжа Ахрара и др. 3. Третья ветка — это литература мелкой буржуазии, продолжающая прежние тра-

[1] Собиранием которых, в виду интереса, представляемого ими для истории борьбы среднеазиатской буржуазии против феодализма, я несколько лет тому назад занимался, но к разработке которых приступить не успел. См. мои статьи «Четверостишия шейха Наджмаддина Кубра», стр. 36, ДАН-В, 1924; и «Четверостишия шейха Маджdaддина Багдади», стр. 137, ДАН-В, 1926.

диции. В виду сопротивления, идущего из среды самих шейхов (наиболее крупных и влиятельных), эта литература крайне ослаблена и поэтому в дошедших до нас памятниках представлена очень скудно.

в) Распадение узбекских ханств наносит интересам крупной буржуазии резкий удар, в результате которого существовавшее в предшествующем периоде единение ее с феодальной аристократией с XVIII в. распадается и уступает место критическому отношению. На первых порах такие критические выступления были крайне трудны и опасны и требовали особой тактики. Здесь на помощь себе буржуазия привлекает произведения представителей индийской буржуазии, с которыми благодаря существовавшим экономическим связям она была хорошо знакома. Важнейшее значение в этом периоде приобретают произведения индийского (вернее индо-персидского) поэта Бидиля, имя которого продолжает сохранять свое обаяние для представителей среднеазиатской буржуазии и до наших дней. Это один из крайне интересных моментов в истории таджикской литературы и притом моментов, доныне почти не изученных. Произведения Бидиля полны самой ожесточенной критики феодализма и официального ислама, но критика эта замаскирована в них необычайно усложненным стилем, из-за которого чтение этих произведений представляет величайшие трудности. Бидилевский стиль победоносно распространяется по всей Средней Азии, причем из буржуазной литературы он просачивается и в литературу аристократии, усваивающую, конечно, не самую сущность, а лишь внешние его признаки. Вопросу о Бидиле и характере и причинах его влияния на среднеазиатские литературы должно быть уделено особое внимание и посвящены специальные исследования.

С середины XIX в. появляются отдельные фигуры (правда, очень немногочисленные), отбрасывающие «эзоповский» язык Бидиля и выступающие с открытой и резкой критикой феодализма. Здесь заслуживает особого внимания интереснейший и своеобразнейший выразитель чаяний мелкой буржуазии—поэт, романист и ученый Ахмад Каллэ, отец джадидов-революционеров. Об авторе этом европейские востоковеды до сих пор хранили почти полное молчание, несмотря на то, что творчество Ахмада Каллэ в истории таджикской литературы является моментом величайшего перелома. В настоящей краткой статье я, конечно, не могу пытаться дать хотя бы мало-мальски полную характеристику этого автора. Это будет сделано мною в подготовляемой мной специальной работе. Здесь же укажу только, что

А. Каллэ и тематически и формально порывает со многими из старых традиций, пытается реформировать литературный язык, идя по линии его упрощения, и создает новый для среднеазиатской литературы жанр типа авантюрной новеллы.

г) В качестве четвертого этапа литературы таджикской буржуазии можно было бы наметить литературу от проникновения русского капитала до Октябрьской революции, т. е. ту литературу, которая известна под названием литературы джадидской. В этом периоде ясно намечаются три различных течения, выражающие интересы трех слоев таджикской буржуазии.

1) Представители интересов крупной либеральной буржуазии, выступающие на борьбу с феодализмом, среди которых виднейшее место занимают известные всей Средней Азии Фитрат и Ходжа Бихбуди. Работы Фитрата «Munozara» («Диспут») и в особенности «Bajonoti sajjohi hindı» («Сообщения индийского путешественника») составляют эпоху в истории таджикской литературы, решительно порывая со всеми старыми литературными традициями. Устами индийского путешественника, посетившего «центр правоверия» Бухару, Фитрат обличает феодальную Бухару и вскрывает все ее язвы. Безобразное состояние народного просвещения, ужасающее санитарное состояние, бесправие населения, взятки, поборы, беззастенчивый грабеж со стороны эмирских чиновников — все то, чем веками болела Средняя Азия и о чем никто не осмеливался говорить, все это показано здесь в ядовитой сатирической форме. Обличается и духовенство, но характерно то, что автор видит беду не в самом исламе, а только в носителях правоверия. Они опутали религию сетью простых формальностей, превратили ее в набор суеверий и приблизили к язычеству. Сама же религия не заслуживает, по мнению автора, порицаний и должна быть отстаиваема. Мы уже видели ранее, что крупная буржуазия на некоторых этапах смыкалась с феодальной аристократией. Так и здесь, буржуазия восстает против феодализма лишь постольку, поскольку он ее связывает, мешает ее росту. Эмира работы Фитрата не затрагивают, он — хороший человек, вся беда в том, что он окружен плохими советчиками, которых надо гнать. Эта же недоговоренность наблюдается и у другого автора этой группы, автора «Tuhfaji ahli Buxoro» («Подарок жителям Бухары» Сироджуддина Бухари, известного под прозванием «доктор Сабир»). В своей книге, описывая путешествие по Европе и посещение крупных центров, он набрасывает

программу целой «культурной революции», но... только для имущих, для крупной буржуазии. Описанию Европы противопоставлены картины средневековых устоев современного Афганистана и наброски из истории борьбы персидской буржуазии против монархии Каджаров.

2) Вторая группа — представители мелкой буржуазии, идущие в своих программах значительно далее крупной либеральной буржуазии. В этой группе мы находим целый ряд учеников Ахмада Каллэ, в том числе талантливейшего Шахина, своими сатирами на придворную поэзию решительно разбивающего старые литературные традиции. Тяжкий гнет бухарского самодура не позволил этому таланту развернуться во всю его ширь и обрек на раннюю гибель.

3) К третьей группе можно отнести буржуазию, работавшую на территории, захваченной русским капиталом. Эта группа, с одной стороны, могла действовать более решительно, так как непосредственно над ее головой не висела эмирская плеть и петля палача, с другой, ей были виднее опасности, которыми грозило расширение русского влияния, и потому у них значительно сильнее подчеркнут момент национализма. В этой группе обращает на себя внимание Сиддики, автор ряда фантастических поэм, в которых он выступает против феодализма и предвещает средне-азиатскому населению полное исчезновение с лица земли под давлением русских завоевателей. Впрочем, не нужно думать, что на захваченной территории авторы были значительно свободнее, чем в самой Бухаре. Царская цензура зорко следила за их деятельностью, и всякое произведение с националистическими тенденциями строжайше преследовала. Так «Муназарэ» Фитрата было признано крайне опасной книгой, и перевод его напечатан «секретно» только для правящих кругов.

Общим для всей этой группы является решительный отказ от средневекового литературного языка и стремление приблизиться к живому таджикскому языку. Если язык произведений Фитрата и не может быть назван вполне таджикским, то, во всяком случае, можно с уверенностью сказать, что он понятен всякому грамотному таджику.

д) Октябрьская революция ускорила распадение джадидского лагеря, на первых порах встретившего ее с величайшим восторгом. Первые газеты после революции были переполнены торжественными касыдами под громкими названиями «Революция», «Пламя Революции», «Зарево Революции» и т. д., в которых в старой средневековой форме, старым языком воспе-

валась революция так, как во время оно придворные поэты воспевали эмиров. Уже это расхождение формы и содержания крайне симптоматично и показывает всю цену этой «ультрареволюционной» поэзии. Крупная буржуазия полагала, что революция развяжет ей руки и позволит заняться эксплоатацией трудящихся за свой собственный страх и риск. Но очень скоро ей пришлось убедиться в том, что это не так, и начинается постепенный отход буржуазии от революции. Так осуществляется распадение буржуазии на группировки: 1) антисоветскую, начиная от махровейшей реакции, примкнувшей к царским генералам и пытавшейся задержать наступление революции Кокандскими автономиями и т. п., и кончая вредителями, ухитрившимися пролезть в ряды партии, занять крупные посты и оттуда вести свою разрушительную работу и 2) группу (выходцев из мелкой буржуазии), активно сотрудничающую с советской властью и давшую ряд ценнейших партийных работников (как тов. Файзулла Ходжаев и др.).

Изучение литературы этого периода особенно важно и ответственно, но и особенно трудно, так как бо́льшая часть литературы этого периода разбросана по разным газетам и журналам, представляющим иногда величайшую редкость и ни в одной библиотеке не сконцентрированным. Работе над этим периодом безусловно должно быть уделено особенно серьезное внимание.

е) Развертывание социалистического наступления, начиная с момента землеустройства, и в особенности коллективизация сельского хозяйства ведут за собой дальнейшее углубление распада джадидов и усиление маскировки джадидской литературы. Этот период дает довольно значительную литературную продукцию, бо́льшая часть которой сосредоточена на страницах журнала «Rohbari doniş». С первого взгляда почти вся эта литература представляется вполне «советской» и заслуживающей положительной оценки. Но тщательный анализ показывает иное. Правда, литература эта (напр., новеллы Азизи, Икроми и др.) рисует советскую Среднюю Азию и как будто ставит себе задачей содействие социалистическому строительству — однако, с чем же она борется? Почти все эти новеллы направлены против родительской власти над детьми (в вопросах брака), суеверий, азартных игр, разрушающих благосостояние таджикского крестьянина, приверженности к старым привычкам в быту и т. п. То есть, другими словами, против всего того, против чего боролся еще Фитрат задолго до революции,

когда эта борьба была во много раз труднее и опасней. Конечно, все это не вредит социалистическому строительству и не мешает ему, но оно свидетельствует о том, что буржуазия намерена итти по этому пути только до пределов, намеченных джадидской программой, не далее. Характерно, что многие из этих новелл написаны так, что даже трудно сказать, какую же Среднюю Азию мы перед собой имеем, наши ли это дни, или же действие происходит еще в царские времена. Только отдельные детали вроде «радио», «красной чайханы» и т. п. показывают, что автор, действительно, имеет в виду советскую Среднюю Азию, не старое время. Выделяются из этой группы произведения одного из старейших таджикских революционеров тов. Садраддина Айни, который особенно в своих больших романах «Одина» и «Дохунда» попытался дать большие полотна, изображающие ход революции в Средней Азии, противопоставляя наше время страшным черным дням эмирского гнета. Назвать тов. Айни пролетарским писателем едва ли можно, это самый левый из всех попутчиков, но уже настолько левый, что в особенности в своем последнем романе «Дохунда» он вплотную примыкает к пролетарской литературе. Говорить здесь подробно о его творчестве не место, оно заслуживает отдельного исследования, над которым я в настоящее время и работаю.

Как обстоит дело с созданием пролетарской таджикской литературы — вот последний вопрос, на котором нам еще следует задержаться. Сказать, что пролетарская таджикская литература уже существует, пока едва ли можно. Мы уже близки к ней, — как тов. Айни в известных частях своих романов, так и Лахути (самого последнего периода) все ближе и ближе подходят к ее созданию. Но все же указать хотя бы одно произведение, которое можно было бы целиком безоговорочно признать пролетарским, я пока затрудняюсь. Это и не удивительно, ибо положение Таджикистана в борьбе на культурном фронте особенно затруднительно. Эмирская власть оставила страну разоренной, опустошенной до последнего уголка, темной, неграмотной, не имеющей ни дорог, ни сообщения, ни школ, ни врачей. Все культурные запросы удовлетворялись полуграмотным муллой и шарлатаном-знахарем (табибом). Не довольствуясь этим, она все эти годы посылала еще из-за афганской границы банды хищных шакалов-басмачей, пытаясь сорвать героическую борьбу трудящихся за социалистическое строительство. Конечно, при таких условиях было не до создания литературы, не до теоретических дискуссий.

Укрепление диктатуры пролетариата, развертывание социалистического строительства — индустриализации и коллективизации в Таджикистане и на основе их рост таджикского пролетариата и пролетариев-колхозников и развертывание культурной революции — вот решающие предпосылки для развития таджикской литературы, которая идет в сочетании с работой в области образования единого литературного языка трудящихся таджиков. Но нельзя думать, что все это грандиозное строительство может быть осуществлено без сопротивления со стороны последних остатков капиталистических элементов. Возникающие и в последние годы дискуссии по вопросу о литературном языке, латинице и т. п. показывают, что пантюркизм, его новейший близнец паниранизм и в некоторой степени и таджикский национализм еще не побеждены окончательно и пытаются под маской ультралевых слов задержать победоносное наступление пролетариата. В суровых условиях борьбы в Таджикистане не всегда удается достаточно бдительно следить за культурным фронтом, что и используется классовым врагом в сотнях различных масок пытающимся удержать за собой позиции. Жестокая и непримиримая борьба со всеми этими течениями и неусыпная классовая бдительность, — вот условия, которые ставятся для всякого, кто хочет помочь пролетариату Таджикистана в строительстве «национальной по форме и социалистической по содержанию» культуры.

4

В заключение еще несколько замечаний. Как уже сказано, настоящий сжатый очерк отнюдь не собирается заменить историю таджикской литературы, а только намечает те линии, по которым ее нужно строить. Ясно, что дать развернутое построение по всем намеченным периодам сразу невозможно. Работу придется вести по частям, но для этого теперь же нужно наметить те участки, с которых эта работа должна начаться. Приступать сейчас к исследованию древнейшего периода едва ли целесообразно. Трудности будут очень велики, времени уйдет очень много, а актуальность такой работы будет весьма сомнительной. Начинать работу, по моему мнению, нужно с наиболее интересного для нас в данный момент периода, т. е. с середины XIX в., приблизительно от Ахмада Каллэ, так как здесь мы будем иметь дело с рядом авторов, имена которых живут в Таджикистане и по сейчас и произведения которых еще не вполне утратили свою действенную силу. Нужно показать растущему литературному молодняку, что̀ в этих

авторах ценно и может быть использовано и что́ прямо или косвенно враждебно; нужно вскрыть классовый смысл и направленность всей продукции этого периода. Мне, например, приходилось слышать мнение многих таджикских работников, что произведения А. Каллэ безусловно должны быть как можно скорее изданы. Изучение этого автора показало мне, что произведения его должны быть тщательно сохранены от исчезновения, но что издавать их никоим образом не следует, так как в данный момент они могут быть чрезвычайно вредны, причем вредоносность эту не ослабить никакими введениями и примечаниями. Однако, что исследовательская работа, посвященная этому автору, крайне необходима, в этом для меня ни малейших сомнений нет. Настоящий обзор и был составлен мною с той целью, чтобы выделить наиболее важные и интересные для нас участки.

Далее, нужно указать, что работа по новейшей истории таджикской литературы возможна только при полном учете современной ей литературы узбекской. Разъединение этих литератур означает разрыв естественных живых связей, неизбежную неполноту и, следовательно, и искажение настоящей картины. Так, если брать только таджикскую часть литературной продукции Бихбуди, то едва ли можно составить себе хотя бы даже и приблизительное представление о его фигуре. А вместе с тем, совершенно несомненно, что узбекские его произведения точно так же организовали таджикского читателя, как и немногие статьи, написанные им по-таджикски, так как среди городских таджиков едва ли найдутся люди, не знающие узбекского языка. То же самое придется сказать и относительно Фитрата, из творчества которого при учете одной лишь таджикской части выпадет такое важное произведение, как статья-новелла «Бидиль». Таким образом, задача исследователя значительно усложняется и количество необходимого материала сильно возрастает.

Задачи, стоящие перед исследователем таджикской литературы, как видно из этого обзора, очень обширны. Совладать с ними исследователю-одиночке не под силу. Именно здесь необходимо применить новые методы работы, повести работу коллективно, привлечь сюда молодые кадры Таджикистана и совместными усилиями разрешить все возникающие трудности. Мы стоим у порога второй пятилетки нашего строительства. Думаю, что в задачи этой пятилетки, безусловно, необходимо включить и создание истории таджикской литературы. Громадные достижения первой пятилетки ясно говорят за то, что благодаря нашим завоеваниям на фронте культурного

строительства даже и такая большая и трудная задача в течение следующей пятилетки сможет быть успешно разрешена, и наша «седьмая» республика получит достойный образцовой республики научный труд, отвечающий насущным потребностям ее культурного строительства.

Ленинград, 20 V 1932 г.

Цена 3 руб.

ПРИЕМ ЗАКАЗОВ И ПОДПИСКИ

на все издания Академии Наук СССР производится Сектором распространения Издательства Академии Наук. Ленинград 1, В. О., Тучкова наб. 2, тел. 5-92-62

Представителем по распространению в Москве и Московской области является Книготорговое объединение Государственных издательств (КОГИЗ). Склад изданий: 2-й магазин МОГИЗ'а. Моховая 17, тел. 2-08-28.

ЗАПИСКИ

ИНСТИТУТА ВОСТОКОВЕДЕНИЯ
АКАДЕМИИ НАУК СССР

II, 3

1933

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР · ЛЕНИНГРАД

ЗАПИСКИ

ИНСТИТУТА ВОСТОКОВЕДЕНИЯ АКАДЕМИИ НАУК СССР

II, 3

1933

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР · ЛЕНИНГРАД

Напечатано по распоряжению Академии Наук СССР

Декабрь 1933 г.

Непременный секретарь академик *В. Волгин*

Редактор издания академик С. Ф. Ольденбург

Технический редактор К. А. Гранстрем. — Ученый корректор М. М. Севастьянов

Сдано в набор 4 марта 1933 г. — Подписано к печати 10 декабря 1933 г.

107—160 стр. + 3 табл.

Формат бум. 72 × 110 см. — 4 печ. л. — 44046 печ. зн. — Тираж 1000

Ленгорлит № 17049. — АНИ № 351. — Заказ № 1922

Типография Академии Наук СССР. В. О., 9 линия, 12

СОДЕРЖАНИЕ

SOMMAIRE

Н. Н. ПОППЕ

Пути повышения речевой культуры западных бурят

Вопросы алфавита, вопросы создания и оформления новых литературных языков, все эти вопросы языкового, если так можно выразиться, строительства не могут решаться в отрыве от общего национального строительства в республиках Союза. Вопросы новых литературных языков на основе живого разговорного массового языка представляют собою часть, и притом одну из наиболее существенных частей, общего вопроса национально-культурного строительства. И правильное решение этих специальных, более узких проблем, возможно лишь при правильном подходе к той общей большой проблеме, составной частью которой они являются.

Национальный вопрос в наших условиях строящегося социализма является одним из кардинальнейших вопросов всей той огромной работы, которая у нас проводится, и которая может быть вкратце определена как социалистическое строительство и культурная революция. Национальный вопрос приобретает особую важность и представляет собою для нас совершенно исключительный интерес, не только в силу тех громадных проблем в теоретической области, которые он выдвигает, и не только в силу тех практических задач, которые теснейшим образом связаны с теоретической, методологической разработкой этого вопроса, но в силу того, что национальный вопрос является тем зеркалом, в котором так ярко, как только возможно, отражается классовая борьба и деятельность различных уклонов от генеральной линии.

Уклоны в области национального вопроса существуют точно так же, как во всех других областях. Интересующие нас уклоны, это уклон к великорусскому шовинизму и уклон к местному национализму.

Как правильно отметил тов. Сталин, они не всегда так заметны и напористы, как левый или правый уклоны, но это не значит, что они не существуют.

Великорусский шовинизм, как известно, стремится обойти национальные различия языка, культуры и быта, ликвидировать национальные республики и подорвать принцип национального равноправия. При этом такие уклонисты ссылаются даже на Ленина, утверждавшего, что при социализме все интересы всех национальностей сольются, и делают тот вывод, что с нацреспубликами пора бы и покончить во имя интернационализма.

Но известно, что Ленин никогда ничего подобного не говорил в тех видах и целях, которые ему приписываются лицами, искажающими его слова. Ленин наоборот говорил, что национальные и государственные различия между народами и странами будут держаться еще очень и очень долго даже после осуществления диктатуры пролетариата во всемирном масштабе. И это является диаметрально противоположным тому, что сказал когда-то Каутский, будто победа пролетарской революции в Австро-Венгрии привела бы к образованию одного общего немецкого языка и к онемечению чехов. А пролетарская революция у нас показала как-раз обратное — возрождение таких национальностей, о которых раньше было даже очень мало известно и которые считались вымирающими и исчезающими. Ратуя за слияние языков, за образование одного интернационального языка в пределах одной страны, уклонисты этого типа на деле стремятся подменить этот интернациональный язык великорусским.

Ленин никогда не говорил, что уничтожение национального гнета и слияние интересов всех национальностей равносильно уничтожению национальных различий. И требование уничтожения национальных республик, игнорирование национальных различий есть явление реакционное, направленнное против диктатуры пролетариата. И Ленин всегда говорил, что задача партии состоит в том, чтобы помочь массам невеликорусских народов догнать ушедшую вперед центральную Россию, помочь им развить и укрепить у себя советскую государственность в формах, соответствующих национально-бытовым условиям этих народов; развить у себя прессу, школы, театр, поставить широкую сеть курсов и школ. Ленин полностью стоял за лозунг развития национальной культуры в условиях диктатуры пролетариата. Лозунгом его является социалистическая по содержанию и национальная по форме культура, имеющая своей целью укрепить диктатуру пролетариата,

и это прямая противоположность реакционному буржуазному лозунгу буржуазной по содержанию и национальной по форме культуры, как понимают в капиталистических странах национальную культуру. Поэтому, теория об отмирании национальных языков в период социализма в одной стране есть антиленинская, реакционная теория.

Местный национализм состоит в стремлении обособиться и замкнуться в рамках своей национальности, в стремлении затушевать классовые противоречия внутри своей национальности, защититься от великорусского шовинизма путем отхода от соцстроительства, в стремлении не видеть того, что сближает народы СССР, и в стремлении выпячивать только то, что их отделяет. Он отражает чаяния отживших классов обособиться в свое национальное государство и установить свое классовое господство. Он играет на руку контр-революции и интервенции.

Борьба с этими двумя уклонами и является основной задачей в области национального строительства, в частности в области культурного строительства.

Вопросы национально-культурного строительства в Бурятии не представляют собой исключения из всего сказанного. Там в Бурятии мы можем наблюдать в местных условиях те же уклоны, и там стоят перед нами те же самые задачи, что и везде.

Представители великодержавного, великорусского шовинизма, представители западно-бурятской буржуазии, западно-бурятские капиталистические элементы, кулачество, представители этого класса и реакционная интеллигенция, в том числе получившая в свое время русское образование и находившаяся под идейным влиянием русской буржуазии, неоднократно утверждали, что на бурятском языке все равно никогда не удастся построить науку и что ее следует усваивать только через русский язык.

Местные националисты, тесно связанные с монгольским национализмом, с панмонголизмом, ламство и остатки восточно-бурятского нойонства и часть восточно-бурятской интеллигенции, которая с ними сомкнулась, стоят на обратной точке зрения и, представляя собою течение за создание единой и самостоятельной великой Монголии под властью буржуазии, усиленно проводят идею обособления и замыкания в рамках всего монгольского, и в области создания и оформления нового литературного языка говорят о необходимости принять за основу такой язык, который был бы понятен всем монголам (на деле, конечно, эксплоататорскому классу монгольских

народностей) и соответственно этому стоят за необходимость создания новой терминологии исключительно на основе монгольского и притом ламского, феодального литературного языка.

В этой главе мы коснемся лишь одного частного вопроса, а именно, вопроса о мерах поднятия речевой культуры западных бурят, который представляет собою много трудностей, чем и объясняется масса различных уклонений от правильной линии, ибо везде там, где дело представляется сложным, ошибок и уклонов наблюдается особенно много.

Одним из наиболее больных вопросов национально-культурного строительства Бурятии является многоязычность, вернее многодиалектность ее, многообразный характер самого бурят-монгольского языка. Уже неоднократно упоминалось, что буряты разных, даже недалеко отстоящих друг от друга районов, говорят на наречиях, в различной степени отличающихся друг от друга. Так, например, буряты Агинского аймака говорят на несколько ином наречии, чем селенгинские буряты, а последние опять на ином, чем буряты Аларского или Эхрит-Булгатского аймака. Расхождения наблюдаются во всех областях языка: и в области произношения (в фонетике), и в области грамматики (морфологии), и особенно в области словарного запаса. Так, например, известно, что в состав восточной группы входит наречие селенгинских бурят «сакающее» и «чакающее» (ср. sara «луна», çədər «треног»), в то время как остальные наречия отличаются соответствием звукам s и ç селенгинского наречия звуков h и ş, например hara «луна» и şədər «треног». Это, конечно, лишь главные отличия, на самом деле их гораздо больше. Таковы, например, соответствие звука j в начале слова в эхрит-булгатском звуку ƶ других наречий (jorgoon «шесть» = ƶorgoon, ƶurgaan; jada «копье» = ƶada и т. п.). Особенно трудным и больным вопросом является, например, неразличение кратких звуков ə и y в хоринском наречии и в языке агинских бурят, которые не слышат разницы гласных в словах yner «запах», ynen «правда», yndesen «корень», nyken «яма» и əndər «высокий», ənəşən «сирота», əməskə «одеваться», nəkər «товарищ». Перечислять все эти фонетические расхождения не имеет смысла, так как об этом уже говорилось довольно подробно в разных статьях.

В области морфологии язык западных бурят характеризуется наличием ряда грамматических форм, отсутствующих в языке восточных бурят и наоборот. Достаточно здесь назвать такую глагольную форму, как sar, напр., ykeser «до смерти», которой нет в языке восточных бурят, употре-

бляющих форму yketer и т. п. Но все эти расхождения в области фонетики и морфологии не играют столь большой роли, какую им готовы приписывать обычно лингвисты. Лингвистика вообще до настоящего времени носит узко формалистический характер, и лингвисты готовы отдельные особенности в произношении и морфологии возводить в степень чего-то самодовлеющего и первостепенно важного. На самом деле совершенно не это играет роль, и каждый бурят прекрасно понимает другого, который вместо sara — скажет hara, вместо sөni — hөni, вместо casan — sahan и т. п. И наоборот, бурят бурята не поймет, если представитель западного наречия в разговоре с представителем восточного наречия употребит слово sool «печь» или «зимний дом», teenje «подпорки в деревянной юрте» и т. п. Не поймет западный бурят слов uniaa «стропила крыши войлочной юрты» и многих слов литературно-монгольского происхождения. Значение имеют таким образом, не столько фонетические и морфологические расхождения, сколько несовпадение слов и их значений. Это главное и основное. И на это и нужно обращать внимание в первую очередь. Поэтому, когда мы говорим о мерах поднятия языковой культуры бурят, мы должны прежде всего заботиться о словарном сближении наречий, должны заботиться о том, чтобы писать и говорить так, чтобы нас понимали и западные и восточные буряты, чтобы у этих обеих групп образовался общий словарный запас.

В связи с только что сказанным, необходимо вкратце коснуться вопроса о том, чем вызваны, с одной стороны, столь большие расхождения западного наречия и остальных, и, с другой стороны, вопроса о том, является ли бурятский язык одним языком или их два, или большее количество. Наконец, является ли бурятский язык и халха-монгольский разными языками в отношении друг друга, или наречиями одного и того же языка. Так как подобного рода вопросы приходится слышать довольно часто, на них нельзя не остановиться здесь подробнее.

Чем был бурятский язык в отдаленном прошлом, мы не знаем. Возможно, что это и был один, абсолютно единый язык, но возможно также, что на месте одного единого языка мы имели тогда группу разных, резко отличавшихся друг от друга языков. Во всяком случае в настоящее время бурят-монгольский язык — один язык, не два или три. Это можно доказать тем, что буряты из западных аймаков в общем не плохо понимают бурят с востока. Люди, говорящие на разных языках, так легко общаться друг с другом не могут. Поэтому правильнее говорить не о бурятских языках,

но о наречиях. Кроме того, и это особенно важно, буряты представляют собою одну народность, исторически сложившуюся, конечно, но одну, а не две. И даже отдельные роды бурят в прошлом на западе и на востоке носили в известной части те же родовые названия, например, шарайт в Балаганском дистрикте (по Георги) и среди хоринских бурят, ашабагат в Иркутском дискрикте (по Георги) и среди селенгинских бурят и т. д.

Различные передвижения, перекочевки, привели к перемещению бурятских родов в прошлом. Единая, более или менее, экономика (скотоводство, охота), общие бытовые черты и т. д. — все это заставляет нас говорить об одной народности бурят. Конечно, есть среди бурят и монголы, таковы некоторые селенгинские буряты, являющиеся потомками выходцев из Монголии, но они теперь ничем, кроме своего «цакающего» наречия, от прочих бурят Забайкалья не отличаются. Бурятская народность это ныне одна народность, независимо от того, являлась ли она и в прошлом таковой. Факты говорят скорее в пользу предположения, что буряты разных областей раньше больше отличались друг от друга, чем теперь, но это не имеет отношения к тому, что мы теперь наблюдаем. Расхождения же в языке западных и остальных бурят объясняются тем, что бурятский язык является результатом неполного слияния прежде существовавших там разных языков. Это неполное слияние обусловлено тем, что восточные и селенгинские буряты давно уже испытали на себе влияние феодальной Монголии, монгольского феодализма, который сгладил резкие отличия подпавших под его влияние и объединенных им наречий. На западе же сохранились многочисленные пережитки родового строя почти до последнего времени и влияние монгольского феодализма западные буряты испытали в меньшей степени.

Если бурятский язык мы склонны были объявить одним языком и наречия его лишь наречиями одного языка, то взаимоотношения бурятского и халха-монгольского языков иные. Это не наречия одного и того же языка, но разные языки, правда, близкие, очень близкие, но не наречия, поскольку бурятский язык отличается в целом, включая все наречия, рядом черт, свойственных лишь ему (hакание в большинстве диалектов, личное спряжение, такие формы, как uhan-soo и т. п., особенно же словарный запас). Кроме того, если бурятский и халха-монгольский суть наречия одного языка, то позволено будет поставить вопрос, какого. Очевидно, «общемонгольского», являющегося фикцией, созданной формальным языкознанием.

Вопросы языка теперь приобретают совершенно исключительное значение, ибо язык в наших условиях социалистического строительства и культурной революции является орудием вовлечения в строительство широчайших масс. Язык является проводником завоеваний культурной революции.

Вместе с тем, или вернее, прежде всего, язык есть орудие классовой борьбы. Сказать, что язык отражает классовую борьбу было бы слишком мало. Он, конечно, отражает ее, подобно тому как он отражает все то, в условиях чего он создается и развивается. Но язык есть не только отражение классовой борьбы, но и орудие ее. Особенно ярким примером этого является научная, философская и т. д. терминология. Если старый феодальный ламский язык понятие материализм передает термином tasarkai yzel «оторванное мировоззрение», то это одно из проявлений именно классовой борьбы, борьбы в пользу идеализма и против материализма. Через язык массам делаются доступными достижения социалистического строительства и культурной революции. Говоря особенно о последней, следует заметить, что мы без языка, без живой разговорной речи, без языка литературного не можем ее себе даже представить. Без литературы, без научной литературы, без художественной литературы невозможна в наших условиях культурная революция, как, впрочем, трудно себе представить вообще какое бы то ни было идеологическое воздействие.

Итак, язык есть орудие классовой борьбы и в наших условиях орудие вовлечения трудящихся масс в социалистическое строительство, проводник достижений культурной революции и ее орудие.

На бурятском языке выпускаются и должны выпускаться в еще гораздо большем количестве книги и брошюры по целому ряду важнейших вопросов, не говоря уже о периодической печати. Кроме того, нам нельзя забывать того чрезвычайно важного обстоятельства, что мы вступили в период социализма и следовательно поднимаемся на высшую ступень экономического и культурного развития. Это необходимо все время помнить, так как трудящиеся массы уже не могут удовлетворяться той книжной продукцией, которую мы до сих пор выпускали. В самом деле, какова книжная продукция Бургиз'а и других организаций? Ее составляют книги и брошюры на политические темы, посвященные вопросам колхозного строительства, мы имеем также книги по здравоохранению, охране материнства и младенчества и т. д. Слов нет, продукция вполне удовлетворительная и книги эти такого рода, что мы ни на секунду не можем допустить

сомнений относительно их полезности и нужности. Но этого слишком, слишком мало. Все эти книги рассчитаны в большинстве своем на малокультурную массу. Целью их является дать лишь элементарнейшие сведения по ряду вопросов и дать возможность трудящемуся националу немного повысить свой низкий культурный уровень. Нам нужно помнить, однако, что некультурность, являющаяся действительно нашим бичом, теперь иная, чем несколько лет тому назад. По этому поводу хочется привести слова т. Сталина, сказанные им в заключительной части на XVI Съезде партии: «Наш период обычно называется периодом переходным от капитализма к социализму. Он назывался периодом переходным в 1918 г., когда Ленин в своей знаменитой статье «О левом ребячестве» впервые охарактеризовал этот период с его пятью укладами хозяйственной жизни. Он называется переходным в настоящее время, в 1930 г., когда некоторые из этих укладов, как устарелые, уже идут ко дну, а один из этих укладов, а именно новый уклад в области промышленности и сельского хозяйства, растет и развивается с невиданной быстротой. Можно ли сказать, что эти два переходных периода являются тождественными, что они не отличаются друг от друга коренным образом? Ясно, что нельзя.» Эти слова т. Сталина имеют гораздо большее значение и для того вопроса, который мы обсуждаем, чем это обычно думали. Дело в том, что культурный уровень той же бурятской трудящейся колхозной массы ныне иной, чем несколько лет тому назад. И если мы совершенно основательно говорим о необходимости повышения культурного уровня масс и не считаем его достаточно высоким, наоборот, признаем его слишком низким и несоответствующим нашей эпохе, мы тем не менее ни на минуту не должны забывать того, что нашей задачей является повышение культурного уровня совсем иного, чем несколько лет тому назад, уже неизмеримо более высокого, чем в столь недавние еще времена. Нам нужно думать о том, чтобы бурят-трудящийся получил и техническую книгу, чтобы политехнизация, о которой мы много говорим, действительно была проведена и осуществлена. Книги по технике еще не все. Нам нужны книги, знакомящие читателя с разными вопросами естествознания, притом книги повышенного типа. Вопросы экономики должны стать объектом интереса читателя-трудящегося. Всех этих вопросов здесь не перечтешь. Можно ограничиться лишь добавлением к сказанному художественной революционной прозы и поэзии, истории бурят-монголов, издания хотя бы небольшого энциклопедического словаря и т. д.

Культурный рост масс на деле гораздо более значителен, чем мы это можем себе представить, и нужно сознаться, что наша книжная продукция не совсем правильно отражает этот рост и не в полном объеме удовлетворяет культурным запросам, предъявляемым трудящейся массой. Это нужно учитывать.

Осуществить вышесказанное, конечно, трудно. Трудностей множество, и основной является неразработанность бурят-монгольского языка и его многообразный характер. Но здесь нам на помощь идут два обстоятельства.

Характер языка бурят-монголов в настоящее время определяют два основных момента: прежде всего социально-экономические сдвиги, наблюдаемые нами сейчас, и латинизация письменности, обусловленная ими, через которую опосредствованы эти сдвиги, определяют новейший характер языка. Облик современной Бурят-Монголии резко изменила коллективизация сельского хозяйства. Кочевые и полукочевые районы становятся оседлыми, и вся Бурятия покрылась мощными артелями и коммунами. Артели и коммуны, состоящие из бедняцкого и середняцкого населения ряда районов, притягивают к себе не только население данной местности, но также население других, часто отдаленных районов. Население коммун по своему происхождению мешанное: здесь можно встретить и бурята из такого-то сомона и из другого, а часто даже бурят из совсем других аймаков. В колхозах происходит, как уже отмечено нами в другом месте, языковое взаимодействие. Мелкие диалектические черты языка говорящих исчезают и создается особый язык на основе ряда наречий. Этот язык мы можем рассматривать как зародыш будущего общебурятского языка, общенационального по форме, а по содержанию уже являющегося языком класса трудящихся сегодняшнего дня.

Начался процесс слияния отдельных наречий под влиянием социально-экономических сдвигов, особенно под влиянием коллективизации, роль которой как фактора, объединяющего разрозненные диалекты, громадна. Коллективизация является важным фактором, влияющим на всю дальнейшую историю бурятского языка и определяющим ход ее.

Коллективизацией сельского хозяйства дело не исчерпывается и не к ней одной сводится социалистическое строительство Бурят-Монголии. Мы не должны забывать того, что из скотоводческо-аграрной области Бурят-Монголия в ближайшее же время превратится вдобавок еще в индустриальную, в промышленную, аграрно-промышленную страну. Уже теперь

в ряде районов Бурятии наблюдается мощное развертывание промышленности. Так, например, в Верхнеудинске мы имеем стекольный завод-гигант всесоюзного значения. Имеются и прежде существовавшие заводы и фабрики, например, Чикойский. Далее нужно указать Ангарстрой. Ангарстрой — реальность, с которой мы должны считаться. А это означает такое огромное изменение во всей экономике и культуре особенно западных аймаков Бурят-Монголии, о которых мы едва ли отдаем себе полный отчет. Прежде всего это означает образование и там мощного ядра бурятского промышленного пролетариата в дополнение к уже имеющимся незначительным кадрам его, и этим сказано почти все. Таким образом дальнейший ход развития нового бурятского языка будет определять тот крупнейший фактор, что он уже является языком бурятского пролетариата, не только колхозной массы и сельских коммунаров, но рабочих промышленности. Роль этого языка или диалекта национального бурятского пролетариата безусловно должна быть расцениваема как роль ведущего языка, ведущего диалекта, организующего и определяющего весь ход развития бурят-монгольского языка в целом, по которому будут равняться диалекты его, в частности, новый междиалектный колхозный язык.

Вторым моментом, существенно оказывающим влияние на ход развития бурятского языка, является латинизация письменности. От старого алфавита и мертвого литературного языка феодального класса средневековой Монголии, от языка ламской литературы, буряты перешли на новый латинский алфавит и новый литературный язык на основе разговорного языка трудящейся массы. Помимо того, что этот литературный язык и новая письменность требуют неизмеримо меньше усилий для их усвоения, что колоссально распространит грамотность, необходимо привести еще такое важное соображение, что язык этот не только является разговорным в основе, что обеспечивает его обогащение все новыми элементами по мере обогащения живой речи, но и сам будет изменять живую речь, вносить в нее свое, свой стиль, свои обороты и т. д., т. е. будет делать с живой речью то же, что обычно делают живые литературные языки с живой разговорной речью — придаст ей более отделанный, более, я сказал бы, культурный облик.

Итак, таковы условия, в которых теперь живет и развивается язык бурят-монголов. Установление важнейших моментов, определяющих его характер и дальнейший ход его развития, сильно поможет разобраться

в вопросе о том, какими мерами можно повысить речевую культуру бурят, в частности западных, которых особенно имеет в виду настоящая статья.

Прежде всего, перед тем как перейти непосредственно к теме статьи, да позволено будет поставить вопрос, почему мы так беспокоимся из-за западных бурят? Действительно ли столь существен вопрос о мерах повышения их речевой культуры? Отвечаем на это, — да, действительно очень серьезный и существенный вопрос. Языковая культура западных бурят должна повышаться и притом очень энергичными мерами. В прошлом западные буряты стояли в стороне от просвещения и культуры. Национальной письменности они не имели, поскольку западная Бурятия почти осталась в стороне от влияния монгольского феодализма и дольше сохраняла многочисленные пережитки родового строя. Они подвергались местами стихийному обрусению под влиянием политики угнетения. Но не это причина, заставляющая нас серьезно браться за повышение их речевой культуры. Самым главным являются здесь три момента. Прежде всего западные буряты отнюдь не представляют собою какое-нибудь ничтожное меньшинство. Наоборот, их очень много и они составляют весьма значительную часть всего бурятского населения, примерно 30%. При этом, а это второе и тоже существенное, — западные буряты представляют собою оседлое население, уже с давних времен занимающееся земледелием, обнаруживая этим даже в известной степени преимущественное положение перед бурятами полукочевых и кочевых районов востока. К этому нужно прибавить третье, и для нас теперь самое главное, что западная Бурятия в связи с осуществлением Ангарстроя превратится в ближайшее же время тоже в передовой район Восточной Сибири, где будут сконцентрированы вся наиболее крупная промышленность и энергетические центры ее. Район величайших в мире электростанций и мощный каменноугольный бассейн, какой представляет собою западная Бурятия, не может оставаться в стороне от вопросов языковой политики. Ангарстрой — целая сеть крупнейших гидроэлектростанций и заводов. Он будет передавать свою энергию на дальние расстояния и сильно разовьет промышленность Бурятии. К имеющимся уже кадрам бурятских рабочих, занятых на железной дороге, кожевенных заводах, лесозаготовках и т. д., он прибавит значительное количество новых рабочих, стянет к себе рабочих разных специальностей, из разных районов, в том числе и главным образом бурят из западных районов, и создаст условия очень мощного языкового взаимодействия. Не следует, конечно, преувеличивать значение Ангарстроя и роли

именно западной Бурятии в индустриализации всей республики, поскольку индустриализация ведется не только там, но нельзя забывать только того, что западная Бурятия очень сильно изменится под влиянием Ангарстроя, и это создаст очень сильные предпосылки для развития и языка западных бурят.

Вопрос о повышении речевой культуры западных бурят поэтому не праздный вопрос, но один из насущнейших вопросов культурного строительства Бурятии в целом.

Переходя теперь к вопросу о мерах повышения речевой культуры западных бурят, нужно заметить, что утверждение, будто западные буряты совершенно обрусели и что никакие меры их «спасти» не помогут, неверно. Западные буряты в своем домашнем обиходе пользуются бурятским языком, вовсе не больше подвергшимся русскому влиянию, чем восточные. Наличие же у них высокохудожественных эпических произведений, улигеров и других видов устного творчества свидетельствует о значительном богатстве языка, вполне способного быть языком литературным, в частности, языком художественной литературы. Таким образом трудности не так велики, как это думается.

Конечно, является неоспоримым фактом, что западные буряты плохо понимают книги и газеты даже на новом литературном языке. Отчасти это объясняется тем обстоятельством, что почти все до сих пор написанное было написано на литературном языке на основе халха-монгольского языка. Положение его в основу нового литературного языка было действительно крупной ошибкой, вытекавшей из неправильного понимания национального вопроса в наших условиях строящегося социализма, когда мы не должны останавливаться перед тем, чтобы вместо воссоединения народов осуществлять их разъединение с тем, чтобы национальная по форме культура действительно могла успешно развиваться и впоследствии было достигнуто на более высокой ступени объединение национальностей и их языков на иных началах. Процесс этот диалектичен и диалектику его не учли, как следует. Но теперь это ликвидировано, и в основу нового литературного языка положено селенгинское наречие, что обеспечивает развитие этого языка и его распространение.

Говоря о роли и значении селенгинского наречия, следует заметить, что район его распространения имеет чрезвычайно большое экономическое значение. Помимо того, что это район почти сплошной коллективизации, в каковом отношении он не отличается от западной Бурятии, он является

еще районом, по которому проходит единственный водный путь и мощный сухопутный тракт в Монголию, к которым в ближайшее же время прибавится еще железная дорога. Уже теперь на лесозаготовках Селенгинского аймака и на водном транспорте работает много бурят. Там же сконцентрированы такие мощные индустриальные центры, как Чикойский завод, и запроектированы гидроэлектрические станции. К тому же это пограничный район с Монголией, играющий большую роль. Наконец и его наречие, являясь близким к халха-монгольскому языку, в остальном понятно даже западным бурятам и в то же время не отличается теми специфическими характерными чертами, которые свойственны исключительно западному наречию, почему выбор его следует признать очень удачным, поскольку через это наречие может быть осуществлено использование для нового литературного языка положительных черт халха-монгольского языка, важность которого признается постановлением по этому вопросу Обкома ВКП(б) БМАССР.

Как сказано, положение в основу нового литературного языка селенгинского наречия обеспечивает распространение новой письменности. Тем не менее западные буряты и его не всегда хорошо понимают. Попробуем выяснить, чего они не понимают.

Основной словарный запас западных бурят тот же, что у восточных бурят, и слова, не относящиеся к какой-нибудь узко специальной области в языке западных бурят, в общем те же самые, что в языке восточных бурят (различие в произношении оставляем вполне сознательно в стороне). Непонятными же являются для западных бурят преимущественно слова книжно-монгольского происхождения, относящиеся в частности к таким областям, как феодальное делопроизводство, буддийская философия и т. п. Это понятно, так как западные буряты не знали монгольской письменности, и господствующий класс западных бурят был культурно связан не с Монголией, но втечение последних веков с Россией, в то время как господствующий класс восточных бурят был более тесно связан с монгольским феодализмом. Здесь необходимо еще раз напомнить, что письменный монгольский язык, являвшийся языком письменности господствовавшего класса всех монгольских народностей и игравший роль узко классового и межнационального монгольского языка, этой роли не играл в западной Бурятии, где эта роль уже давно перешла к русскому языку. Но там, где какая-нибудь письменность существует, хотя бы только среди представи-

телей одного господствующего класса, эта письменность, в силу ряда причин, делается также достоянием широкой массы, правда, в очень слабой степени. Неизбежным отсюда является, что западные буряты, познакомившись с русской письменностью, в целом были совершенно не знакомы с монгольской, которая, хотя и слабо, но все же была распространена среди восточных бурят и притом, в виду сказанного, отнюдь не среди одних только представителей господствующего класса. И отсюда же вытекает, что подвергшиеся большому русскому влиянию западные буряты совершенно остались в стороне от влияния монгольской письменности. И этих элементов книжного монгольского языка, т. е. преимущественно ламского языка, западные буряты совершенно не понимают. Сюда входят, например, слова относящиеся к делопроизводству, различные феодальные монгольские термины, китайские и тибетские слова, а также вся ламская научная терминология (медицинская, математическая, философская, грамматическая и т. д.). В частности, непонятной является и часть новой революционной терминологии, возникшей в Монголии и перенесенной в Бурятию.

Говорить о путях поднятия речевой культуры бурят в целом, таким образом, означает устранение моментов непонимания, относящихся к области терминологии политической, экономической и т. д.

Как же достигнуть устранения их и как сделать новый литературный язык доступным и понятным также западным бурятам?

Главное условие осуществления этого уже имеется налицо: имеем в виду латинизацию письменности. По поводу ее необходимо заметить, что далеко не всегда наблюдается правильное понимание того, что мы называем латинизацией. В самом деле, что такое латинизация письменности? Ответ, гласящий, что латинизация письменности есть переход на новый латинский алфавит, только отчасти удовлетворяет нас, поскольку он не охватывает самого главного. Дело не в одном лишь переходе на новый алфавит, но в переходе на латинский алфавит и вместе с ним на новый литературный язык на основе разговорного. Латинизация письменности есть единство перехода на новый более совершенный алфавит и на новый, современный литературный язык на основе разговорного языка трудящихся масс. Это единство и составляет революционную сущность латинизации, ибо переход на новый алфавит при сохранении старого литературного языка с соблюдением его правил орфографии не может рассматриваться как правильное, марксистское разрешение вопроса о письменности. К этому нужно приба-

вить еще самое главное, а именно, что переход на новый литературный язык при этом рассматривается как переход на данном этапе на новый классовый литературный язык, на литературный язык на основе языка трудящейся массы, главным образом — в настоящий момент — колхозников и все увеличивающихся кадров рабочих. В этом и заключается основное качественное своеобразие этого нового литературного языка, как языка трудящихся. Величайшей ошибкой было бы терять из виду это обстоятельство, иначе неизбежным явится непонимание классовой сущности латинизации письменности на нашем этапе. Ведь латинский алфавит навязывается капиталистами всех стран угнетенным народам колоний, но мы это не называем латинизацией, поскольку такая «латинизация» является фактически одним из орудий того же национального угнетения. Такая латинизация не является революционной, поскольку она представляет собой орудие национального и классового угнетения, орудие реформированное, усовершенствованное и ловко замаскированное. Подлинно же революционный характер латинизации заключается в единстве перехода на латинский алфавит и новый литературный язык на основе разговорного языка широких масс трудящихся.

Когда мы говорим о новой письменности бурят-монголов и их литературном языке, мы имеем в виду конечно литературный язык на основе разговорного языка широких трудящихся масс, колхозников и еще немногочисленного пока промышленного пролетариата. Классовый характер этой письменности на данном этапе нам совершенно ясен. И этот классовый характер ее и делает ее понятной всем бурятам-трудящимся, поскольку классовый субстрат здесь совершенно однородный и язык развивается в одних и тех же условиях социалистического строительства. Это повидимому не всем ясно, так как в своей брошюре «Вопросы повышения бурят-монгольской языковой культуры» (Баку, 1929) Б. Б. Барадин на стр. 11 находит возможным говорить о внеклассовых или интернациональных языковых формациях. Характерными внеклассовыми элементами языка Б. Б. Барадин считает при этом научные термины. Трудно себе представить более ошибочное и вредное мнение, чем это. Прежде всего нужно заметить, что все интернациональные языки как-раз являются сугубо классовыми и для всех прошлых эпох они являются как-раз языками господствующего класса. Такова, например, латынь в средневековьи, являвшаяся языком науки и литературы феодалов, католических миссионеров,

иезуитов и т. д. и орудием духовного угнетения масс не только своей страны, но и других стран. Немцы, французы, итальянцы, чехи и т. д. все говорили на разных языках, но их феодалы и духовенство писали по-латыни, которая являлась языком господствующего класса. И что научная терминология является классовой, а не интернационально-внеклассовой, как думает Барадин, доказывает он сам же, когда в редактированном им «Русско-монгольском терминологическом словаре» (Верхнеудинск, 1928) он сохраняет такие термины, как «материализм» — tasarkai yzel и «идеалист» — saişaaka yzelten. Вот уже подлинно «внеклассовая» терминология, чисто ламская, протаскиваемая в новый литературный язык, классовый характер которого остался Б. Б. Барадиным повидимому не понятым.

Говоря о классовом характере нового литературного языка как языка трудящихся масс, колхозников и промышленного пролетариата, мы должны твердо помнить, что главным условием при котором он будет понятным и близким бурятским трудящимся, является именно проявление достаточного понимания его классового характера при создавании новой терминологии, являющейся самым больным местом в вопросах новой письменности. Новая терминология сплошь да рядом классово-чужда трудящейся массе. Классово-чуждым является, например, такие термины, как kycerken barika zasag или daranguilan zakirka zasag «диктатура», nomlogço «лектор», nomlol «лекция» и т. д., так как напр., термин nomlol в дословном переводе означающий «проповедь», в частности, «религиозная проповедь», очень далек от нужного нам термина со значением «лекция» и т. д. Обо всех этих терминах следует сказать в заключение следующее. Обычные термины, например, в русском языке давно перестали в большинстве случаев ассоциироваться с основными, если так можно сказать, первичными значениями составляющих их слов. Так, например, термин логика или идеология совершенно не ассоциируются с теми первоначальными понятиями, которые передаются словами, входящими в состав этих терминов. Вспомним, например, термин «религия», который происходит от religare и означал первоначально «связь», на чем построил свою идеалистическую теорию Фейербах, прибегший к этимологизированию термина «религия», на что Энгельс заметил, что такие этимологические фокусы представляют собою последнюю лазейку идеалистической философии. «Словам приписывается не то значение, какое получили они путем долгого истори-

ческого употребления, а то, какое они должны были бы иметь в силу своей этимологической родословной», говорит по этому поводу Энгельс.

И вот перечисленные выше ламские термины совершенно не потеряли своей связи со словами, легшими в их основу и saiṣaaka yzel означает на обычном языке, не ламском, только «идеология одобрения». Названные термины, имя которым легион, классово-чужды и потому непонятны трудящимся западной Бурятии, в прошлом не знавшим феодального литературного языка и потому не понимающим его терминов, в которые ныне вкладывается новое содержание. Итак, поднятие терминологии на революционную марксистскую высоту, поднятие на эту высоту работы по созданию терминологии явится основным условием поднятия речевой культуры западных бурят. Необходимо объявить решительную борьбу протаскиванию таких терминов. Одной только работы над созданием новой терминологии еще недостаточно, необходимо вести активную борьбу со старой, вести широкую разъяснительную работу и разоблачать тех, кто под видом новой революционной терминологии на деле протаскивает ламскую терминологию.

В связи со сказанным, возникает, однако, вопрос о правильном, рациональном использовании старого наследия. Было бы величайшей ошибкой полностью отказаться от старого наследия. Это было бы своего рода пролеткультовщиной и несомненным загибом на фронте культурного строительства. Старая, в том числе и ламская терминология, конечно, в известной части могут и должны быть использованы. Отрицая, отвергая термины совершенно неизвестные и непонятные массам или вызывающие у них совсем иные представления, чем те, которые они должны вызывать, мы должны сохранить широко распространенные, понятные и прочно вошедшие в обиход термины вроде niigem ʑuram, yyr, eb kamta, angiiin temecel, niudargan bajaçuud и т. п. и ни в коем случае не должны их насильственно изгонять.

Новый литературный язык развивается в условиях строящегося социализма, который в живом разговорном языке уже произвел целую революцию, обогатив его своими классово-национальными и интернациональными словами и выражениями. Если прислушаться к речи нынешних колхозников, нас поражает обилие русских революционных терминов и интернациональных, которые просто вошли в обиход. Между тем мы до сих пор встречаемся с различными пуристскими течениями и стремлениями оберегать язык от иноязычных терминов. Это тоже одно из проявлений

того же самого непонимания классового характера современного языка. Классовость, пролетарский характер языка как-раз в этом и выражается, что он усваивает термины международного революционного пролетарского движения, и попытки преградить путь этим элементам языка международного пролетариата должны быть расцениваемы как попытки антипролетарские. Вместе с тем, однако, ни в коем случае нельзя впадать в другую крайность, в абстрактный интернационализм и игнорировать своеобразие национальной пролетарской культуры. Во всем должна быть соблюдаема генеральная линия. И интернационализация, и культивирование национальных особенностей, но не первое без второго или наоборот. Мы должны помнить указания т. Сталина, что пролетарская революция не уменьшает, но на известном этапе умножает количество национальных языков, и выдвигает даже такие, о которых раньше никто и не слыхал. Итак, второе условие не подменять подлинно существующей в языке трудящихся масс терминологии искуственной, но внедрять в язык письменности эти элементы как интернациональные, так и свои национальные. Между тем мы до сих пор наблюдаем стремление обходиться одними лишь феодальными терминами старой письменности и националистические, местно-шовинистические попытки создавать искусственнные термины на основе старых слов феодального языка. Необходимо объявить борьбу с местным шовинизмом и борьбу с великодержавным шовинизмом и абстрактным интернационализмом. Таков должен быть революлюционный лозунг в деле оформления новой терминологии.

Переходим к конкретным мерам повышения речевой культуры бурят и особенно западных.

Прежде всего необходимо поставить на принципиальную методологическую высоту работу в области терминологии. Новая терминология, отнюдь не только одна революционная, но относящаяся ко всем областям социалистической экономики и ко всем надстроечным областям, должна отражать классовый характер всего нового литературного языка в целом, качественным своеобразием которого является его характер, языка широких трудящихся масс — колхозников, промышленных рабочих и т. д., строящих социализм в условиях нашего Союза. Это означает, что терминология нового бурят-монгольского литературного языка должна быть классово-выдержанной и близкой массе. В нее должен быть открыт доступ элементам международной пролетарской терминологии. Широко должны войти в него термины, создавшиеся в условиях пролетарской

революции у нас в СССР. Наконец, в значительной части эта терминология должна строиться на национальном языковом материале. В качестве примечания к этому третьему пункту нужно добавить, что под национальным материалом мы подразумеваем классово-национальный языковый материал и притом бурят-монгольский. Термины феодального языка монгольской письменности не являются таковыми, поскольку старая монгольская письменность была классово-национальной письменностью монгольских феодалов и была чужда даже большинству монголов, не говоря о западных бурятах. Следует постоянно помнить, что язык старой монгольской письменности был мертвым, не разговорным, и был в обиходе лишь в монгольских феодальных кругах. Нельзя поэтому эту терминологию протаскивать в новый литературный язык на том основании, что она национальная или была национальная. Она национальная, но не бурятская и притом она со стороны своего классово-национального характера не пролетарская, не терминология языка трудящихся масс. Отсюда вывод — терминология научная, например, философская, литературоведная и т. п. должна быть перестроена на совсем иных началах. Берем наугад такой термин как «диалектика», который переводился раньше словами uçar ṣaltaanii ukaan. Спрашивается удачный ли он? Конечно, нет, ибо под «наукой о причинах и следствиях» мы можем понимать и формальную логику. Наоборот, ojuun bodolgiin ukaan «логика» может легко сойти за психологию, которая, кстати, переводится почти теми же, по существу, словами ojuun sedkiliig ṣinzelke ukaan. Конечно, ни психология, ни логика, ни диалектика не могут передаваться бурятскими словами, как они не могут передаваться и русскими. Переходя к такому термину, как «ясли», можно заметить, что самым удачним термином было бы, конечно, jasali, который пользуется широкой известностью в колхозах Селенгинского аймака. Конечно, его можно было бы перевести на бурятский язык, но перевод этот вероятно будет довольно громоздким, а терминология должна быть простой, и термины должны по возможности состоять из одного слова. Это сильно облегчает их усвоение. Но, конечно, нет никаких оснований заменять термин niudargan русским термином или niigem zuram международным, поскольку они вошли в язык и общеизвестны.

Второе условие — это создать в ближайшее же время орфографический и терминологические словари нового литературного языка, при составлении которых следует избегать ошибок, которые раньше допускались в подобного рода мероприятиях. Словари эти должны быть рассчитаны

на преподавателей техникумов, средних и низших учебных заведений, на работников госаппарата и кооперации и т. д. Они должны содержать в себе тот минимум слов, который необходим при чтении периодической печати, книг и брошюр на экономические, политические и т. д. темы и при составлении различного рода ведомостей, отчетности. Они должны быть помощью литработникам, стенкорам, раб- и селькорам, начинающим писателям и поэтам из числа рабочих и колхозников.

В третьих укажем здесь издание большого количества книг на темы колхозного строительства, по экономике, по разным вопросам политического характера, обороне страны и т. д. с краткими приложениями в виде толковых словариков наиболее часто встречающихся основных терминов, могущих быть неизвестными западным бурятам.

Четвертым и очень важным условием является переквалификация переводчиков и вообще литературных работников. Необходимо создать для них кратковременные курсы, на которые следует принять по возможности большое количество западных бурят. Необходимо вербовать переводчиков из западных аймаков и вовлечь их в переводческую работу.

Пятое условие — это издание на местах газет в колхозах и коммунах. В это дело необходимо вовлечь местных колхозников, максимально увеличить кадры селькоров. То же самое можно сказать и о стенных газетах. Местных газетных работников следует переквалифицировать, дать им большую квалификацию, развить их стилистические навыки, приемы, привить им уменье литературно выражаться и более тщательно подходить к форме изложения своих мыслей.

Совершенно необходимым является увеличение ликпунктов, что выдвигаем в качестве шестого условия. Необходимо энергично взяться за ликвидациию неграмотности на новом алфавите в западных аймаках и провести там национализацию школьной сети и аппарата.

Седьмым условием является издание художественной прозы и поэзии, а также пьес на бурятском языке с сохранением некоторых диалектических особенностей языка западных бурят. Сюда войдут революционная поэзия и беллетристика, сборники революционных песен, а также собрания наиболее ценных произведений устного творчества.

Последние явятся увлекательным чтением и для детей, к повышению языковой культуры которых мы должны подойти со всем вниманием. Вообще главным недостатком деятельности Бургиза является почти полное

отсутствие детских книг. Между тем на бурятский язык можно было бы перевести ряд художественных детских книг для всех возрастов, например, путешествия, изобретения и открытия, индустриализация и социалистическое строительство в Союзе, детское движение во всем мире, эпизоды из истории гражданской войны. Над детской книгой нужно особенно подумать.

В качестве восьмого условия следует выдвинуть необходимость периодического обмена преподавателями школ западных и восточных аймаков, с тем, чтобы учителя западники могли повысить свою квалификацию на востоке и наоборот, чтобы преподаватели восточники могли свои знания и навыки применить на практике в западных аймаках.

Девятым условием является организация небольшого научного семинара по языкознанию, в частности, диалектологии, для преподавателей и учащихся педвуза. Обычно в вопросах языкознания мы сталкиваемся у них с полным незнанием самых основных моментов. Небольшая лингвистическая подготовка преподавателей и будущих педагогов принесет несомненно большие результаты.

Наконец, десятым условием является продолжение научного изучения говоров и наречий бурят-монгольского языка.

Необходимо приступить к составлению полной грамматики его наречий и полного словаря. Необходимо издание текстов записей образцов различных наречий и составление небольшой диалектологической хрестоматии, куда вошли бы образцы всех наречий, будь то в виде песен, загадок, сказок и рассказов, отрывков эпических произведений или в виде собрания рассказов из повседневной жизни.

На этом можно закончить. Как видно, условий выдвинуто довольно много. Но можно полагать, что выполнение хотя бы некоторых из них даст уже в ближайшее время весьма богатый результат. Попрежнему неприкаянным призраком стоит перед нами вопрос кадров. Он тоже должен получить свое разрешение и притом без отсрочек. Необходимо срочное выделение в ряды нашей аспирантуры при языковедных вузах и научно-исследовательских учреждениях значительного количества молодых бурятских работников. Ведь в самом деле, ненормальным является положение, когда научным иследованием бурятского языка занимаются главным образом работники из центра, появляющиеся наездом на краткие сроки. Работу эту должны вести сами буряты, а работники центра на первых порах, пока дело это не организуется окончательно, могут руководить и помогать,

но не выполнять все своими руками. Лингвистический отдел Института культуры ведет очень большую и полезную работу, успешное проведение которой обеспечивается наличием в нем высококвалифицированных и очень знающих работников, но основное зло в том, что их слишком мало и, будучи загружены текущей работой, тоже очень важной и необходимой, они не могут всем руководить и всем заниматься. Вопросы кадров поэтому являются одними из самых острых и больных и тут нужно что-то сделать. И то можно впасть в очень пессимистическое настроение, если подумать, что при условии немедленного выдвижения ряда работников в аспиранты, мы получим готовых квалифицированных работников лишь через три года.

Заканчивая статью, можно заметить, что все эти трудные вопросы могут быть разрешены лишь при известной настойчивости и упорстве. Благоприятным обстоятельством является для разрешения их то, что некоторые вопросы уже решаются самой жизнью. Но мы не должны полагаться на самотек и должны произвести организованное вмешательство в положение вещей и ускорить процессы, сами собой намечающиеся.

Н. А. НЕВСКИЙ

О наименовании Тангутского государства

Ван Цзин-жу 王靜如 в своей статье 西夏國名考 Си-ся го-мин као «О названии государства Си-ся»[1] приводит полное официальное название тангутского государства [Т. 1], обнаруженное им перед титулом императора в предисловии к тангутскому переводу Suvarṇaprabhāsottamarāja-sūtra (экземпляр Национальной Бэйпинской библиотеки; по каталогу, составленному Чжоу Шу-цзя, № 1).

Автор статьи дешифрирует это название китайскими идеографами 白彌大夏國, что должно перевести, как то следует из его дальнейших рассуждений, — «государство Великого Лета Белых Ми». «Великое Лето», как правильно отмечает автор, является буквальным переводом китайского названия древней династии Да-Хя «Великая Хя», первым императором которой считается Великий Юй. Тангутское государство занимало ту территорию, которую гунн Хэ-лянь Бо-бо называл той самой местностью, где находилось древнее государство «Великой Хя».

Что касается первых двух идеографов в названии тангутского государства, то первый, собственно, значит «белый», а второй — «высокий». Оба эти идеографа в сочетании с идеографом, соответствующим китайскому 國 «страна, государство», тоже употребляются в некоторых тангутских письменных памятниках (напр., на Лянчжоу'ской стэле, на печати в рукописях Ratnamegha-sūtra и Dirghāgama-sūtra Азиатского музея Акад. Наук СССР и пр.) для обозначения Тангутского государства [Т. 2].

[1] См. 西夏研究 Си-ся янь-цзю (Shihsiah Studies), ч. I, стр. 77—78. Бэйпин, 1932 (изд. Историко-филологического исследовательского инст. при Государственной Академии).

Так как перевод такого сочетания, как «белое, высокое государство» не дает возможности понять ту идею, которая двигала тангутами при выборе такого названия, то Ван Цзин-жу отказывается от перевода второго идеографа в его основном значении и считает, что он употреблен в названии фонетически. Автор статьи отмечает, что в Юань-ши 元史, т. е. «Истории эпохи Юань» неоднократно говорится о тангутах, как о людях рода (氏) «Юй-ми» или «У-ми», каковое наименование в этой истории передано китайскими идеографами 於彌, 烏彌 и 吾蜜 и иллюстрирует это примерами, заимствованными из Си-ся цзи 西夏記. Судя по некоторым примерам, можно даже предположить, что Юй-ми было названием племени, так в Ли Ши-ань му-чжи 李世安墓誌 «Надписи на могиле Ли Ши-ан'я», составленной У Чэн'ом 吳澄, говорится: «Гун был человеком из Хо-лань'ского племени Юй-ми в Си-ся» (公西夏賀蘭於彌部人也). Таким образом автор приходит к заключению, что у-ми или юй-ми было ни более, ни менее, как китайской транскрипцией, тангутского слова, которым тангуты называли себя, свое племя. А так как идеограф 彌 ми (древнее чтение *mjie) в северозападной части Китая произносится mbi, а второй идеограф в названии тангутского государства в двуязычном словаре Чжан-чжун-чжу транскрибирован идеографом 嗚 мин (др. чт. $mi̯^{w}$ɐñ), произносимым в тех же местностях, как mbie, то Ван Цзин-жу и отожествляет оба идеографа, считая тангутский тоже транскрипцией названия народа. Принимая во внимание, что многие из юго-западных инородцев Китая обычно называют себя словом, означающим «человек» и в подразделении племен прилагают к основному понятию эпитеты «белый» и «черный», автор и переводит первые два идеографа в названии государства «Белые Ми» (-mbie).

Но на этом Ван Цзин-жу не останавливается, далее он приводит еще один идеограф [Т. 3], употребляемый тангутами для обозначения своей национальности и переводимый ими китайским 番 фань. На основании статьи профессора А. И. Иванова, помещенной на китайском языке в журнале 北大國學季刊 «Бэй-Да Го-сюэ цзи-кань», т. I, № 4, в которой он читает вышеназванный тангутский идеограф, как 米 ми, и заявляет, что ми по-тангутски означает «человек» (несомненно по ассоциации с тибетским mi), — Ван Цзин-жу склоняется видеть тесную связь между произношением этого тангутского идеографа и второго идеографа в названии государства, считая оба эти идеографа употребляемыми фонетически,

и таким образом название «белые Ми» расшифровывает как «белые люди».

В заключение этой части своей статьи автор исследует имена и фамилии разных племен, имеющих отношение к 羌 k'iaṅ, т. е. пастушеским племенам, к которым китайские историки относили тибетцев, тангутов и др., везде находит то или иное отношение к названию 彌 ми ← mjiḙ и даже доходит до населения древнего удела 楚 Чу, которое как в смысле лексики своего языка, так и в смысле порядка слов в предложении, приближалось к тибетцам.

Как видно из всего вышеизложенного, Ван цзин-жу, построив свою новую и весьма интересную теорию, решил сразу покончить со всеми вопросами, связанными с названием тангутского государства. Не смотря на то, что теория эта была, повидимому, продумана и построена вполне логично, все-же, мне кажется, в нее должны быть внесены некоторые и весьма существенные поправки.

Прежде всего по конструкции тангутского языка прилагательное определение (в особенности это должно сказать о прилагательных, означающих цвет), за незначительными исключениями, должно стоять за своим определяемым. Например, идеограф, означающий «белый» в таких словах, как «белый тигр», «белый баран», «белая роса», «белый рис», «белая земля», «белый фимиам» (≡ gum olibanum), «белый лотос» [Т. 4] и др., стоит за определяемым. Почему же «Белые Ми» составляют исключение? На это можно ответить, что в сочетании «Белые Ми» идеограф «белый» стоит на первом месте или потому, что он употреблен фонетически, как например, в случае китайской фамилии P'aṅ имени 龐涓 P'aṅ Küan [Т. 5] (в переводе китайского произведения 孫子 «Сунь-цзы») или потому, что этот идеограф вовсе не является в данном случае прилагательным определением. Допустим далее, что Ван Цзин-жу прав, что слово mi (или mbie), это — название племени, восходящее к понятию «человек», но зачем же название собственного племени передавать то одним идеографом (второй идеограф в названии государства, Т. 1, 2), то другим (Т. 3)? Неужели тангуты, изобретя весьма большое количество идеографов специально для передачи китайских фамилий, тех или иных фонетических сочетаний в dhāraṇī и пр., о чем свидетельствует нам словарь «Море письмен», не изобрели никакого определенного идеографа для обозначения своего собственного племени? Неужели тангуты, называя себя «людьми» (mi или

mbie), произносили это слово различно? Дело в том, что идеограф «высокий» и идеограф [Т. 3] оба начинаются с губной согласной (засвидетельствовано словарем «Гомофоны»), оба произносятся «восходящим» тоном (засвидетельствовано словарем «Драгоценные рифмы Моря письмен»), но имеют различное окончание, о чем свидетельствует словарь «Драгоценные рифмы М. П.», который относит первый из идеографов к рифме 33-й, а второй — к рифме 10-й.

Под 33-й рифмой мы находим, например, следующие идеографы [Т. 6]. Первый из них в тибетской транскрипции — me, второй — the, третий — neh̲, ñeh̲, ñe (в кит. тр. 寧 *nień, niṅ), четвертый — leh̲, le (в кит. тр. 領 *l̥iäṅ, liṅ)]. Идеограф «высокий» тоже транскрибирован по-тибетски h̲bhe, что несомненно читалось mbʻe. Таким образом, мне кажется, можно установить его чтение, как ʼmbʻe (или ʼmbʻe̥).

Под 10-й рифмой имеем, например, идеографы (Т. 7), из которых первый употребляется для транскрипции китайского 比 pi, *pji, *bʻji, второй — китайского 彌 mi, *mjie̥, третий служит для транскрипции тибетского bi, четвертый — китайского 底 ti, *tiei и тибетского ti, пятый — в китайской транскрипции 你 ni, *ni, в тибетской — nih̲ и, наконец, шестой в китайской тр. 宜 i, *ṅjie̥ и в тибетской h̲gyi (читай ṅji). Так как идеограф [Т. 3] входит в одну группу со вторым из вышеприведенных, то можно признать его чтение *ʼmi.

Этот идеограф *ʼmi, повидимому, является идеографом, специально изобретенным для обозначения понятия «тангут», другими словами, для передачи на письме одного из тех слов, которыми тангуты называли себя. В моей личной практике он всегда употреблялся лишь в своем основном значении и ни разу фонетически. В послесловии к сутре «Восхождения Майтреи на небо Тушита», написанном императором 仁宗 Жэнь-цзунʼом (1140—1193) имеем, например, такое выражение [Т. 8] — «тангутская, тибетская и китайская трипитака», где слово «тангутская» передано данным идеографом. Выражение [Т. 9] «тангутская страна», «тангутское государство» тоже встречаем в некоторых оригинальных тангутских произведениях, вроде «Море смысла, установленного (?) Святым (= императором?)» [Т. 10], где находим и слово [Т. 11] «человек Ми», обозначающее тангута.

Что касается идеографа *ʼmbʻe, то обычно он встречается в своем основном значении «высокий», но иногда, если не ошибаюсь, употребляется и фонетически, например, в dhāraṇī.

Однако в сочетании, которое мы находим в официальном названии тангутского государства, он употреблен вовсе не фонетически для передачи понятия «тангут», а в одном из своих значений «верх, верховья», как это видно из строго выдержанного параллелизма в нижеприведенном и разобранном тексте [Т. 12]. Текст этот взят мною из начала одной тангутской оды, написанной от руки на оборотах страниц одного тангутского ксилографа, не имеющего общего заглавия, но заключающего в себе пять отдельных поэтических произведений. Этот ксилограф Азиатского музея АН СССР, как помечено в печатном колофоне после каждого произведения, отпечатан в тангутской государственной типографии [Т. 13] в 16-м году «Небесной Помощи» (乾 祐), что соответствует 1185 году.

Первые два идеографа в приведенном начале тангутской оды соответствуют китайским 頭 黑 и буквально значат «черная голова»; во второй строфе им соответствуют первые два идеографа, равносильные китайским 面 赤 «красное лицо». Оба эти выражения в тангутской поэзии постоянно употребляются в приложении к тангутскому народу и потому их должно переводить «черноголовые» и «краснолицые». Встречаются параллели вроде «тысячи черноголовых» и «мириады краснолицых». Например [Т. 14]:

«Под августейшим небом тысячи черноголовых
по благоденствию (то) низки, (то) высоки;
На государственной земле мириады краснолицых
по мудрости не равны».

Выражение «черноголовые» может быть соответствует китайскому 黔 首 цянь-шоу с тем же значением, употребляемому в смысле «простой народ». Выражение 赤 面 國 чи-мянь-го «государство краснолицых» встречаем, например, в 釋 迦 牟 尼 如 來 像 法 滅 盡 之 記 Ши-цзя-моу-ни жу-лай сян-фа ме-цзинь-чжи цзи (перевод тибетского произведения Li-yul luṅ-bstan-pa) для обозначения Тибета. В тибетско-английском словаре Sarat Chandra Das'a говорится, что Тибет до распространения буддизма назывался gdoṅ-dmar-can-gyi yul «страною краснолицых» (см. под словом bod) или gdoṅ-dmar-bod-kyi yul «страною Бот краснолицых» (под сл. gdoṅ). В Тан'ской истории, как старой, так и новой, говорится, что жители 吐 蕃 Ту-фань, т. е. Тибета мазали лица красной краской (赭 чжэ). Судя по употреблению данного выражения в тангут-

ских одах, можно предположить, что тангуты тоже следовали этому обычаю древних тибетцев. Какая была разница между «черноголовыми» и «краснолицыми» в настоящий момент, за недостаточностью материала, сказать трудно. Может быть, оба эти выражения были метафорическими обозначениями народа вообще, может быть этими названиями различались отдельные классы тангутского общества, может, наконец, это было популярным наименованием каких-то двух основных племен тангутского народа, образовавших свое государство. Ясно только, что этимология обоих выражений осознавалась вполне отчетливо, за что говорит строгий параллелизм выражений и еще то обстоятельство, что в «Стихах о ежемесячных удовольствиях 月月娱詩 [Т. 15] в параллель к вышеприведенным выражениям имеются два другие [Т. 16] с теми же значениями «черноголовых» и «краснолицых». В некоторых текстах говорится только об одних «черноголовых», так, например, в словаре «Море письмен» под 27-й рифмой «ровного» тона находим идеограф [Т. 17], поясняемый сочетанием [Т. 18], за которым следует более подробный комментарий [Т. 19] 頭黑之父先人名是也 «это отец (=родоначальник) черноголовых, имя прежнего (=древнего) человека».

Я лично склонен считать «черноголовых» и «краснолицых» синонимическими выражениями, употреблявшимися в значении тангутского народа в целом.

Перехожу снова к нашему тексту. Следующие два идеографа первой строфы соответствуют китайским 石城 «каменный город». Во второй строфе им соответствуют третий и четвертый идеографы, из которых третий значит «отец», а четвертый в «Море письмен» поясняется идеографами [Т. 20], означающими «земляной курган», «могильный холм» (в сутре 七佛八菩薩所說大陀羅尼神咒經 Ци-фо ба-пу-са со-шо да-то-ло-ни шэнь-чжоу цзин этим сочетанием переведены китайские идеографы 丘墓). Таким образом все сочетание должно перевести «могилы отцов», а может быть даже и единственным числом «могила отца» (т. е. родоначальника), «отцовский курган».

Пятый идеограф первой строфы в «Море письмен» (под 54-й рифмой «ровного» тона) поясняется [Т. 21] 空也人無地空之謂。野空之謂。又人姓亦謂。«пустыня, т. е. пустая местность, пустынная степь; кроме того также фамилия». Шестой идеограф собственно значит «вода», но подобно китайскому 水 шуй («вода») иногда

употребляется в смысле «река», какое значение он здесь и имеет, что подтверждается параллелизмом следующей строфы. Пятый и шестой идеографы вместе, таким образом, следует перевести «воды (=река) пустыни». Во второй строфе этому выражению соответствуют идеографы, имеющие значение китайских 河 白 «белая река», Здесь определение — прилагательное, как и в вышеприведенных словах «черноголовые» и «краснолицые» стоит по всем правилам за определением. Наконец, последний идеограф первой строфы, соответствует китайскому 邊 «край, граница, берег» (или 側 «бок, сторона, возле, около»); во второй строфе ему соответствует идеограф *'mbʻe «высокий», который здесь употреблен в значении «верх», а в приложении к реке «верховья». Таким образом полный перевод первых двух строк будет следующий:

«Черноголовых каменный город на берегу вод пустыни»,
«Краснолицых отцовские курганы в верховьях Белой реки».

Переходя к третьей строфе, сразу же наталкиваешься на первые два идеографа, которые не встречаются в переводных тангутских произведениях, что заставило меня предпринять специальное их исследование. Оба эти идеографа, повидимому, составляют постоянное сочетание, так как тот и другой в словаре «Гомофоны» кратко поясняются данным сочетанием. В одном из экземпляров этого словаря в библиотеке Азиатского Музея, к сожалению не полном, на оборотной стороне страниц, за каждым идеографом от руки приписаны значения этого идеографа тангутским письмом. Таким образом оба разбираемые идеографа пояснены (каждый в своем месте) сочетанием [Т. 11] «человек Ми», т. е. тангут, а идеограф *'mi [Т. 3] — данным сочетанием плюс идеограф «человек» [Т. 22]. Из этого становится ясным, что оба идеографа третьей строфы, взятые вместе, являются одним из названий тангутов. Первый идеограф вышеназванным словарем отнесен в отдел губных-смычных (脣 重 音) и входит в одну фонетическую группу с идеографом [Т. 23], транскрибированным по-тибетски (во фрагментах с тибетской транскрипцией) mi, dmiḫ, rmi, mu. В словаре «Драгоценные рифмы Моря письмен» он отнесен к 27-й рифме «восходящего» тона, под которой находим, например, идеографы [Т. 24], из которых первый транскрибирован китайским 勿 u, wu в тибетской тр. dwi, bwa, а второй употребляется для транскрипции китайских 釋 ṣï, *ṣi̯äk и 世 ṣï, *ṣi̯äi. Из сравнения этих окончаний с окончаниями идеографов

29-й рифмы «ровного» тона,[1] соответствующей данной, можно предположить, что общим окончанием этих рифм была mixed vowel ï, и таким образом искомое чтение идеографа, вероятно, было *'mï.

Что касается второго идеографа третьей строфы, то «гомофонами» он отнесен в отдел дентальных, и в одну фонетическую группу с ним входят два идеографа [Т. 25], из которых ни один не встречался мне в фонетическом употреблении. «Драгоценные рифмы» относят его к 18-й рифме «восходящего» тона, под которой находим, например, следующие идеографы [Т. 26]. Первый из них в Чжан-чжун-чжу транскрибирован китайским 召 ṭṣau, *d'i̯äu (Lt. ťå, Pl. ťau), второй употреблен для транскрипции кит. 燒 ṣau, *ṣ̌i̯äu (Lt. ṣå, Pl. ṣau), третий передан кит. 說 ṣuo, *ṣ̌i̯ʷät (Lt. fo, Pl. fo) четвертый транскрибирован 了 liau, *lieu (Lt. leå, Pl. l̓eau) и, наконец, пятый передается через 列 lie, *li̯ät (Lt. lie, Pl. leə). Сравнение с 21-й рифмой «ровного» тона, соответствующей данной, приводит к заключению, что обе рифмы вероятно имели своим окончанием ä, может быть, с некоторой долготой (т. е. ā̈) для «ровного» и «восходящего» тонов и с гортанным взрывом (т. е. ä') для «обрывистого» тона (入 聲). Обращая внимание на графику первого из указанных идеографов, входящих в одну группу с разбираемым [Т. 25], мы замечаем, что в его состав входит часть идеографа «сердце» [Т. 27], транскрибированного китайскими 你 ni, *ni и 寧 niṅ, *nieṅ или по-тибетски ne, gne, gñeḫ. Если мы допустим, что эта часть употреблена в идеографе в качестве фонетической части, то придем к заключению, что весь идеограф, равно как и все прочие идеографы группы, должны читаться *'ni̯ā̈. Этому допущению способствует еще и то обстоятельство, что в «Гомофонах» фонетическая группа, следующая за разбираемой заключает в себе идеограф [Т. 28] тоже транскрибированный китайским 你 *ni, ni а по-тибетски rne, rneḫ. Таким образом, если наше допущение, окажется правильным, то название тангутов, выраженное первыми двумя идеографами третьей строфы должно читаться *'mï-'ni̯ā̈. Так как государство тангутов занимало местность к западу от Желтой реки (黃河), главным образом нынешнюю провинцию Гань-су, то китайские исторические труды (в особенности в эпоху монголов и позднее) называли эту страну 河 西 Хэ-си (букв. Запад Реки). Тибетско-китайский словник в серии 華 夷 譯 語 Хуа-и и-юй в отделе географии (地 理 門) приводит слово mi-ñag (читай mi-ñak или mi-ñä'), переводом

[1] В тангутских фонетических таблицах обе рифмы сведены в одну таблицу.

которого является вышеназванное слово Хэ-си. Сравнивая наименование тангутов *'mï-'n̥ia̋ с тибетским mi-ñag, мы можем отожествить эти слова и притти к тому выводу, что тибетцы дали название местности Хэ-си по жившему там народу. Отожествлению двух слов способствует то обстоятельство, что в «Драгоценных рифмах Моря письмен» под «восходящим» тоном помещены и окончания обрывистого, буквально «входящего» тона (入 聲), т. е. оканчивающегося на имплозивную согласную или на гортанный взрыв, так что вполне возможно, что тангутское слово произносилось не *'mï-'n̥ia, а *'mï-niä'.

Возвращаясь снова к нашему тексту, можно сказать, что в дальнейшем он уже не представляет никаких трудностей. Третий идеограф, соответствующий китайскому 長, значит «длинный» и в данном случае несомненно употреблен в качестве эпитета к предыдущему названию народа. Вероятно, имеется в виду высокий рост, о чем говорит пропущенная мною четвертая строфа нашей оды: «высокого [человеческого] роста люди в 10 футов» (人 量 高 十 尺 人) [Т. 29]. Четвертый идеограф представляет собой суффикс genitivi-possessivi и dativi (иногда также accusativi), употребленный здесь в первом значении. Пятый идеограф значит «страна, государство» (кит. 國), шестой — указательное местоимение (кит. 其, 彼) и, наконец, седьмой, — «быть, находиться в чем-либо», существовать» (кит. 有, 在; тиб. mchis-pa). Таким образом, третью строфу следует перевести так: «Длинных 'mï-n̥iä', (т. е. тангутов) страна там находится».

Разобранные выше первые три строфы оды, повидимому, определяют местонахождение тангутского государства. Возникает вопрос, что же это за «воды пустыни» и где находится «белая река». Мы знаем, что северная окраина тангутского государства выходила за пределы Великой стены и находилась в пустыне Гоби, гранича таким образом с владениями монгольских кочевников. Когда мы развернем современную карту Северного Китая, то сразу же напрашивается на отожествление с «водами (= рекой) пустыни» одна из значительных рек Средней Азии Эцзин-гол, берущая начало с хребта Рихтгофена, текущая отсюда на север по провинции Гань-су в Гоби и впадающая в соленое озеро Гашун-нор (gašigun-nor). Один из ее истоков носит название «Белой реки» (白 河 Бай-хэ); он сливается с «Черной рекой» (黑 河 Хэй-хэ) и уже в Гоби река носит монгольское название Эцзин-гол. Хэй-хэ, как теперь эта река обычно назы-

вается китайской географической литературой, название сравнительно новое, прежде она называлась Хэй-шуй (буквально «черные воды»). Этим же словом обозначался и находившийся на ее берегу знаменитый «мертвый город» Хара-хото, из которого наш известный путешественник П. К. Козлов и вывез те неоцененные памятники материальной культуры тангутов, которые ныне хранятся в Азиатском Музее Акад. Наук СССР и Государственном Эрмитаже. Китайское название, как реки, так и города Хэй-шуй несомненно являются буквальным переводом тангутского слова [Т. 30], имеющего значение «черные воды». Это слово, как название города, в котором находились военные посты, зарегистрировано различными тангутскими памятниками, из которых в первую очередь можно назвать «Исправленный и вновь утвержденный кодекс законов (эпохи) Небесного Процветания» (天 盛) [Т. 31] (см. напр. т. XX). Так как Хэй-шуй был городом, стоящим в степи и являлся крепостью для защиты от набегов монгольских кочевников, то он, как всякая такая крепость, был окружен каменной стеной; об этом свидетельствуют и показания П. К. Козлова при раскопках Хара-хото. Может быть, «каменный город», о котором говорится в первой строфе разобранного выше начала тангутской оды, и указывает на эту крепость. Первый идеограф в тангутском названии крепости значит «вода» и в словаре Чжан-чжун-чжу транскрибирован китайским биномом 哆 則, а во фрагментах с тибетской транскрипцией gzi, gzih̠. В словаре «Гомофоны» этот идеограф, равно как и все прочие транскрибированные (в Ч.-ч.-ч.) по-китайски идеографом 哆 т, е. 移 i, *i̭e̥ с диакритическим знаком 口 «рот», отнесены в последний отдел, заключающий в себе идеографы, начинающиеся с так называемых «язычно-зубных» 舌 齒 音 [Т. 32]. Китайские фонетические таблицы в этот отдел относят две категории фонем, — с одной стороны, латеральную l и с другой — весьма различно отразившуюся в современных диалектах фонему, которую B. Karlgren восстанавливает в виде ńź. Тангутская фонетическая система, целиком основанная на китайской, тоже различает в этом отделе два типа начальных фонем, выражаемых идеографами [Т. 33], играющими роль 字 母 цзы-му [Т. 34]. Первый тип охватывает латеральную фонему l с различными вариантами вроде глухого l (в тибетской тр. lh или sl, реже zl); сюда же, вероятно, относится и r (в Ч.-ч.-ч. передается китайскими l-идеографами с диакритическим знаком «рот», а в тибетской — буквой r). Ко второму типу отнесена та фонема, с которой начинается вышеприведенное слово «вода».

Для выяснения характера последней фонемы приведу еще несколько тангутских слов, зарегистрированных, как в китайской, так и тибетской транскрипциях. Таковы, напр., «роса» [Т. 35] кит. тр. 口移 則 i+tsə, — тиб. тр. grze; «все» [Т. 36] к. тр. 口移 i, *ie̯ — т. тр. zi, zih̲, gzi, gzih̲; «век, предел жизни» [Т. 37] к. тр. 口移 將 i+tsiań, — т. тр. gzo; «держать» [Т. 38] к. тр. 口移 作 i+tso, — т. тр. gzoṅ, gzoh̲; «приставать, задерживаться» [Т. 39] к. тр. 口移 責 i+tsə, — т. тр. gzeh̲; «длинный, долгий, весь» [Т. 40] к. тр. 口移, — т. тр. zih̲, gzih̲, rdzih̲. Сюда же относятся: «кровеносные сосуды» [Т. 41] к. тр. 日 責 ẓi+tsə, — т. тр. źir; «беспокойство» [Т. 42] к. тр. 日 責, т. тр. gźi. Здесь же мы видим все идеографы, употребленные в Ч.-ч.-ч. для транскрипции китайских, начинающихся с ẓ (*ńź), напр. «мудрость» [Т. 43] т. тр. gźir, źir (в Ч.-ч.-ч. служит для передачи произношения китайских 日 ẓi, *ńźi̯ĕt и 入 ẓu, *ńźi̯əp) и многие другие. Наконец, сюда же «Гомофонами» отнесен идеограф [Т. 44], означающий «Китай» и транскрибированный в Ч.-ч.-ч. 口杉 tsan. Однако идеограф «рости» [Т. 45], транскрибированный в Ч.-ч.-ч. тем же знаком, а во фрагментах с тибетской транскрипцией h̲dza, h̲dzah̲, źaṅ отнесен «Гомофонами» в отдел дентально-альвеолярных (齒 頭 音).

Обращая внимание на тибетскую транскрипцию, мы замечаем, что данная фонема с одной стороны передается через z, gz, grz и rdz, а с другой через ź (= ж) и gź. Здесь должно отметить, что в чисто тибетском языке графического сочетания rz (т. е. z с надписанным r) не встречается и что сочетание rdz в современном языке обычно произносится, как z.[1] Так как нам известно, что в прочих случаях надписанное r в современном тибетском языке произносится, как увулярное r недрожащее[2] (графич. символ ʁ), то для эпохи существования тангутского государства мы можем предположить такое произношение для всех случаев и следовательно ожидать, что rz и rdz произносились тоже ʁz и ʁdz. Что касается начального префиксированного g, то, хотя оно обычно и не произносится, но, в зависимости от предшествующего слога с гласным окончанием, в некоторых говорах присоединяется со свойственным ему произношением к этому слогу,[3] что конечно доказывает, что в старину все префиксированные буквы произносились. Так как в Восточном Тибете, т. е. в той части, которая

[1] Jäschke. Tibetan Grammar, стр. 8—9 и 108—109. Berlin, 1929.

[2] Jäschke. Op. cit. стр. 107—108.

[3] Я. Шмидт. Грамматика тибетского языка, стр. 22. С.-Петербург, 1839.

граничила с Тангутским государством, звонкие g, d, b, j и dz обычно произносятся с аспирацией[1] (последняя утрачивается в случае, если есть префиксированная или надписанная буква)[2] то мы можем предположить, что префиксированная g тоже произносилась g‘, но ее исчезновение из произношения в современных говорах заставляет допустить, что перед исчезновением она прошла через ступень γ, т. е. заднеязычного звонкого спиранта, место образования которого весьма близко к увулярному ʁ. Обе эти фонемы (т. е. γ и ʁ) в диалектах многих существующих языков заменяют одна другую. Если в эпоху существования Тангутского государства префиксированное g произносилось как γ, то тибетские транскрипции разбираемой тангутской фонемы в виде gz (=γz) и rz (ʁz) могут рассматриваться почти идентичными.

Исследуя тангутские фрагменты с тибетской транскрипцией, мы можем заметить, что префиксированье g или надписыванье r иногда чередуется с префиксированьем h̲ (h̲a-chuṅ), т. е. звонкого гортанного спиранта[3] (графический символ ɦ, у Karlgren'a [d]), который в качестве префиксированной буквы, указывает на назальный предзвук последующей согласной или, другими словами, на то, что последняя относится к категории «звонких полуносовых» (^{m}b, ^{n}d, ^{n}g и др.).[4] Например, тангутский идеограф «собираться» [T. 46] по-тибетски транскрибирован h̲dze (=^{n}dze), gzih̲, gdzi и rdzi, а по-китайски 尼 則 ni+tsə (=^{n}d͜zə). Таких примеров, где префиксированная g (=γ) соответствует назальному предзвуку, указанному китайской транскрипцией, найдется довольно много. Например, идеограф «обнаруживать» [T. 47] в тиб. тр. gju (γd͜źu), gjuh̲ или h̲ju (=^{n}d͜źu), в кит. тр. 鈕 niu (ср. яп. kan-on d́źiku, go-on niku); или идеограф «дыра, нора» [T. 48] в тиб. тр. gjoh̲ а в китайской — 尼 長 ni+ṭṣaṅ (^{n}ḍẓaṅ) и пр. Передача на письме назального предзвука «полуносовых звонких» спирантами ɦ, γ и ʁ, вероятно, обусловлено тем обстоятельством, что этот предзвук действительно носит характер спиранта, т. е. в нем отсутствует элемент полной смычки. Последний появляется вполне отчетливо лишь в компаундах после предшествующего открытого слога, что имеет

[1] Jäschke. Op. cit., стр. 3.

[2] Ibid. стр. 9 и 12.

[3] Ibid., стр. 106.

[4] Ibid., стр. 12. См. также Шмидт. Op. cit., стр. 10—11 и Е. Д. Поливанов. Введение в языкознание для востоковедных вузов, стр. 151. Ленинград, 1928.

место в большинстве современных тибетских диалектов в случае префиксированного «ḫa-chuṅ».

Выше мы видели, что та же тангутская фонема (или ее вариант) транскрибируется по-тибетски еще ź (дорсальное ж) или gź (γź). Разница между z (з) и ź (ж) огромная, но, если мы допустим, что наша фонема была палатализованным ź, то разница между мягким z (z'), для изображения которого в тибетском алфавите нет специального знака, и мягким ź (ź') будет уже не так велика. Транскрибированье тангутской фонемы китайским 口移 i; ji, мне кажется сближает ее с «иотом», т. е. звонким палатальным спирантом.[1]

Резюмируя все вышеизложенное, можно сказать, что данная тангутская фонема, по всей вероятности, была звонким дентально-альвеолярным (или даже палато-альвеолярным) спирантом с сильным поднятием средней части языка к нёбу и начиналась некоторым слабым, задним спирантным предзвуком, приближающимся к гласной и склонным к назализации. В дальнейшем я ее буду изображать символом γź, где «гаммой» условно передаю вышеописанный предзвук.

Сравнивая тибетскую и китайскую транскрипцию тангутского слова «вода», можно заключить, что оно произносилось *γźe или *γźie (ср. слово «вода» на языках Ло-ло и Мо-со: A-hi yi³, yi³-djyé⁴, yi³-dyé⁴. Nyi jè, Lo-lo-p'o vi³-dyé; Mo-so djién, dzié, dji).[2]

Что касается второго идеографа в тангутском названии города Хара-Хото, то в Ч.-ч.-ч. он транскрибирован китайским 口黑 mo (*mək), но «Гомофоны» относят его не в отдел губных смычных, а в отдел дентальных. В Ч.-ч.-ч. есть несколько примеров, когда идеограф читается не с той согласной, с которой бы мы ожидали и, в частности, имеются другие примеры, когда вместо m должно читать n; все это, вероятно, объясняется влиянием местного китайского диалекта того времени. В «Гомофонах», в одной фонетической группе с нашим находим идеограф [T. 49], употребленный в dhāraṇī на воротах Цзюй-юн-гуань для транскрипции санскритского ṇya, переданного в китайской части надписи идеографами 尼 野. В «Драгоценных рифмах» этот идеограф помещен под 21-й риф-

1 Отмечу здесь, что свободное i (ji) в некоторых китайских диалектах, напр., в Шаньси, произносится с весьма энергичной артикуляцией, сближающей данную фонему с дорсально-альвеолярным спирантом ź' (См. B. Kalgren. Études sur la Phonologie Chinoise, стр. 299).

2 N. Nevsky. A Brief Manual of the Si-hia Characters with Tibetan Transcriptions, стр. 18. Ōsaka, 1926.

мой «ровного» тона, которая, как говорилось выше, оканчивается на ā. Судя по месту данного идеографа в «Море письмен», можно заключить, что оно соответствует третьему горизонтальному ряду фонетических таблиц, другими словами, между начальной и конечной должен быть поставлен «иот». Таким образом получается, что слово «черный» по-тангутски произносилось *,ni̯ā (ср. тибетское nag «черный», читающееся nak или nä', смотря по местности).

Зная теперь фонетические эквиваленты идеографов в тангутском названии Хара-хото, можно сказать, что этот город назывался *γźie-ni̯ā. Вероятно это тангутское название и было передано в китайской истории в виде 亦集乃 i-tsi-nai. «В 1500 ли от Гань-чжоу — говорится в Юань-ши — находится Идзинай-лу; к северо-востоку от города есть большое озеро, а к северо-западу лежат песчаные холмы».[1] Из европейских путешественников описание города Ezina находим у Марко Поло: «От Канпичиона на двенадцатый день город Езина. Стоит он в начале песчаной степи, на севере, в Тангутской области».[2] В примечаниях к третьему изданию английского перевода книги Марко Поло говорится: «I believe there can be no doubt that Etzina must be looked for on the river Hei-shui, called Etsina by the Mongols, east of Suhchau...»[3] Так как название города идет от реки, то и слово эцзин в монгольском названии этой реки (Эцзин-гол) мы можем считать сокращением эцзина, восходящему к тангутскому *γźie-ni̯ā.

Профессор А. И. Иванов первый, насколько мне известно, пробовал название города Ezina объяснить филологически и сблизить с тангутским словом. Возможно считать, по его мнению, слово Эцзина фонетическим искажением 居延 Цзюй-янь,[4] но «более вероятно сближение со словом «цзэни» — тангутским словом (в китайской транскрипции), которое встречается в двухъязычном словаре в значении — «город, укрепленный пункт», тем более, что в Ицзинайлу при тангутах был военный округ. Тангут-

[1] А. И. Иванов. Из находок П. К. Козлова в г. Хара-хото, стр. 3. СПб., 1909.

[2] И. П. Минаев. Путешествие Марко Поло. Изд. Русского Географич. Об-ва, стр. 80—81.

[3] Henry Yule. The Book of Ser Marko Polo, III-е изд. с дополнениями Henry Cordier, стр. 225. Лондон, 1903.

[4] Относительно несостоятельности данного предположения см. P. Pelliot. Documents chinois trouvés par la mission Kozlov (Journal asiatique, 11-me série, t. III, 1914, стр. 506 примеч.).

ское же слово «цзэни», очевидно, соответствует тибетскому «цзон»-город. Во всяком случае название «Ицзинай (Эцзина)» — было ли оно тибетского или монгольского происхождения — официально было принято для города и области только при монголах, современное же «Хара-хото» — монгольское название позднейшего происхождения».[1] Предположение проф. А. И. Иванова, что слово И-цзи-най (Езина) восходит к тангутскому слову цзэни «город», несомненно ошибочно, так как в «двухъязычном словаре», под которым понимается Чжан-чжун-чжу, такого слова нет. Там имеется слово (Т. 50), «Бюро Дворцового снабжения», переведенное китайским 皇城司 букв. «бюро императорского города» (нечто в роде министерства императорского двора) и транскрибированное 乾尼則囉.[2] Проф. Иванов отожествил второй тангутский идеограф со вторым идеографом китайского перевода (城), а так как произношение тангутского знака транскрибировано китайскими 則 尼, написанными в горизонтальную строчку, то профессор, прочитавши их в европейском порядке слева направо (вместо правильного чтения справа налево) и решил, что «город» по-тангутски «цзэни». На самом же деле, второй идеограф тангутского сочетания, повидимому, значит «снабжение», ««приготовления»[3] и на основании китайской транскрипции должен читаться ndzə (ср. его чтение в тибетской тр. — ẖdziẖ).

Итак, город *γźi̯e-ni̯ā находился на реке того же имени, переводимой по-китайски Хэй-Шуй, т. е. «черная вода». Один из истоков ее (или по другим версиям притоков) носит название Бай-хэ, т. е. Белая река. Тождественна ли эта река с «Белой рекой», упоминаемой в вышеразобранной тангутской оде или под последней понимается какая-то другая река? Кое-какие данные о тангутской «Белой реке» мне удалось найти в уже упомянутой книге «Море значений» (Т. 10). Прежде всего во второй главе книги, в отделе, посвященном горам, читаем: «Государства Ми (т. е. тангутского) три большие горы; зимой и летом снег падает, (даже если) солнце светит, (он) не тает, постоянно лежит. (Это) горы Хо-лань (賀蘭), горы с лежащим снегом и гора Янь-чжи (焉支)» [Т. 51]. Относительно гор Хо-лань не может быть никакого сомнения, так как это горы в восточной

[1] А. И. Иванов. Документы из города Хара-хото (ИАН, 1913; стр. 811—916).

[2] См. Ч.-ч.-ч. в изд. Ло Фу-чан'а, стр. 28 а.

[3] Ср. напр. употребление этого идеографа на стр. 33 а и 34 а (по тому же изданию словаря).

части провинции Гань-су, до сих пор носящие то же название. Что касается горы Янь-чжи, то она иначе называется еще 删 (ныне 山) 丹山 Шань-дань-шань и находится в Гань-чжоу, в 50 ли к юго-востоку от Шань-дань-сянь (山丹縣) или еще точнее по границе между Лян-чжоу и Гань-чжоу. С этой горы вытекает река Шань-дань-хэ, впадающая в Эцзин-гол.[1] Таким образом остаются лишь под вопросом «горы с лежащим снегом». Несколько ниже в только что цитированной книге говорится: «Большие горы Южной границы (по границе государства Ми с Тибетом)» [Т. 52]. Вслед за окончанием комментирующих пояснений, заключенных мною в скобки, читаем: «Большие горы с лежащим снегом (горы высоки, зимой и летом снег идет, снежный остов не тает, по краям тает)», [Т. 53]. И, наконец, идет текст, имеющий непосредственное отношение к нашей теме: «Горный остов (= кряж, хребет) обширен и длинен (снеговые горы долги и длинны, не прерываются, разных государств всех достигают; то, что у основания покоится [вероятно, в значении «то, что берет здесь начало»], это — верховья Белой реки)» [Т. 54].

Из последнего текста вполне ясно, что «Белая река» есть собственное имя реки, имеющей свои истоки в «Снеговых горах». Из того, что все данные об этих горах идут вслед за «горами Южной границы», граничащими с Тибетом, можно заключить, что Снеговые горы не что иное, как Нань-шань (南山 букв. Южные горы), иначе хребет Рихтгофена, наиболее возвышенная часть которого по-китайски носит название Ци-лянь-шань (祁連山). Эти горы носят также китайское название Сюэ-шань (雪山), т. е. «Снеговые горы».[2] Китайский географический словарь 中國古今地名大辭典 «Чжун-го Гу-цзинь ди-мин да-цы-дянь»[3] под словом 白河 Бай-хэ («Белая река») говорит: «Находится в Гань-су, в древности называлась Сань-шуй, а также Тао-лай-хэ; стекает с Кукунорских гор Ци-лянь-шань, за Цзю-цюан'ем сливается с Хэй-хэ, впадает в монгольское (озеро) Эцзина — Цзюй-янь-хай» (= Гашун-нор) (在甘肅。古呼蠶水。亦曰洮賚河。發源青海之祁連山。流經酒泉與黑河合。入蒙古額濟納之居延海。).

[1] T. Fujita, «Янь-чжи и Ки-лянь». См. сборник статей по случаю 60-летнего юбилея проф. Т. Найтō, стр. 762.

[2] См. напр. 辭原 Цы-юань, под 雪山.

[3] Изд. The Commercial Press, Шанхай, 1931.

Таким образом, на основании вышеприведенных данных, мы можем отожествить тангутскую «Белую реку» с этой Бай-хэ. И это, конечно, будет наиболее быстрым разрешением вопроса. Однако, по крайней мере у меня лично, появляются некоторые сомнения. Всмотримся еще раз в переведенные строфы оды:

«Черноголовых каменный город на берегу вод пустыни;
Краснолицых отцовские курганы в верховьях Белой реки;
Длинных 'mï-ņiä', страна там находится».

Данные строфы, по всей видимости, определяют те границы, в которых лежала страна тангутов или Тангутское государство. Страна эта, как известно, занимала пространство от песков Гоби на севере до китайской провинции Сы-чуань на юге. Если же мы признаем за «Белую реку» современную Бай-хэ, то границами государства окажутся лишь пески Гоби на севере и хребет Рихтгофена на юге, что не будет соответствовать и половине его протяжения. Поэтому «горы южной границы» я стал рассматривать не как перевод китайских Нань-шань, а в буквальном смысле, т. е. гор, находящихся на южной границе Тангутского государства. Стоит только взглянуть на карту, чтобы увидеть, что такими горами являются горы Минь-шань (岷 山) по границе с Сы-чуань, прилегающие также к Восточному Тибету. Эти горы тоже покрыты вечными снегами и также носят китайское название Сюэ-шань, т. е. Снеговых гор.[1]

Такое перенесение «снеговых гор» с Нань-шаня на Минь-шань, по-моему, нисколько не противоречит вышеприведенному тангутскому свидетельству о «трех больших горах» (=горных хребтах) государства Ми, покрытых вечными снегами. Этими хребтами, таким образом, окажутся Алашань (Хо-лань-шань), Шань-дань-шань (под которым, видимо, понимался тангутами весь хребет Нань-шань) и, наконец, южные снеговые горы, т. е. Минь-шань. Но какая-же тогда река будет соответствовать «Белой реке»? Такой рекой несомненно будет Бай-шуй 白 水 (букв. «белая вода»), стекающая с Минь-шаня, известная ныне в своих верховьях под именем Бай-шуй-хэ 白 水 河, а в дальнейшем течении, как Бай-шуй-цзян 白 水 江.

Словарь Цы-юань под словом «Бай-шуй» говорит: «Название реки, истоки берут начало на восточной границе Сун-пань-сянь'я (провинции)

[1] См. напр., 辭 源 под сл. 雪 山.

Сы-чуань и называются Бай-шуй-хэ. Текут на восток и вступают в Вэнь-сянь (провинции) Гань-су, где становятся рекой Дун-чуань; на северо-востоке сливаются с Цин-цзян'ом и на юго-востоке впадают в Бай-шуй-цзян. Хань'ские «кян'ы Белой реки» жили здесь. Повидимому Цин-цзян и Бай-шуй-цзян в старину тоже назывались Бай-шуй» (水名。源出四川松潘縣東境日白水河。東流入甘肅文縣。爲東川河。東北合清江。東南入於白水江。漢白水羌居此。按清江及白水江。古亦稱白水云云). Вышецитированный китайский географический словарь к этому приводит еще цитату из Сун-шу (宋書): «Бай-шуй — от Си-кин'а до границ Инь-пин'а. Ди, жившие по берегам реки, были «ди Белой реки» (白水自西傾至陰平界。氏居水上者。爲白水氏。). Что касается Бай-шуй-цзян'а, то и этот географический словарь, и Цы-юань, оба называют эту реку 羌水 Кян-шуй — (букв. вода, т. е. река «кян'ов»). Цы-юань под последним словом говорит: «Древняя Хуань-шуй, иначе называвшаяся Дянь-цзян, ныне называется Бай-шуй (古之桓水。亦名墊江。今日白水。). Судя по цитируемой Цы-юан'ем Хуань-юй-цзи (寰宇記) Кян-шуй называлась еще Бай-цзян (白江). Эта «река кян'ов», судя по цитате из Хань-шу, приводимой географическим словарем, относилась в тот отдаленный период к уезду Кян-дао (羌道), находившемуся в северозападной части современного Си-гу-сян'я (西固縣) провинции Гань-су.

Резюмируя все вышеприведенные китайские данные о Бай-шуй, можно сказать, что эта река еще со времени Хань'ской династии считалась как бы очагом, вокруг которого жили инородцы западного Китая, известные в Китае под именем «кян'ов» или «ди» и потому река эта и называлась даже «Рекою кян'ов». Сами эти инородцы тоже называли себя по имени этой реки, так как вышеприведенные выражения китайских историй в роде «кян'ов Белой реки» и «ди Белой реки», несомненно являются китайскими переводами туземных названий. И вот, когда эти инородцы через много веков освободившись, наконец, от китайского ига, основали собственное государство, они перенесли на него название своей исконной родины, где находились могильные курганы их праотцов, и таким образом их новое государство стало называться «Государством Верховьев Белой (реки)».

Часть Восточного Тибета, примыкающая к Гань-су со стороны Минь-шань, носит тибетское название Kham (пишется Khams) или еще Kham-

mi-ñak, или просто Mi-ñak,[1] т. е. то же самое, которым как мы видели выше, тибетцы называли страну тангутов, что лишний раз доказывает что бассейн Бай-шуй был очагом тангутского населения.

Слово «река» по-тангутски произносилось *,ma (в Ч.-ч.-ч. танг. идеограф транскрибирован китайским 麻 ma и «Морем письмен» отнесен к 20-й рифме «ровного» тона). Что касается идеографа «белый», то в Ч.-ч.-ч. он транскрибирован китайским 牻 maṅ, *måṅ, он же, как мы видели выше, употреблен для транскрипции китайского 龐 p'aṅ, *b'åṅ [Т. 5]. «Морем письмен» он отнесен к 55-й рифме «ровного» тона. Исследование идеографов этой рифмы и сравнение с идеографами соответствующей [48-й] рифмы «восходящего» тона заставляют предположить, что слово «белый» по-тангутски произносилось *,mb'å (или *,mb'ą̊). Таким образом выходит, что «Белая река» по-тангутски называлась *,ma-,mb'å (или *,ma-,mb'ą̊), а «верховья Белой» — *,mb'å-'mb'e (или *,mb'ą̊-'mb'ę).

Итак, мы видели, что идеограф *'mb'e «верх, верховья» в официальном названии тангутского государства употреблен в вышеприведенном значении, а не является лишь транскрипцией для передачи названия народа Mi, для которого изобретен специальный идеограф [Т. 3]. Ло Фу-чэн тоже понимает первые два идеографа в названии тангутского государства, как «верховья Белой» (白 上). Такое название, по его мнению, вызвано или тем, что тангуты жили к западу от изгиба Желтой реки, т. е. в ее верховьях, где воды ее еще не желтые, или тем, что «тангуты жили в верхнем течении Бай-хэ, почему и называли (государство) верховьями Белой» (夏 人 居 白 河 之 上 流 故 又 曰 白 上). Противопоставляя Бай-хэ, т. е. «Белую реку» Хэй-хэ («черной реке»), он несомненно имеет в виду истоки Эцзин-гола.[2]

Откуда же взялись китайские сочетания «у-ми» и «юй-ми», которые внушили г. Ван Цзин-жу идею, что тангутские идеографы *'mb'e («высокий, верх») и *'mi («тангут») есть ни что иное, как «ми» в этих сочетаниях, и что оба идеографа употреблены фонетически для передачи понятия «человек», которым тангуты называли себя? Даже из цитируемых г. Ван'ом источников ясно, что сочетания «у-ми» и «юй-ми» вовсе не обозначали всех тангутов, а были лишь родовым наименованием небольшой

[1] Sarat Chandra Das. A Tibetan-English Dictionary (под словом mi-ñag).

[2] См. Спец. тангутский номер «Бюллетеня Национальной Бэйпинской Библиотеки», стр. 342. Бэй-пин, 1932.

кучки правителей, точнее, тангутских императоров. Например, в цитированной им биографии Ли Хэн'а (李 恆) из Юань'ской истории говорится: «Его предки из рода Юй-ми, в конце (династии) Тан были пожалованы фамилией Ли и из поколения в поколение были государями Западной страны» (其先於彌氏唐末賜姓李世爲西國主). Согласно китайской истории эта фамилия была пожалована китайским императором в конце годов Тянь-бао (742—755) То-ба Сы-гун'у, одному из предков тангутской императорской фамилии. Вместо сочетаний «У-ми» и «Юй-ми» Юань'ской истории в Сун-шу тот же самый род тангутских владык называется «Вэй-мин». Например, там сказано, что император Юань-хао называл себя «Вэй-мин у-цзу» (嵬名吾祖).[1]

В тангутских письменных памятниках, в особенности в буддийских сутрах, очень часто вслед за заглавием приводится титул императора, редактировавшего, а иногда даже и переводившего текст. Всегда в таком случае такой титул заканчивается четырьмя идеографами [Т. 55]. Первый из них «Гомофонами» отнесен в отдел «велярных», а в «Драгоценных рифмах» находится под 7-й рифмой «восходящего» тона, куда отнесены, например, следующие идеографы [Т. 56]. Первый из них транскрибирован китайским 每 mei, *muâi; второй — 墨 mo, *mək (Lt. mei); третий — 賊 tsə, *dz'ək (Lt. tsei); четвертый — 悉 si, *si̯ĕt, также для транскрипции 塞 se, sai, *sək, *sâi (Lt. sei); пятый — 勒 lə, *lək (At. lei); шестой — 嵬 wei или в тиб. тр. dwi, dwiḫ, wi. Сравнивая с соответствующей (8-й) рифмой «ровного» тона можно притти к заключению, что общим окончанием этих рифм было ei. Судя по тангутским фонетическим таблицам, не имеющим в данных рифмах идеографов начинающихся с k, можно допустить три начальных k', g'' и ṅ. В рифме 8-й «ровного» тона мы имеем всего на всего один идеограф, начинающийся с велярной фонемы (Т. 57) и, судя по фань-це, начинающийся с ṅ и относящийся ко второму горизонтальному ряду таблиц, т. е. читающийся *,ṅʷei. Из того, что в одну фонетическую группу с разбираемым нами идеографом входит идеограф (Т. 58), имеющий в своем составе полностью вышеприведенный знак (Т. 57), читающийся *,ṅʷei, я заключаю, что и (Т. 58), а следовательно и разбираемый, читались также, но только «восходящим» тоном, т. е. *'ṅʷei. Второй идеограф из вышеприведенных четырех (Т. 55), «Морем письмен» отнесенный к 11-й рифме «ровного» тона, входит в одну фонетическую группу с идео-

[1] См. вышецитированный специальный тангутский номер, стр. 56.

графом (Т. 59), транскрибированным по-китайски 名 miṅ, *mi̯äṅ (Lt. Pl. miə), а по-тибетски mi, dmi. Эта рифма соответствует 10-й рифме «восходящего» тона, которая, как мы видели оканчивалась на i. Таким образом мы можем заключить, что искомое чтение идеографа было *,mi. При объяснении значения идеографа вышеназванный словарь приводит сочетание из вышеразобранного идеографа *'ṅʷei и данного (т. е. *'ṅʷei-,mi) и далее говорит: «это — фамилия императоров» [Т. 60]. Третий идеограф сочетания [Т. 55] значит «небо» (天), а как эпитет императора августейший (皇). По-китайски он транскрибирован 魚 骨 ü+ku. *ṅi̯ʷo-kuot, а в тиб. тр. ṙṅwa. В словаре «Гомофоны» он отнесен в группу «велярных» и в «Море письмен» находится под 84-й рифмой «ровного» тона. Сравнивая китайскую и тибетскую транскрипцию идеографов этой рифмы, можно заключить, что последняя оканчивалась на ə. На основании «фань-це» выясняется, что место данного идеографа во втором ряду фонетических таблиц, т. е. что начальная фонема соединяется с окончанием посредством лабиального glide'а. Итак, произношение данного идеографа было *,ṅʷə. Наконец, четвертый идеограф сочетания [Т. 55] значит «император» (帝) и вместе с третьим соответствует китайскому выражению 皇 帝 Хуан-ди «августейший император», но прилагаются они исключительно к императору тангутскому. «Гомофонами» этот идеограф отнесен в отдел «дентально-альвеолярных» где в одной группе с ним находится идеограф [Т. 61], означающий тангутскую фамилию. Правая часть последнего идеографа [Т. 62] несомненно указывающая на его произношение, по-китайски транскрибирована 尼 卒 ni+tsu, *nji-tsuət (Lt. Pl. ni-tsy), что вероятно произносилось *ⁿdzu или *ⁿdzy. Установление точного окончания и тона в настоящий момент затруднительно, почему временно оставляю вышеприведенные окончания, не снабжая тональным знаком.

Таким образом, все четыре идеографа, встречающиеся вслед за титулом того или иного императора, читались *'ṅʷei-,mi ,ṅʷə-ndzu (или ndzy) — «августейший император (по фамилии) *'ṅʷei-,mi.» Сравнивая произношение этих четырех идеографов с вышеприведенным китайским «вэй-мин у-цзу», с уверенностью можно сказать, что последние являются транскрипцией тангутских слов, которыми официально называли себя тангутские императоры, начиная с Юань-Хао.

* * *

Все вышеизложенное вызвано недавним появлением в свет «Тангутских штудий» китайского ученого Ван Цзин-жу, где между прочим имеется статья «О названии государства Си-ся». В ней г. Ван переводит официальное название страны «Государство Белых Ми», считая, что последнее слово является транскрипцией названия тангутского племени, нашедшего свое отражение в китайской истории в виде Юй-ми, У-ми и Вэй-мин.

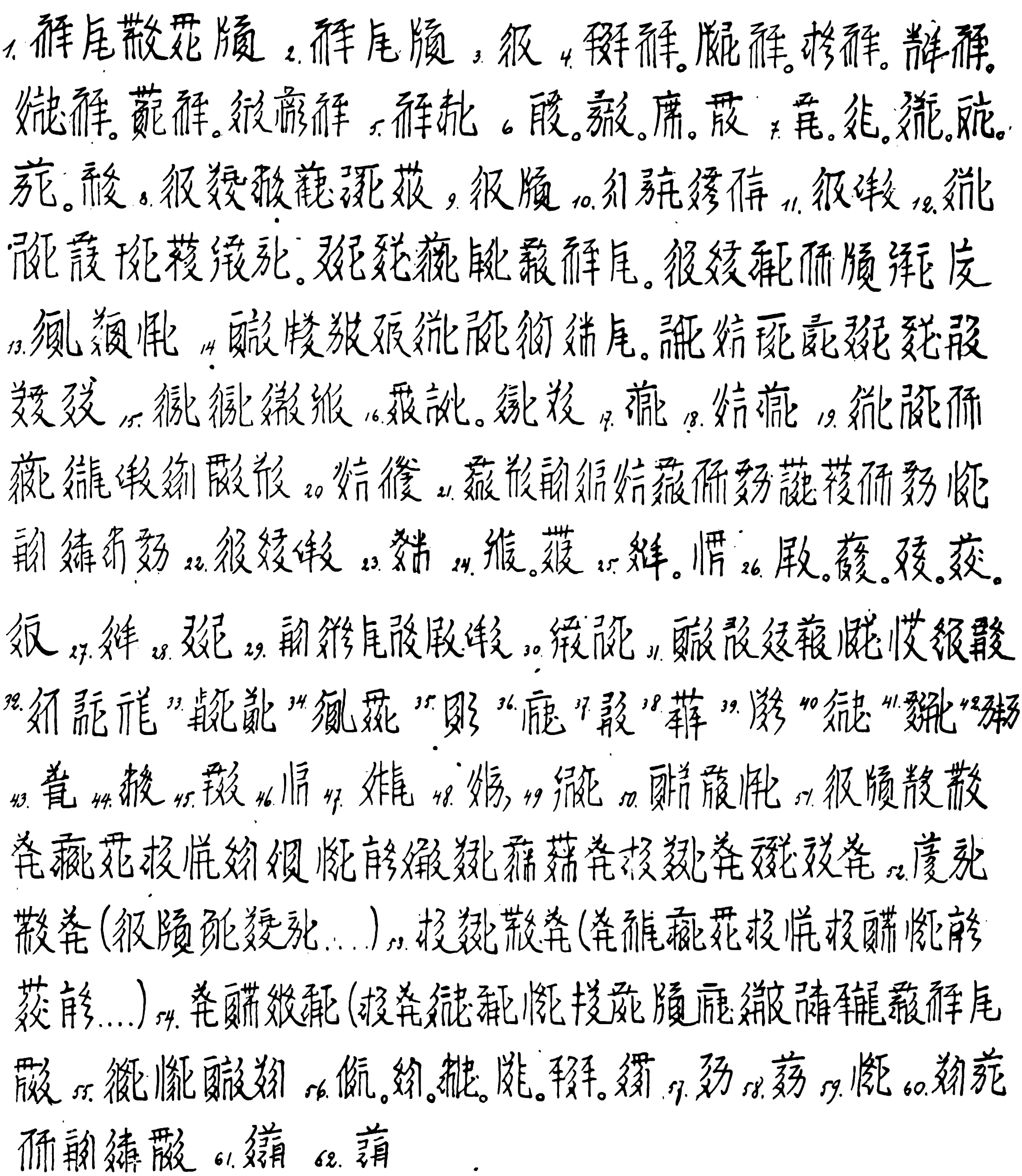
В своей статье я старался показать на основании тангутского материала, что идеограф, который г. Ван считает употребленным фонетически, на самом деле означает «высокий, верх», а в названии государства в еще более узком смысле «верховья (реки)», и что название это должно быть расшифровано как «Государство верховьев Белой (реки)». Пользуясь тангутскими и китайскими данными, я пришел к заключению, что под Белой рекой понимается не Бай-хэ (Белая река), впадающая в Эцзин-гол, а Бай-шуй (Белая вода), берущая начало в горах Минь-шань, которая с эпохи Хань считалась очагом местожительства «кян'ов (или ди) Белой реки», под которыми несомненно понималось тибетско-тангутское племя.

Устанавливая местонахождение Белой реки пришлось затронуть вопрос относительно Эцзин-гола, называвшегося по-китайски Хэй-шуй (Черная вода). Так как последним словом по-китайски назывался и известный «мертвый город» Хара-хото, расположенной на этой реке и носивший тангутское название *γźie-nḭā̄, то я пришел к заключению, что названия тангутского города И-цзи-най, встречающегося в Юань'ской истории, и Эзина, упоминаемого у Марко Поло, являются ни чем иным, как китайской и монгольской передачей вышеупомянутого тангутского слова, продолжающего жить в названии реки Эцзин-гол.

В своей статье я показал, что помимо 'mi, которым называли себя тангуты, у них было еще слово 'mï-nḭä', которое тоже употреблялось для обозначения их племени. Последнее, вероятне, породило название mi-ñak, которым тибетцы называли страну тангутов и до сих пор еще называют прилежащую к китайской провинции Гань-су свою восточную провинцию Kham.

Наконец, я постарался доказать, что вышеупомянутые слова Юй-ми, У-ми и Вэй-мин вовсе не являются транскрипцией тангутского племенного названия, а лишь передают фамилию небольшой кучки тангутских императоров, *'ṅʷei-,mi. Эти императоры, начиная с Юань-хао, официально величали себя *'ṅʷei-,mi .ṅʷə-ndẓu «августейшими императорами (фамилии) *'ṅʷei-,mi», что зарегистрировано китайской историей в виде вэй-мин у-цзу.

Ленинград, июль 1932 г.

В. А. КАЗАКЕВИЧ

Материалы к истории китайских военных экспедиций в Монголию

Войны, которые велись между китайским правительством и северными кочевниками, большей частью происходили на территории или Внутреннего Китая или же в сопредельной области, непосредственно граничившей с современными провинциями Шань-си и Хэбей, объединяемой обычно понятием «Внутренняя Монголия». Однако, в некоторых, довольно редких случаях, до объединения всей Монголии под властью маньчжурской династии, китайским полководцам удавалось проникать вглубь монгольских степей, вплоть до бассейна Селенги и Амура. К числу таких походов принадлежат военные действия первых императоров династии Мин, в частности императора Юн-ло (годы правления 1403—1425). Завершили это проникновение маньчжуры, положившие начало подчинению Монголии походами Кан-си (годы правления 1662—1722).

Само собой разумеется что пути продвижения китайских войск давно интересовали историка-востоковеда, так как местность, находящаяся между Внутренним Китаем и Северной Монголией не везде благоприятствует движению регулярных войск. Китайские же армии, в состав которых входила пехота и громадные обозы, а впоследствии и артиллерия, должны были изыскивать наиболее удобные маршруты через Гоби. Но к сожалению эти маршруты до последнего времени не могли быть восстановлены и лишь теперь можно более подробно осветить некоторые из них. Остановлюсь в данном случае на походе Юн-ло в 1410 г., на продвижении главного отряда маньчжурских войск под непосредственным командованием Кан-си в 1696 г. и на пути следования вспомогательных отрядов армии того же Кан-си, прикрывавших ее левый фланг от ойратских войск с запада.

В специальной литературе лучше всего до последнего времени был известен маршрут Кан-си 1696 г., так как спутник его иезуит Gerbillon оставил довольно подробное описание похода[1]. Затем мы имеем данные «Мэн-гу-ю-му-цзи»[2], «Шэн-у-цзи»[3], краткие упоминания Е. Ф. Тимковского,[4] A. J. H. Charignon[5] и др. авторов[6] Этот поход замечателен тем, что помимо записей современников, участвовавших в нем, маршрут китайской армии отмечался надписями Кан-си, вырезывавшимися на камне и могущими сохраняться на протяжении веков. На территории Монгольской народной республики (Внешней Монголии) таких памятников должно насчитываться три. Первый — возле поля сражения с ойратами у урочища Дзун-модо (Зц moddŏ), второй — у подножья горы Тоно-ула (Tōnŏ ūlă) на северном берегу р. Херулюн и третий в урочище Цаган-чулу (Cagą̄ čolū) в южной части бывш. аймака Хан-хэнтэй-ула. До 1927 г. ни один из них не был найден.

Летом 1927 г., во время своей поездки в Даригангу[7] я стремился найти одну из этих надписей, так как на основании сообщений «Мэн-гу-ю-му-цзи»[8] и Gerbillon'а[9] имел все данные предполагать, что третья надпись Кан-си, а именно в Цаган-чулу, должна находиться в Дариганге. Это подтверждалось к тому же сообщением командированного туда летом 1925 г.

[1] Du-Halde. Description... de l'Empire Chinois et de la Tartarie Chinoise. La Haye 1736, t. IV, p. 315.

[2] П. С. Попов (перевод с китайского.). СПб., 1895, стр. 327, 348—351, 372, 385, 387—389, 399, 401.

[3] А. М. Позднеев. Монгольская летопись «Эрдэнийн эрихэ». СПб., 1883, стр. 244—251.

[4] Путешествие в Китай чрез Монголию. СПб., 1824, т. III, стр. 233—234, 239.

[5] Le livre de Marco Polo. Pékin, 1924, t. I, pp. 194—211.

[6] Б. Я. Владимирцов (в Этнолого-лингвистических исследованиях 1927 г.,) «Сборник Северная Монголия». АН, вып. II, стр. 36—37; В. Л. Котвич, Русские архивные документы, ИРАН, 1919 г. стр. 804; И. В. Палибин. Предварительный отчет о поездке в Восточную Монголию, Изв. ИРГО, Т. XXXVI только повторяют вышеприведенные источники.

[7] Поездка в Даригангу. Материалы МОНК АН СССР, вып. 5.

[8] Приводимая здесь выдержка из «И-тун-чжи» говорит о Цаган-чулуту, причем последнее автор считает длиной в 200 ли (?) с востока на запад, хотя на самом деле это не что иное, как небольшая скала (см. фото на табл. I, 2 и II, 1,2).

[9] Op. cit., p. 315.

сотрудника Ученого комитета Монгольского народного правительства, Церенджаба, снявшего с каких-то китайских надписей весьма неточные копии от руки, которые китаеведы Улан-батр-хото не могли как следует разобрать. По прибытии в Дариганту мне не стоило больших трудов обнаружить данную надпись, и даже не одну, а несколько — в урочищах Гурбан-хулустай (Gurbą̌ xułŭstȧĕ) и Дзюльгэт-шанда (Ʒu̇lgĕt šandă).[1] Одна из них, в Гурбан-хулустай, высечена на гранитной скале около 1 м 50 см вышиной, другие же, в Дзюльгэт-шанда, на скале из белого кварца, тоже 1 м 50 см и разбросаны по нескольким ее граням.

Фиг. 1.

Привожу тексты этих надписей и перевод любезно составленный акад. В. М. Алексеевым.

Копии надписей сняты мной путем эстампирования на китайскую бумагу «мото». Эстампажи хранятся в архиве Института востоковедения Академии Наук.

ТЕКСТ

1. 捷 滕 岡

大 明 永 樂 八 年 四 | 廾 一 日

(см. фиг. 1 в тексте и табл. I, фиг. 1).

2. 維 永 樂 八 年 歲 次 庚 寅 四 月 丁 酉 朔 十 六 日 壬 子

(см. фиг. 2a в тексте и табл. I, фиг. 2).

3. 大 明 皇 帝 征 討 胡 冦 將 軍 過 此

(см. фиг. 2b в тексте и табл. I, фиг. 2).

[1] Поездка в Даригангу, стр. 47 и 56. См. также карту, приложенную к этой работе.

4. 大清皇帝征討厄魯特噶爾丹將六軍過此御筆勒銘維天所覆皆吾赤子綏靖邊陲殄滅蛇豕山澤効靈草蕃泉旨羽衞期經貞石用紀康熙三十五年歲次丙子四月丙戌朔十四日己亥

(см. фиг. 3a в тексте и табл. II, фиг. 2).

5. 御製銘瀚海為鐔天山為鍔一掃胡塵永清沙漠

(см. фиг. 3b в тексте и табл. II, фиг. 2).

6. 靈濟泉

(см. фиг. 2c в тексте и табл. I, фиг. 2).

7. 擒胡山

(см. фиг. 2d в тексте и табл. II, фиг. 1).

Перевод

1. Скала победы. Великой Минской династии эра Юн-ло, 8 год, 4 луна, 21 день.

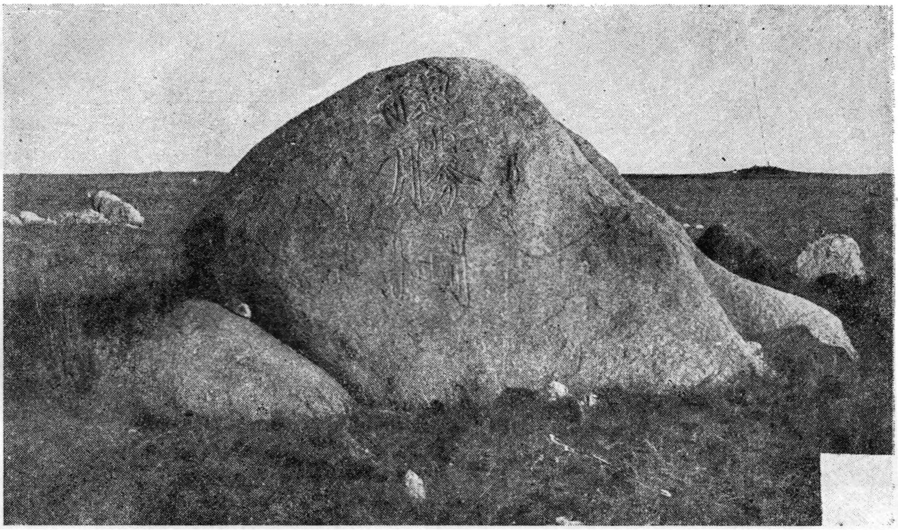
2. 8 год Юн-ло (циклового обозначения гэн-инь), 4 луна (первое ее число в цикловом обозначении дин-ю), 16 день (циклового обозначения жэнь-цзы).

3. Император Великой Мин в карательной экспедиции против варваров-разбойников во главе шести императорских войск прошел здесь.

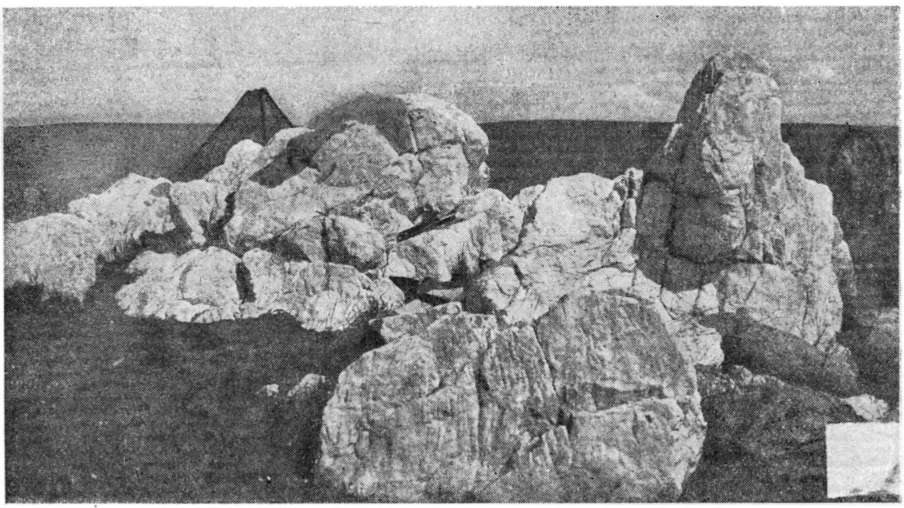
4. Император Великой Цин в карательной экспедиции против Э-лу-тэ (ойрата) Га-эр-дань (Галдана), предводительствуя шестью императорскими армиями прошел здесь.

Императорской собственноручною кистью написано и по ней выгравировано на камне:

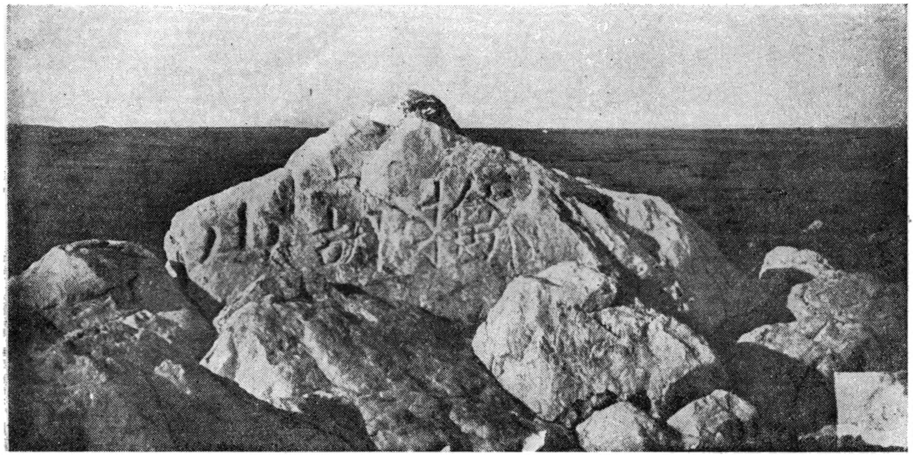
Те — кого небо собой покрывает —
Все мои малые дети.
Усмирив до конца пограничные земли
Истребил — уничтожил я випер и кабанов
(т. е. этих злых негодяев).
Горы, низины проявили чудо:
Травы густые, источники сладкие (вкусные).
Охранной гвардии срок истекает:
На камне победном делаю надпись.

Фиг. 1.

Фиг. 2.

Фиг. 1.

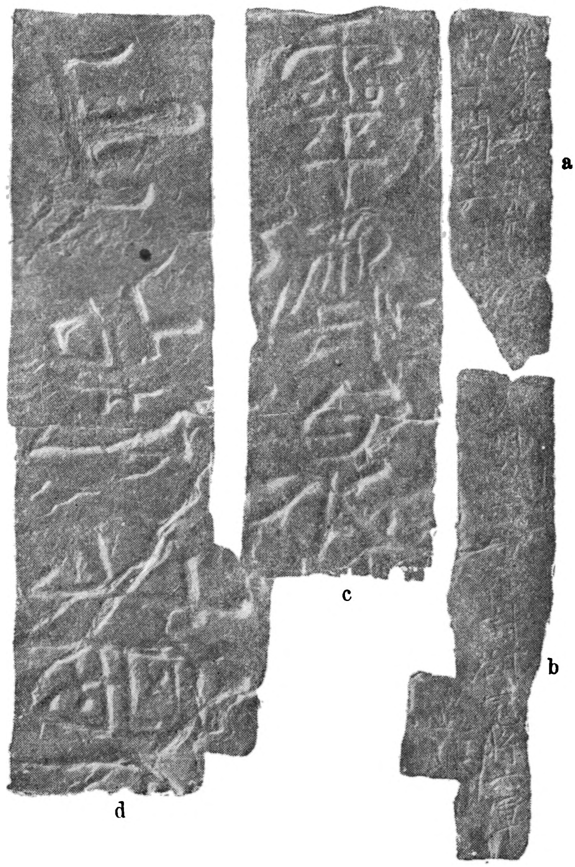

Фиг. 2.

Эра Кан-си 35 год (бин-цзы), 4 луна (начавшаяся днем бин-сюй), 14 день (в цикловом обозначении цзи-хай).

5. Надпись высочайше сочиненная и вырезанная на камне:

Хань-хай (Ша-мо) — что рукоятка меча,
Тянь-шань — что его лезвие.
Сразу смахнув Ху'ский (варварский) прах,
Навек очищаю Ша-мо.

Фиг. 2.

6. Источник Чудесно Помогающий.

7. Гора, где я взял варваров.

Первые три надписи, как видно из их текста относятся к началу XV в., причем № 1 находится в уроч. Гурбан-хулустай, а №№ 2 и 3 в уроч. Дзюльгэт-шанда (Цаган-чулу). Надписи № 4, а также повидимому, № 5 (судя по почерку и стилю), относятся к концу XVII в. и обе находятся в уроч. Дзюльгэт-шанда. Что же касается №№ 6 и 7, высеченных тоже на скале Цаган-чулу в уроч. Дзюльгэт-шанда, то трудно определить, к какому периоду они принадлежат. Отмечу здесь, что расстояние между обоими урочищами достигает по прямой линии 125 км и между ними проходит большая дорога, издавна служившая одним из трактов, соединявших Северную Монголию с Китаем.

Нам известны три похода, предпринимавшиеся китайским правительством в царствование Юн-ло против монголов на территории последних. Первый из них, в 1409 г. под предводительством Цю-фу потерпел полную неудачу. В сражении с восточными монголами китайское войско было разгромлено и почти все военачальники убиты. Это обстоятельство вызвало китайское правительство, считавшее необходимым восстановить свой авторитет, на отправку новой военной экспедиции весной 1410 г., во главе которой стал сам император. Последний преследовал монгольского хагана Öль джейту-тэмур'а до реки Онон (Хань-нань), где и нанес ему поражение, а на обратном пути в Китай, столкнувшись с войском темника Аруктая, тоже разбил его в бою. Наконец, третий поход Юн-ло предпринял в 1414 г., но уже не против восточных монголов, а в союзе с ними против ойратов. В решительном сражении он разбил предводителя последних — Махаму и гнался за ним до реки Тола. Военные действия, предпринимавшиеся китайцами против темника восточных монголов Аруктая, в конце царствования Юн-ло (1422—1424 гг.), выразились в трех походах во Внутреннюю Монголию на территории нынешних провинций Же-хэ и Чахар. Все эти события в достаточной степени известны и подробно описываются в «Мин-ши» и «Тун-цзянь-ган-му».[1]

Однако, до сих пор лишь один Gerbillon упоминает о надписях Юн-ло в Дариганге, которые он сам лично видел[2] причем надписи эти безусловно не идентичны с надписью на пирамиде, воздвигнутой Юн-ло в 1424 г. в местности Да-лань-на-му-эр (повидимому где-то возле Долон-нора), как передает «Тун-цзянь-ган-му»[3] и до сих пор не найденной. Точная датировка надписей №№ 1 и 2 позволяет нам отнести их к 1410 году, которому 8 год правления Юн-ло и соответствует.

После походов Юн-ло китайское правительство в течение двух с половиной веков даже не пыталось проникать своими армиями так далеко в степи Северной Монголии и лишь при манчьжурской династии, в конце XVII ст., мы снова можем отметить продвижение больших масс китайских войск. Первым по своему значению активным наступлением явился поход императора Кан-си против ойратов Галдан-бошокту в 1696 г. Правое крыло

[1] См. Д. Покотилов. История восточных монголов в период династии Мин. СПб., 1893, стр. 35—38, 41—42; также J. M. de Moyriac de Mailla. Histoire générale de la Chine. Paris. 1779, t. X, pp. 167—168, 170—176, 178—183.

[2] Du-Halde, op. cit. p. 315.

[3] Mailla, op. cit, p. 182.

китайцев наступало на ойратов из Манчьжурии, левое с запада к реке Онгийн-гол и оттуда к р. Толе, а центр армии во главе с императором двигался из Ду-ши-коу по тому же пути, по которому в свое время прошел Юн-ло. Так как 35 год правления Кан-си соответствует 1696 г. нашей эры, то надпись, найденная мною в Дзюльгэт-шанда безусловно была написана во время этого похода.

b a

Фиг. 3.

Содержание всех трех надписей Кан-си в Дзун-модо, Тоно-ула и Цаган-чулу (упомянутых выше) было уже давно известно по переводам, приведенным у Тимковского и Попова.[1] Однако эти переводы являются лишь приблизительными, довольно далеко отходя от подлинного текста. Несмотря на качество перевода характер надписей во всех трех случаях одинаков. Напыщенные восхваления своих подвигов, полное великодержавное презрение к монголам как существам низшего порядка, из ряда вон выходящие гиперболы — вот стиль достойный императора, положившего основание, экономическому и политическому закабалению монголов на протяжении двух последующих столетий. И хотя стиль этот является лишь отражением эпохи манчьжурского абсолютизма, но, между прочим, в военных действиях 1696 г. меньше всего именно Кан-си может присваивать себе боевые заслуги.

[1] Путешествие... т. III, стр. 233—234, 239; «Мэн-гу-ю-му-цзи», стр. 387—388.

Армия центра, в которой находился он, была наиболее обеспечена снабжением, продвигалась довольно медленно по местности, изобилующей великолепными пастбищами, и в конечном итоге не участвовала ни в одном сражении. Операция 1696 г. была выиграна лишь благодаря решительному удару, нанесенному ойратам западным (левым) корпусом манчьжурской армии в уроч. Дзун-модо на р. Толе, в 60 км к востоку от нынешнего Улан-батр-хото, столицы Монгольской народной республики.

Командующий западным корпусом, да-цзянь-цзюнь Фэй-ян-гу получил приказ перебросить свои войска через одну из наиболее пустынных частей Гоби, а именно Галбыйн-гоби бывш. аймака Богдо-хан-ула МНР. Описание его похода приведено подробно в «Краткой записке ти-ду Инь-хуа-син о походе на запад».[1] Так как верховное командование было хорошо осведомлено о пустынном характере местности, то оно заранее отдало распоряжение о постройке на середине расстояния между р. Хуан-хэ и р. Онгийн-гол (в Халхе), т. е. в самом центре Гоби, укрепленной базы, куда должен был быть завезенным провиант для проходящих войск. Укрепление это, носившее название Ко-до-ли-ба-га-сунь, было закончено постройкой лишь летом 1697 г. В базе же имел местопребывание и постоянный гарнизон.[2]

Этот небольшой форт, в монгольской фонетической передаче — Godlĭ baɫγăs («стрела-град») был известен лишь по вышеприведенным описаниям до 1923 г. Местонахождение его мне удалось определить во время командировки от Ученого комитета Монгольского народного правительства осенью того же года. При переездах по бывш. хошуну Дэлгэр-хангай-ула (стар. Тушету-ван), я наткнулся на развалины глинобитного укрепления в уроч. Сайр-усу (Sàĕr ussŭ), расположенного на склоне низких холмов к северу от гор Ихе-Хачиг (Jixxĕ Xačĭg ŭɫă) и к западу от монастыря Долон-шарддзак-сумэ (Doɫǭ šarʒăgĭ sümŭ), нанесенных на 40-верстной карте Генерального штаба. Местному населению эти развалины известны под именем Sàĕr usnā baɫγăs, постройка форта приписывается Тогон-тэмуру, что, между прочим, совершенно не соответствует действительности. В памяти населения сохранилось смутное воспоминание о том, что укреплением командовал манчьжурский офицер, носивший титул Sàĕr usnā ʒarγăčĭ. Так как

[1] Позднев, «Эрдэнийн-эрихэ», стр. 378—392.

[2] Ibid., стр. 379 и 396. «Мэн-гу-ю-му-цзи», стр. 387 упоминает «Годоли» в числе станций, утвержденных в 1696 г. при походе на Галдана.

в окрестности больше никаких развалин не существует, а неподалеку, к западу от гор Хачиг и к востоку от гор Гурбан-Сайхан (Gurbą̆ Sȧëxą̆) находится небольшой монастырь, до сих пор носящий народное название Godlĭ baɫγăs, то я считаю себя в праве отожествлять Сайр-уснэ-балгас с Ко-до-ли-ба-га-сунь китайских источников, тем более, что местоположение его вполне соответствует середине расстояния между Куку-хото и р. Онги́йн-гол. Возле развалин как раз и проходит старинный торговый тракт из Улясутая в Куку-хото.

Развалины форта представляют собой квадрат, каждая сторона которого имеет по 120 м протяжения. Часть глинобитных стен сохранилась с южной стороны и по углам. Вал, состоящий из остатков осыпавшихся стен, достигает высоты 2 м. С наружной стороны под ним имеются следы рва. Внутри квадрата стен единственными остатками могут считаться небольшие возвышения, до полуметра высотой, весьма неясной формы. Все пространство занесено галькой и песком и поросло мелким кустарником (xarγānă, butărγānă). Снаружи северо-восточного угла, на некотором расстоянии от городища, между ним и колодцем Сайр-усу, заметны остатки нескольких рядов стен. Ни надписей ни каких-либо предметов мною найдено не было. В «Погодичной записи цзун-ду провинции Чжи-ли Юй-чэн-лун'а»[1] рассказывается об укреплении Го-до-ли-ба-га-сунь, идентифицируемого мною с Сайр-уснэ-балгас'ом: «Так как провианту накопилось довольно много, я приказал солдатам вырыть рвы в 9 футов глубины и построить стену в 6 футов вышиной с воротами на северную и южную стороны и с рогатками, отпирающимися и запирающимися».

Само собой разумеется, что гарнизон этого форта, заброшенного в пустыне, не мог существовать иначе как за счет привозного снабжения. Вот почему он был по окончании военных действий с ойратами заброшен, вероятно в конце XVIII в. Но стратегическое значение его во время войн манчьжуров с Джунга́рией должно было быть очень значительным, так как он обеспечивал проникновение в Западную Монголию по самому кратчайшему пути между последней и Внутренним Китаем.

Что же касается дороги через Даригангу, то это направление выбиралось китайским командованием XV и XVII вв. тоже не случайно. Мне уже приходилось останавливаться в своей работе «Поездка в Даригангу»[2]

[1] Позднеев, ibid., стр. 396.
[2] Материалы МОНК АН СССР, вып. 5, стр. 41 и др.

на особо благоприятных условиях для растительности в этой части Монгольской народной республики, следствием которых являлось всегда и обилие скота. Эти факторы несомненно учитывались через разведчиков китайским командованием, тем более, что Дариганга могла служить естественной базой на одном из самых коротких путей из Внутреннего Китая в центральную Халху.

Сентябрь 1932.

ЗАПИСКИ

ИНСТИТУТА ВОСТОКОВЕДЕНИЯ
АКАДЕМИИ НАУК СССР

II, 4

1934

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР · ЛЕНИНГРАД

ЗАПИСКИ

ИНСТИТУТА ВОСТОКОВЕДЕНИЯ АКАДЕМИИ НАУК СССР

II, 4

1934

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР · ЛЕНИНГРАД

Напечатано по распоряжению Академии Наук СССР
Февраль 1934 г.
Непременный секретарь академик *В. Волгин*

Редактор издания академик С. Ф. Ольденбург

Технический редактор К. А. Гранстрем. — Ученый корректор М. М. Севастьянов

Сдано в набор 20 декабря 1933 г. — Подписано к печати 7 февраля 1934 г.

1—228 стр (3 фиг.) + 3 табл. + 1 карта
Формат бум. 72 × 110 см. — 15 5/8 печ. л. — 40532 печ. зн. в л. — Тираж 1500+175
Ленгорлит № 17118. — АНИ № 37. — Заказ № 2336

Типография Академии Наук СССР. В. О., 9 линия, 12

СОДЕРЖАНИЕ

SOMMAIRE

Н. Н. ПАЛЬМОВ

Астраханские архивы

(Образцы материалов о национальностях)

I. «Индейцы» (индусы) в Астрахани, по данным XVII и XVIII вв., кончая 1743 годом

ПРЕДИСЛОВИЕ

В Астраханском б. губернском и в Калмыцком областном архивах имеются обширные материалы о представителях различных азиатских национальностей, частью проезжавших через Астрахань в Москву и Петербург с дипломатическими поручениями от своих правительств, частью посещавших Астрахань по коммерческим делам и нередко устраивавшихся в этом городе более или менее прочной оседлостью для того, чтобы было удобнее принимать активное участие в торговых операциях на месте и отсюда сноситься с заграницей.

Имея в виду торговлю в низовьях Волги, В. В. Бартольд уже отметил выдающуюся роль, которая принадлежала в этом случае населению Итиля в X в., Саксина в XII в. и в XIV в. Хаджи-Тархани.[1] Со второй половины XVI в. эта роль переходит к Астрахани, по ее возникновении в 1557 г. сначала как укрепленного пункта, а затем и оживленного торгового города на левом берегу Волги.

Оренбург, с образованием в 1744 г. Оренбургской губернии, в известной мере поколебал прежнее политическое и торговое значение Астрахани на рубеже с Средней Азией.[2] Но Предкавказье, Кавказ, Закавказье и Персия долго еще не прерывали тесных связей с Астраханью, благодаря удобствам водного пути. Кроме того, Астрахани приходилось считаться

[1] В. В. Бартольд. Очерк истории Туркменского народа, отд. отт., стр. 38—39.

[2] Он же. История изучения Востока в Европе и России. Изд. 2-е, 1925, стр. 220.

с заволжскими кочевниками и после 1744 г., да притом еще держать в поле зрения взаимоотношения кочевавших по степям Нижнего Поволожья калмыков с их сородичами — монголами на Д. Востоке и учитывать воздействие на них политики Пекина. Калмыки, до ухода бо́льшей их части в Джунгарию в 1771 г., часто вступали в своих интересах в непосредственные соприкосновения с Кубанью и Крымом, состоявшими под протекторатом Турции, — и опять на долю Астрахани выпадала задача наблюдения и предупреждения всяких возможностей.

Настоящая работа касается индусов в Астрахани, обычно называвшихся, хотя и неточно, индейцами. Эта работа является опытом группировки в хронологическом порядке материалов, добытых в результате архивных разысканий в течение, сравнительно, небольшого срока времени. Продолжение тех же разысканий должно будет сопровождаться дополнением наличных данных, новыми фактами, с привлечением к тому и печатной литературы.

XVII ВЕК

Одним из источников астраханской истории служит так называемая «Ключаревская летопись», составленная в конце 20-х или в начале 30-х годов XIX в. ключарем Астраханского собора Кириллом Васильевым, родившимся в 1770 г. и умершим 2 января 1837 г. Ключаревская летопись была напечатана в Астрахани в 1887 г.,[1] но пока еще не получила научного освещения.

В названной летописи, между прочим, сказано, что «в третье лето царствования царя и великого князя Михаила Федоровича[2] первоначальные явились люди гостинные из Армян, Персиан и Индейцев»; приехав «сухим путем чрез Моздок и степи, по Терку лежащие», они поселились в Астрахани на Садовом бугре.[3]

В описании путешествия Ф. А. Котова, проезжавшего чрез Астрахань летом 1623 г., упомянуты виденные им здесь «гостинные дворы: Русской, и Бухарской, и Кизилбашской», но почему-то не назван индейский гости-

[1] Сначала она печаталась в Астраханских епархиальных ведомостях за 1887 г., а затем была выпущена отдельной брошюрой в том же 1887 г. Пользуемся экземпляром из библиотеки Астр. арх. Бюро, собранной П. И. Усачевым, заведывающим этим Бюро.

[2] Следовательно, в 1615—16 г. У М. Рыбушкина, в его Записках об Астрахани. Москва, 1841, на стр. 57 показан 1619 г. Невидно, каким источником руководился Рыбушкин.

[3] Ключаревская летопись, стр. 15.

ный двор. Наблюдения Котова показывают бойкую торговлю, производившуюся в Астрахани с азиатами. Свои товары они привозили по Каспийскому морю, но «гилянские бусы», которые Котов видел у «Четырех бугров» на взморье, не входили в устье Волги и бросали якорь у этих бугров: «А в устье и под город под Астрахань бусы не ходят», — пишет Котов, — «стоят на море, с устья едва видать»; тут же он прибавляет: «А товары возят с бус в Астрахань и из Астрахани сандалы и павозки, и оттуда ходят за море на бусах.»[1]

О существовании в Астрахани в 1625 г. индейского гостиного двора мы узнаем опять-таки из Ключаревской летописи, где говорится, что в этом именно году, по приказанию воеводы князя Семена Прозоровского, в городе были построены «гостинные дворы: Армянские, Персидские и Индейские — каменные, по обряду Азиатскому, неподалеку от Спасского монастыря.»[2] Судя по «Списку Астраханских воевод и губернаторов», составленному А. Ф. Миллером,[3] князь С. В. Прозоровский состоял в Астрахани воеводой в 1620—1622 гг. 29 мая 1625 г. датируется наказ астраханским воеводам Петру Головину и Алексею Зубову, назначенным на место князя И. Ф. Хованского и Григория Валуева.[4] Таким образом, если постройка каменных гостиных дворов началась при Прозоровском, то, как видно, она тянулась довольно долго, раз была закончена только в 1625 г. По всей вероятности, к сбору денежных средств на постройку были привлечены и «гости» — армяне, персы, индейцы, но сбор шел туго. Во всяком случае, каменные гостиные дворы строились взамен существовавших перед тем деревянных дворов, которые в 1623 г. видел в Астрахани Котов, и он отметил бы особо, если бы они были не деревянные, а каменные.

Ф. Ф. Шперк, автор брошюры «Индусы в Астрахани»,[5] догадывается, что первоначально наезжавшие сюда индейцы «все были баниане» и принадлежали «к 3-й касте, или вайшия, т. е. к купцам». Только в начале XIX в. «а может быть и в конце XVIII столетия», — предполагает Шперк, —

1 М. П-й. Хождение на Восток Ф. А. Котова в первой четверти XVII в. ИОРЯС, т. XII кн. I., СПб., 1907, стр. 73—75.

2 Ключаревская летопись, стр. 19.

3 Список напечатан в «Памятной книжке Астраханской губ. за 1898 год.» Астрахань 1898, стр. 79—87.

4 Акты исторические, т. III, № 134, стр. 210—217.

5 Названная брошюра сначала печаталась в газете «Астраханский Листок», в №№ 42, 43, 46, 49 и 52 за 1898 г., а потом в том же году была издана отдельно. Знакомству с нею я обязан П. И. Усачеву.

появились в Астрахани представители касты ремесленников — шудр, к которой относились и монашествующие нищие. Между той и другой кастой существовала «непримиримая вражда».[1] Но едва ли приезд в Астрахань индейцев-ремесленников следует относить к столь, сравнительно, позднему времени, как это казалось Шперку. Надобность в них явилась гораздо раньше. Мы располагаем такими историческими показаниями.

В «Записной книге» Тайного приказа за 1665 г. под 28 января имеется заметка о посылке в Астрахань из Москвы астраханца Лариона Лгова с грамотой к воеводе князю Одоевскому, которою было «велено ему по прежнему и по сему государеву указу... индейцев, мастеровых людей, которые умеют делать киндяки и бязи, по прежнему сыскивать и призывать».[2] По смыслу грамоты, содержание которой передается в «Записной книге», как будто выходит так, что Одоевский мог найти нужных мастеров даже в Астрахани среди приезжих сюда индейцев, и на его обязанность возлагалось склонить их к переезду в Москву. Производство шелковых и хлопчато-бумажных тканей в самой Астрахани в XVII в. из привозимых сюда с Востока шелка-сырца и из хлопчатой и пряденой бумаги допускает П. Г. Любомиров.[3] Само собою разумеется, что специалистами в этом деле были заезжие в Астрахань мастера-ремесленники, от которых могли учиться ткацкому ремеслу уже и русские. Повидимому, наиболее ценились мастера-индейцы; не даром их старались заманить в Москву.

Другой источник указывает на попытку Московского правительства пригласить мастеров-ткачей прямо из Индии. Поручение вступить в необходимые переговоры по этому делу было возложено на «астраханца-торгового человека Щербака Агжу». К какой национальности принадлежал он, этого, к сожалению, невидно, но, должно быть, он, прочно обосновавшийся в Астрахани «торговый человек» и ставший уже «астраханцем», являлся выходцем из какой-нибудь страны, соприкосновенной с Индией, и продолжал поддерживать с ней связи. В той же «Записной книге» под 2 ноября 1665 г. читаем: «Отдан государев указ в Казанский дворец, а велено из того приказу послать его, государеву, грамоту в Астрахань боярину и воеводе ко князю Якову Никитичу Одоевскому, чтоб он, призвав к себе Астраханца

[1] Стр. 41.

[2] Русская историческая библиотека, т. 21. Дела Тайного приказа, кн. I, СПб., 1907, стлб. 1149.

[3] П. Г. Любомиров. Ткацкая промышленность Астрахани в XVIII и первой половине XIX в. Астрахань, 1926. Отд. отт. из журн. «Наш край» за 1926 г., № 2, стр. 1—4.

торгового человека Щербака Агжу, поговорил ему, чтоб он великому государю послужил и порадел: призвал бы в Московское государство индейцов мастеров, которые бы умели на Москве киндяки делать и красить, так ж бы из хлопчатой бумаги делать бязи. А как он таких мастеров призовет, и ему за тое ево службу дать в Астрахани государева жалованья из его государевой казны — соболей на 50 или на 100 рублев; а будет соболей нет, и ему дать против того ж деньгами. А мастеров, которых он, Агжа, призовет, прислать к Москве».[1]

Среди «столбцов» XVII в. в Астраханском б. губернском архиве нам встретился документ, относящийся до крещения «во 159 году», или, по нашему летосчислению, в 1651 г., «из индейской веры» одного лица, названного Иваном. Он получил от казны в подарок: «кафтан камчатной ценою в пять рублев, да сукна Английского вишневого четыре аршина, да ему же дано денег пять рублев. А крестил ево, индейца, боярин и воевода князь Михаил Петрович Пронской», который и взял его с собою в Москву.[2] Подарки из казны индейцу и особое внимание к нему Пронского показывают, что это был какой-то нужный человек, а то обстоятельство, что воевода поехал с ним в Москву, едва ли не указывает на принадлежность крещеного индейца к числу искусных мастеров текстильного дела, в которых нуждалась Москва, почему положение индейца могло считаться там заранее уже обеспеченным.

Ф. Ф. Шперк констатирует непримиримую вражду в Астрахани между индейскими купцами и ремесленниками. Такая вражда естественно должна была возникнуть с развитием ткацкой промышленности, за которую взялись в Астрахани армяне. Указом от 17 сентября 1740 г. было удовлетворено ходатайство компании армян открыть в Астрахани, в добавок к существовавшему уже у них шелковому заводу, «фабрику персидских всяких парчей, шелковую, полушелковую, бумажную и пр.» Правда, в 1746 г. армяне нашли более выгодным для себя перевести предприятие в Москву, присоединить его к тамошней шелковой фабрике и тем расширить текстильное производство. Но в Астрахани являются новые предприниматели, и с 1750 г. открываются новые «фабрики» мануфактуры, а в 1763 г. их насчитывается уже 8, причем они вырабатывают ткани в восточном вкусе, недорогие по цене, с расчетом на широкий сбыт их в самой Астрахани и, может быть, еще больше среди аульных татар, киргизов и калмыков, интересовавшихся

[1] «Русская историческая библиотека», цит. выше, стлб. 1124—1125.

[2] Условно столбец отмечен «e¹».

полушелковыми и бумажными недорогими тканями.[1] Развитие текстильной промышленности в самой Астрахани подрывало торговлю привозными тканями, а так как на индейцев-ремесленников «фабрики» всегда имели спрос и труд их хорошо оплачивался, почему они охотно принимали предложения фабрикантов работать на выгодных условиях и старались содействовать успеху предприятий, индейским же купцам это было совсем не интересно, то отсюда и возникает «непримиримая вражда» между индейцами-ремесленниками и купцами.

По данным П. Г. Любомирова, ткацкая промышленность Астрахани в 80-х годах XVIII столетия дошла уже до «границы роста»,[2] с начала XIX столетия она стала падать все быстрее и быстрее.[3] Свою роль сыграли здесь и индейские купцы. Они продавали фабрикантам шелк и хлопчатую бумагу по возвышенным ценам, а сами покупали изделия тех же фабрикантов по пониженным ценам. Для розничной продажи этих изделий они пользовались услугами мелких торгашей из татар и русских, которые разъезжали по городам, селам и по степи, распродавая товары и делясь с своими доверителями третью прибыли или выплачивая им заранее обусловленную сумму. Фабриканты разорялись, ликвидировали свои предприятия; ремесленники лишались заработка. Ремесленников-индейцев должен был особенно возмущать процесс быстрого обогащения купцов, и «непримиримая вражда» к ним должна была приобретать крайнюю остроту.

Скопив капитал, индейцы-купцы переставали заниматься торговлей и превращались в ростовщиков. За ссуду деньгами они взимали от 2 до 4 процентов в месяц.[4] Кроме того, они промышляли сбытом в Персию золотой валюты, в особенности — петровских серебряных рублевиков. Эта нелегальная операция доставляла им от 20 до 30 процентов прибыли.[5] Потом с крупными капиталами в руках они уезжали из Астрахани.

Но еще раз обратимся к документам XVII в.

[1] П. Г. Любомиров, цит. ст., стр. 4—5.

[2] Цит. изд., стр. 16.

[3] Там же, стр. 18.

[4] В своем месте мы постараемся изложить суть двух весьма характерных дел Калм. обл. архива: от 1792 г. № 651 о взыскании индейским купцом Асанатом долгов с калмыков по заемным их письмам с 1782 г. на 46 лл., и от 1793 г. № 674 о подобном же взыскании долгов с калмыков с 1781 г. индейским купцом Матомаловым и бухарским купцом Хаибовым, на 259 лл.

[5] Ф. Ф. Шперк, цит. изд., стр. 25—26.

От 12 апреля 1673 г. имеется «память» астраханскому воеводе князю Я. Н. Одоевскому — озаботиться постройкой в Астрахани нового гостиного двора «для приезду и торгу иноземцем, для Астраханских жителей и товарные кладки и торговли». В том же «Белом городе», где торговали русские купцы, велено было поставить «лавки и погребы и построить рядами» для того, чтобы «как учнут приезжать с товары иноземцы: Гилянцы, и Бухарцы, и Индейцы, — и их ставить на том дворе и товары всякие велеть класть в лавки.» Те же удобства предоставлялись и наличным «Астраханским жильцом: Тезиком, и Бухарцом, и Индейцом», — они тоже получали право «товары свои класть в те ж лавки»; держать товары и торговать ими «окромя того двора» было категорически запрещено.[1] Но, кажется, правительство особенно было озабочено привлечением в Астрахань купцов из армян: преимуществ Армянской торговой компании касаются три грамоты Одоевскому от 20 июня 1673 г.[2]

XVIII ВЕК

1. 15 января 1727 г. астраханский губернатор г.-м. И. А. фон-Менгден разбирал дело по иску индейцев Кивалрама Лячиримова, Карамчана Васуева, Жирамдаса Дамдарова, Хошала Мулаева и Перу Жадумова к жителям Бухарского двора Асану и Усеину Инакбаевым, которые взяли у них в 1724 и 1725 гг. в долг 622 руб. 75 коп. с обязательством уплатить их в установленный срок, но не выполнили этого обязательства, а это надо было сделать, по условию, еще в 1725 г., «как приедут из Москвы Артабазаринские татары». В свое оправдание бухарцы говорили, что они к назначенному сроку «в Астрахань в Артабазарной станице не прибыли для того, что де покупные свои лошади продали они в Москве в великой наклад и из Москвы де поехав, были для собрания долгу в Калмыцких улусех, и торговали с Нагайцы, и купили у них 57 серег одинаких жемчужных, кольцы золотые Калмыцкой руки, которые у них грабежом взяли Донские казаки, из которых у тех казаков отыскано 52 серьги, а 5 серег еще не отыскано, о которых ныне оными грабителями по сему делу следуется.» Менгден определил: «ответчиков Бухарян Асана да Усеина, Инакбаевых детей, обвинить, а челобитчиков — индейцев Кивалрама Лачирамова с товарыщи оправить. И приказал о присылке ценовщиков, иностранных разных

[1] Дополнения к Актам историческим, VI, № 72, стр. 272—274.
[2] Там же, № 80, стр. 286—289.

купецких людей для оценки вышеписанных жемчужных серег, которые б могли ведать тем серьгам надлежащую цену, послать в Астраханской магистрат промеморию. И как те жемчужные серьги оценены будут, тогда их, по оценке, отдать в платеж за вышеописанные долговые деньги челобитчиком Индейцом Кивалраму Лячирамову с товарыщи по расположению с росписками. А ежели за оценкою тех серег в истцов иск и по расположению в прибыльные деньги и в платеж пошлин чего не достанет, и тот их иск и пошлины править на ответчиках Асане да Усеине, Инакбаевых детях. А ежели они, ответчики, достального иску и пошлин платить не будут, и за тот неоплатный иск и за пошлины их, ответчиков, сослать для зарабатывания в галерную работу по указу».[1]

2. Того же 15 января 1727 г. рассмотрению Менгдена подлежало довольно сложное дело по иску индейца Чандырбана Капичандова, предъявленному им к тифлисскому армянину Асатуру Агасыеву на сумму в 600 рублей. Собственно, эти деньги были взяты взаймы у Чандырбана Капичандова не самим Асатуром Агасыевым, а его шурином Мелькуном Багыевым, но заимодавец стал судиться с Агасыевым, как с наследником Багыева. Обстоятельства дела рисуются в таких чертах: «1. В прошлом де 732 году», читаем в протокольном изложении тяжбы,—«будучи в городе Тевризе, Тифлисской житель, армянин Мелкун Багыев занял у Индейца у Марвари Ражарамова персидских денег 600 рублев и в займе де помянутых денег дал он, Мелкун, по тамошнему обыкновению, своеручное письмо, а в том же письме написал он, Мелкун, что заплатит те деньги в Астрахани ему, челобитчику Чандырбану, Российскими деньгами с наддачею, как дается в купечестве, и, не заплатя де тех денег, он, Мелкун, умре.

«2. И в прошлом де 723 году из Тифлиса прислан из ево, Мелкунова, дому вышеписанной армянин Асатур для разобрания после упомянутого умершего всяких пожитков и товаров и для счету других умершего прикащиков и, по прибытии в Астрахань, он Асатур, ево де, Мелкуновы, оставшие товары и всякие пожитки взял к себе.

«3. И как де он, Асатур, ево, Мелкуновы, товары взял себе, и он же, челобитчик Чандырбан, к нему, Асатуру, приходил неоднократно, и вышепоказанных долговых денег за умершего Мелкуна у него, Асатура, требовал, которые деньги он, Асатур, за него, Мелкуна, обещал ему, челобит-

[1] АГА, «Протокол записанным приговорам о всяких ее и. в. делех», с 1 января по 1 мая 1727 г., лл. 14—15.

чику, заплатить и, не заплатя тех денег, уехал в Гилянь. И из Гиляни де, по челобитью вышеупомянутого заимодавца родственника ево, индейца Чандраина, он, Асатур, прислан в Астрахань. И из Астрахани же в прошлом же 723 году в июне месяце паки он, Асатур, не разделався с ним, челобитчиком, утаясь, уехал за моря и, по словесному ево, челобитчикову, челобитью, из Ярской пристани возвращен вторично в Астрахань», где и должен был отвечать пред судом.

Асатур объяснил, что из товаров и пожитков Мелькуна, проданных за 500 рублей, он «уплатил в таможню пошлин и долгу разных чинов людем 498 рублев со излишеством», остальные же товары и пожитки Мелькуна, равно как и конторские его книги отобрал, «приехав из Грузии в Астрахань царя Вахтанга Леоновича сын его, Бакар, у него, Асатура, силою», причем выдал ему грузинское письмо за печатью, которое в переводе гласило: «Пожаловал сие письмо Бакар-хан крестьянину своему Тифлисского уезду, Асатуру Агасыеву. Крестьянин мой, Мелкун Балеев умре бездетен. И пожитки ево спрашивал, и долгов на нем было много. И долгодавцы пожитки попалам разделили было, а что пожитков ево осталось, все я взял, понеже наследников не было. А до Асатура никому дела нет. А где на Мелкуне долги будут, то б при мне брать, а чьих с ним счету есть или на нем будут, то б при нем просили».

Выслушав объяснение Асатура и возражения Чандырбана, Менгден постановил: ответчика Асатура, по его «неправым отговоркам, обвинить, а челобитчика Чандырбана, оправить». Что касается товаров и пожитков Мелькуна, взятых царевичем Бакаром, то относительно этого предоставлялось «ведеться ему, Асатуру, с ним, Бакаром, самому».[1]

Асатур не мог заплатить долга. Поэтому 31 августа 1727 г. он был приговорен к ссылке «на Яик в Гурьев городок к рыбным промыслам», сроком на 47 лет и 9 месяцев; сверх того, он должен был отработать еще полгода в покрытие судебных пошлин по делу. Однако, 13 сентября Чандырбан отказался от взыскания долга, почему решение было отменено в части, касавшейся 600 рублей, и 20 сентября было постановлено взыскать с Асатура только судебные пошлины в пользу казны, под угрозой ссылки на те же Гурьевские рыболовные промысла «на полгода и на один месяц» в случае неуплаты.[2]

[1] Там же, лл. 15 об., 18.

[2] АГА. Книга приговоров за сентябрьскую треть 1727 г., лл. 36 об., 37.

3. 28 февраля 1727 г. Менгден решает дело в пользу индейца Карамчана Васуева, заявившего претензию на дворовые строения жителя Гилянского двора Стоимам-Кули Ауэзева: «В 726 году марта 28 дня вышеписанной ответчик Стоимам-Кули с сыном своим Ниязом заняли у него, челобитчика, денег вообще 62 рубли до сроку, оного же 726 году июля до 9 числа. И в тех де заемных деньгах они, заемщики, заложили ему двор свой на Гилянском дворе, и в том де дали ему, челобитчику, в Астрахани от крепостных дел заемное письмо в такой силе: ежели они, заемщики, на вышеписанной срок тех денег не заплатят, и тем закладным двором владеть ему, челобитчику, о чем и в закладной о том написано именно». Должники смогли уплатить в срок только 26 рублей, которые вручили Васуеву «при свидетелях: при Индейском компанейщике Гулабре да Гилянского двора при жителе Абдулвайте».[1]

Приведенные документы, как и некоторые из нижеследующих, показывают, что индейцы стали заниматься ростовщичеством в Астрахани гораздо раньше, чем конец XVIII и начало XIX вв.

4. В 1727 г. велось большое дело о пожитках умершего индейца Ругната. Это был один из крупных коммерсантов. Он умер в Астрахани, повидимому, в 1719 г., потому что в этом году, за отсутствием наследников у Ругната, его имущество было опечатано бригадиром К. И. Эваницким, состоявшим в должности астраханского обер-коменданта только в течение указанного 1719 г.[2] В 1722 г. Петр I, в бытность свою в Астрахани, «в квартире генерала-адмирала и кавалера графа Федора Матвеевича Апраксина, при присутствии ево, генерала-адмирала, також и Астраханского прежде бывшего губернатора Волынского,[3] указал пожитки индейца Ругната, который умре, за спором впоследствии от бригадира Эваницкого и капитана от гвардии Богдана Скорнякова-Писарева, распечатав, отдать индейцам Амбураму Мулину с товарыщи и об оных, кому они надлежат, учинить им самим определение по их обыкновению, о чем ему, Амбураму с товарыщи, дан же с прочетом указ». Передача пожитков Ругната Амбураму Мулину состоялась при генерал-авдиторе И. В. Кикине.[4]

[1] АГА. Протокол записанным приговорам, цит. в прим. 23, лл. 62 об., 63.

[2] Н. Пальмов. Этюды по истории Приволжских калмыков, ч. III—IV. Астрахань 1929, стр 44.

[3] А. П. Волынский был в Астрахани губернатором с 1719 по 1725 г.

[4] И. В. Кикин являлся ближайшим помощником Волынского; он приехал в Астрахань 17 ноября 1719 г. и умер 13 сентября 1723 г. «Этюды», цит. выше, примеч. 8 на стр. 44.

Пока Амбурам Мулин был жив, он сам оберегал имущество Ругната, дожидаясь приезда в Астрахань брата Ругната, законного наследника, Бамбы, причем отстранил прикащика Венидаса Ситалиева, хотя Ругнат и поручил ему ведать имуществом впредь до приезда Бамбы. При смерти, Амбурам передал свои права племяннику Небачу. Но новокрещеный индеец Федор Федоров, еще и раньше домогавшийся получить в свои руки заведывание имуществом Ругната и поддерживаемый Венидасом[1] Ситалиевым, теперь, по смерти Амбурама, подал челобитную в сенат. Челобитная была принята во внимание, и из сената 22 ноября 1726 г. был послан в Астрахань указ о понуждении индейских компанейщиков к немедленному решению относительно имущества Ругната, «по их обыкновению и закону, чтоб впредь от новокрещенного индейца Федора Федорова о том челобитья не было». Указ был объявлен компанейщикам. Они, «разделясь на три компании, учинили определение не единогласное, а именно: первой Тарачан Байсирамов с товарыщи 39 человек написали: вышеписанному де новокрещенному Федору Федорову пожитки Ругнатовы не определяют для того, что он, Федор, ему, Ругнату, не в родстве. Также и прикащику Ругнатову, индейцу Ванедасу, (которому хотя Ругнат при смерти пожитки на сохранение до брата своего родного Бамбу, который в Индии, приказал отдать), за непорядочное житие и за безумие не определяют же, а определяют быть в сохранении, до приезда помянутого Бамбы, Амбурамову племяннику Небачу. Второй компании Джударам Барва с товарыщи 49 человек написали: определяют они по сочиненному прежде бывшим компанейщиком Амбурамом Мулиным с товарыщи в прошлом 722 году против вышеописанного именного указу определению. А он, Федор, брат ли ему, Ругнату, был или племянник, — не знают. А во оном, прежде сочиненном определении о реченных Ругнатовых пожитках какое определение учинено, — того не написано, токмо написано: впредь, ежели какому Индейцу смерть случится, — о тех по тому определению чинить. Третьей компании Байсирям Хирбатов с товарыщи 10 человек написали: ныне де надлежит те пожитки помянутому Федору Федорову и прикащику Венидасу отдать. Из одной же компании два человека Индейца: Абичант до Тара показали, что подлинно Федор Федоров был Ругнату двоюродный брат и родился он, Федор, от Индейца Ламы, который был Ругнатову отцу Кокую родной брат».

[1] Пишется и Венидас, и Винидас, и Веддас. Вообще, передача собственных одних и тех же имен неустойчива в наших документах.

Заслушав весь этот материал по делу об имуществе индейца Ругната, Менгден 21 апреля 1727 г. приказал: «ныне всех Индейцов паки понудить, чтоб они подали за своими руками, по своему закону и обыкновению, подлинное определение, кому ныне те Ругнатовы пожитки отдать определяют — новокрещену Федору Федорову, или индейцу Винидасу, или Амбурамову племяннику Небачу в сохранение до прибытия прямого наследника». При этом губернатор распорядился: «А индейцом Нату и Суханду Дерлецевым и Джевану Неалуеву, на которых показал новокрещенной Федор Федоров подозрение такое, что Нат и Суханд с бывшим компанейщиком Амбурамом Мулиным имели между собою великую дружбу и согласие, и вместо ево, Амбурама, в случающих делах ответствовали, понеже Амбурам Российского языку не много знал, а оные, Нат и Суханд не токмо языку, но и письмо Российское знают, а Дживан Неалуев свидетельствовал о приказе Ругнатовом о пожитках одному прикащику Винидасу лживо, для того с ними, Индейцами, во оном совете не быть».[1]

21 ноября[2] того же 1727 г. Менгден обсуждал определения, представленные ему от каждой из трех компаний Индейских купцов в Астрахани. Участники первой компании «Таранчад Басирамов с товарыщи 35 человек написали: по закону де их и обыкновению, отдается всякое имение после умерших в род ближнему и по приказам хозяйским. А Индеец Ругнат при смерти своей приказал свои пожитки отдать брату своему родному, индейцу Бамбу Кокуеву, которой живет и поныне в Индии, а до приезда Бамбы в сохранении тем своим пожиткам приказал быть у прикащика своего Индейца Ведидаса Ситалиева, которой свой приказ объявил он, Ругнат, индейцу Дживану Ниалуеву. А в прошлом де 722 году получил оной компанейщик Амбурам, по делу реченного умершего Индейца Ругната в пожитках, именной е. и. в. указ, чтобы определение о пожитках, оставших после умерших индейцев, чинить им по своему обыкновению и закону. И по оному указу, он, Амбурам, по закону всею их компаниею сочинили впредь о умерших письмо и подписали своеручно. А они де ныне о пожитках после Ругната в сохранение, по приказу ево, Ругнатову, прикащику ево Венидасу отдать не определяют и зело опасны, чего б от правдивого Ругнатова наследника, от брата ево родново Бамбы и от наследников ево, на них и на наследниках их не взыскалось для того,

[1] АГА. Протокол записанным приговорам, цит. в прим. 23, мл. 129 об., 130 об.

[2] Число и месяц нуждаются в проверке.

что он, Венидас, от непорядочного своего житья пришел в безумство, и был в великом безумии многое время. Да он же, Венидас, сообщаясь с вышеописанным бывшим Индейцом Федором Федоровым, сочинили самовольно, по смерти хозяина своего, торговые книги Ругнатовым имеющимися в купечестве и оного Венидаса пожиткам на своих обоих имена и написали оба себя прикащиками ложно, якобы помянутого брата ево, Ругнатова, Индейца Бамбы Кокуева, которой и в Астрахани еще не бывал. Да он же, Венидас, с Федором из тех пожитков растеряли многое число. Також оба с ним, Наратоном,[1] о тех пожитках подавали челобитные. Из за оное ево, Венидасово, безумие и продерзость бывшей их компанейщик Амбурам те Регнатовы пожитки ему, Венидасу, отдать не определил, а иметь оные пожитки в сохранении до приезду вышереченного Регнатова Бамбы (или кому он письмом своим прикажет отдать) у себя. А по смерти своей, он, Амбурам, отдал под охранение племяннику своему Небачу, которые у него, також и помянутой прикащик Венидас, и поныне имеются. А вышепоименованному челобитчику Федору отдать Ругнатовы пожитки не подлежит, и ему, Федору, до того дела нет для того, что он, Федор, ему Ругнату, не в родстве, и при смерти своей оной Ругнат ему отказал, на что он и сам говорил, что до ево, Ругнатовых, пожитков, дела нет. Да он же, Федор, в сказках и челобитных, которые в подлинном деле, писался Ругнату братом глухо, а потом — двоюродным же братом, а в сказке под лишением живота объявил себе, яко бы Ругнату он — племянник, и будто он родился от роднова Ругнатова брата Лаганда, которого брата у него, Ругната, и не бывало, а в книгах написал себя, яко бы он — прикащик от брата ево, Ругнатова, Бамбы. И оное все объявил ложь. Федор, быв в Индейском законе, назывался с умершим Ругнатом одним прозванием просто, а не братом и не племянником. И жил с Ругнатом при животе ево, Ругнатове, не в одной лавке. Тако ж и в Индии жил с ним, Ругнатом, не в одном городе и провинции, но в разных. И книг таких об общем их житье не имеется ж. Да он же, Федор, в прошлых годах объявил своеручным письмом на облыгание свое во всем винна, и, будто, во всем ево учил Индеец Мату, которое письмо, по смерти Амбурамовой, осталось у племянника ево, Небачу, и ныне имеется. А ныне де они, по своему рассуждению, определяют те пожитки в сохранении быть, по прежнему, у оного

[1] Так именовался Федор Федоров раньше, состоя в «Индейском законе»; может быть он носил тогда еще и другое имя Мамидас; см. ниже.

Небачи до приезду в Астрахань показанного брата Бамбы, или до присылки о оных пожитках от него письменной отповеди.

«А в переводе с писем, которые взяты против вышеописанного определения, написано, а именно: в сочиненном им, Амбурамом Мулиным, со всеми Индейцами в прошлом 722 году о умерших их пожитков определении написано: «Какому индейцу смерть случится, а наследник будет в лицах, то хозяин — сам, как хочет. А когда наследника в лицах не будет, то как хозяин сам в своей руке напишет, то так и учинить. А ежели сам своею рукой не пишет, а прикажет словесно, то Индейцам и учинить так». Да в переводном же письме, которое он, Федор, дал Амбураму Мулину, написано: «Я де-житель Фатепурской, а Ругнат — житель Мелсового города. В Астрахани он, Ругнат, при смерти своей приказал пожитки свои брату своему Бамбу, который — в Индии; а до приезду ево, в сохранении прикащику Венидасу, (а) в которых де местах и руки приложил, то все по научению Индейца Мату».

«И на оное письмо он, Федор, челобитною своею показал: оное де письмо дал он главному компанейскому Амбураму, будучи под караулом в Губернской канцелярии под неволею, что сидел он под караулом тогда в колодке и работал с прочими колодники всякие работы, и землю носил, яко бы подозрительной человек, и морили в тюрьме голодной смертью для того, чтоб оное письмо показанному Амбураму дал. А оное письмо писал он по повелению и по словам Амбурама с товарыщи.

«Да второй компании Джударам Барва с товарыщи 49 человек определение написали: по своему де закону, и правам, и обыкновению, показанные Ругнатовы пожитки определили отдать в сохранение вышеявленному прикащику Ругнатову, Венидасу Саталиеву, а у Индейца Небачи, чтоб оные пожитки, взять, понеже ему, Небаче, до тех пожитков дела нет, потому что он умершему Ругнату не в родстве, и Ругнат ему, Небаче, и бывшему дяде ево, Амбураму, в сохранение их не приказывал. А вышереченный челобитчик Федор, после смерти показанного Ругната, с вышеявленным прикащиком Венидасом жил в ево, Ругнатовой, лавке вместе, и купечество они отправляли вообче ж. Того ради, по закону их, с ним, Федором, надлежит в Ругнатовых пожитках вышеявленному Венидасу ведаться по своей воле самому. А он де, Федор, брат ли ему, Ругнату, был или племянник, не знают; токмо они с Ругнатом как родства, так и прозвания единого.

«Третьей компании Байсирам Хирбатов с товарыщи 10 человек написали: определяют де они оставшие пожитки умершего Индейца Ругната, по своему Индейскому закону и правам, в сохранение отдать челобитчику Федору Федорову да прикащику Венидасу для того: как Ругнат умер, остались они и после Ругната сидели в лавке ево, Ругнатовой, и торговали вместе. А он де, Федор, брат ли ему, Ругнату, был или племянник, не знают; токмо он родства, как и прозвания единого.

«Да из оных же 10 человек Индейцев два человека показали, что подлинно он, Федор, был Ругнату двоюродной брат, и родился он, Федор, от Индейца Лалы, которой был Ругнатову отцу, Кокую, родной брат. А Амбурамов племянник Небачу Чажцев к делу объявил сочиненные по смерти реченного Индейца Ругната прикащиком Венидасом общие с показанным новокрещенным Федором Федоровым торговые три книги, которые писаны рукою ево, Венидасовою. А по переводу в них написано: оные де книги приходные и расходные учинили в Астрахани Индейцы Бамбу-Мала-Садана прикащики Венидас да Наротон (который по крещении Федор).

«Да он же, прикащик Венидас, в допросе сказал: реченной де новокрещенной Индеец Федор с бывшим хозяином ево — родства одного, а брат ли, или инак как ему, Ругнату, он, Федор, в родстве, о том он подлинно не знает, и от хозяина своего о том не слыхал; токмо помянутой хозяин ево до смерти своей ему, Федору, давал из своего кошта для пропитания харч, а товару своего ничего ему не давал. А сидел он, Федор, не с ним, Ругнатом, в одной лавке, — в другой; а чего ради давал ему корм, о том он от хозяина своего, Ругната, не слыхал. А по смерти оного хозяина своего, принял он ево, Федора, к себе и сочинил вышепоказанные торговые книги обще на имя ево, Федора Федорова, и на свое — прикащиками хозяина своего, Ругната, брата Бамбы, — он сам собою, а не по приказу хозяина своего Ругната того ради, чтоб был ему он в продаже товару товарищем, и ответ ему, Бамбе, отдать бы ему с ним, Федором, обще. И с ним, Федором, в одной лавке он сидел и товар хозяина своего продавал по своей воле, а не по чьему приказу. А ныне ево, Федора, он к сохранению бывшего хозяина своего Ругната пожиткам до приезду брата ево, Ругнатова, Бамбы в товарищи не принимает, а подозрения за ним, Федором, никакого он не знает».

Менгден положил в основу своего решения по делу Ругната такого рода соображения: «Реченые компанейщики объявили по закону своему

и обыкновению, чего ради, для вещего на то изъяснения учиненное по своему законное определение приобщили, что оставшие пожитки после хозяев своих отдаются, до подлинного наследника, прикащиком их; а первая компания, Тарочанд с товарыщи 45 человек показали, якобы Амбурам, приняв пожитки за вышепоказанным подозрением (к) прикащику Венидасу, определение не учинил, — и тако они ему, Венидасу, того ради не определяют же. А такого об нем, Венидасе, определения явного письменного у них не имеется. И взял он, Амбурам, такие пожитки к себе, також и по смерти своей приказал племяннику своему Небачу своевольно, чего было ему, Амбураму, по состоявшемуся именному указу, без определения и их определения, по их правам, у себя держать и племяннику приказывать не надлежало, а надлежало отдать прикащику ево Венидасу, понеже в правах их Индейских явствует именно, что ежели ближнего наследника не будет, отдавать такие после умерших пожитки тому, кому тот хозяин при смерти своей прикажет. А он, Амбурам, учинил противно своим правам, и удержал их у себя, и после смерти вручил племяннику своему, чего ему, по своим Индейским правам, и делать не надлежало. А по именному е. и. в. указу, надлежало б учинять определение, по обыкновению и правам своим, в немедленном времени и отдать их тому, кому самой наследник и умершей, чьи были пожитки, вверил, как гласит в их Индейских правах о том ясно. А другая и третья компания, в которой против первой компании более голосов, определяют отдать ему, Венидасу, и подозрения никакого на него не показали, и чтоб в тех пожитках ведаться ему, Венидасу, с Федором по своей воле». Отсюда — первое решение губернатора: «по закону их Индейскому, и правами, и обыкновениям, оные пожитки надлежит отдать прикащику Венидасу».

Относительно Федора Федорова все индейцы показали «что он, Федор с Ругнатом — одного родства и прозвания, а из них два человека показали, что он подлинно был тому Ругнату двоюродной брат», о чем свидетельствовал и Венидас, когда говорил, что «Ругнат при жизни своей ему, Федору, давал пищу». Из этого видно, что «он, Федор, был ему Ругнату, сродник, а реченной Амбурам ево от наследства отрешил». Точно так же Амбурам «и тому, которому те пожитки были от Ругната и приказаны, а именно реченному Венидасу, не определил, хотясь теми пожитками сам себе завладеть». Из этого вытекает второе решение Менгдена: «у реченного Амбурамова племянника Небачу Чаржцева оные пожитки взять и отдать помянутому Ругнатову прикащику Венидасу, обще с Федором Федоровым

в сохранение до приезду помянутого наследника Бамбы и до указу высокого сената, и велеть им, Федору и Венидасу, тем пожиткам между собою учинить книги, и торговать им по прежнему, и записывать в те книги, как обыкновение купеческое, приход и расход, и прибыль, токмо вящее смотреть им между собою, чтоб из тех пожитков кто какой траты напрасно не учинил». Экстракт из дела, вместе с копиями именного указа 1722 г. и «прав Индейских», направлялся в сенат.[1]

Сделаем некоторые замечания по поводу дела Ругната. Оно заслуживает внимания во многих отношениях. В нем, между прочим, можно найти указание на наличие довольно значительных торговых операций, которые велись в Астрахани в первой четверти XVIII в. индейскими коммерсантами, успевшими к тому времени сорганизоваться в три торговые компании — настолько мощные, что если не все, то, по крайней мере, наиболее крупные компанейщики, свободно располагая денежными средствами, могли отдавать избыток их в рост. Численный состав компаний также становится известным. Требует выяснения вопрос, чем было обусловлено распределение индейских коммерсантов по трем компаниям: принадлежностью ли их к определенной территории в Индии — землячеством, различием ли видов товара, продававшего оптом, или какими-нибудь другими причинами. Каждый владелец предприятия имеет прикащика в лавке и ведет торговые книги для записи и расхода товаров, покупных и продажных цен, а также и полученной прибыли. В своих торговых операциях он самостоятелен, но группа подобных ему коммерсантов нуждается в объединении на почве общих интересов торговли. Компании, в свою очередь, поддерживают связь друг с другом. Они имеют главного старшину, собираются на совещания и в делах, которые могли касаться всех, вырабатывают обязательные постановления. Поступок Амбурама был своевольным, и компанейщики, вероятно, склонны были смотреть на него сначала как на частное дело, не требовавшее обязательного их вмешательства, но им пришлось выполнить в своем решении норму принципиального характера относительно наследства умерших индейцев, когда Федор Федоров пожаловался на обиду в сенат. Менгден находил, что Амбурам принял на себя опеку над имуществом Ругната в целях извлечь из этого личные выгоды. Роль всех действующих лиц в начальном периоде данного имущественного процесса, для разрешения

[1] АГА. Книга приговоров Астраханского губернатора И. А. ф.-Менгдена за сентябрь — декабрь 1727 г., лл. 192—197.

которого понадобилась справка в индейских законах, положенных в основу общего определения о наследстве умерших индейцев, — эта роль стала бы, вероятно, яснее, если бы исследователь познакомился с челобитной Федора Федорова, поданной им в сенат. Относительно самого этого крещеного индейца два компанейщика говорили, что он — сын Лалы, приходившегося родным братом Кокую, отцу Ругната. Другие компанейщики обращали внимание на слова самого Федора Федорова, будто отцом его был Лаганда, брат Ругната, и утверждали, что такого брата у Ругната не было. «В индейском законе» Федор Федоров именовался Наротоном. Из описания дел б. Астраханской консистории извлекаем сведение о челобитной астраханского жителя индейца Мамидаса Лалаева, в августе 1721 г., просившего его окрестить его, — просьба была удовлетворена.[1] Если индеец Лалаев имел два имени Наротон-Малидас, то сведение от 1721 г. должно будет касаться Федора Федорова. В 1719 г. астраханская администрация, вступившая в спор об имуществе Ругната и, в конце концов, оказавшаяся в недоумении относительно дальнейших своих действий, не нашла иного выхода из затруднительного положения, как опечатать это имущество. Под печатями оно находилось до приезда Петра I в Астрахань в 1722 г. Петр провел в Астрахани несколько дней: в первый раз, по пути в Дербент, он прожил в Астрахани с 15 июня по 18 июля и во второй раз на обратном пути из Дербента, с 4 октября по 5 ноября.[2] Астраханский историк Н. Ф. Леонтьев в свое время отметил, что и в первый свой приезд в Астрахань Петр «разговаривал с индейскими, персидскими и русскими купцами об их торговле», причем с большою подробностью расспрашивал индейцев о пути в их отечество; во второй приезд, собирая сведения о богатой Персидской провинции Гиляни, Петр нередко обращался с вопросами о ней к знающим купцам, «между которыми был живший тогда в Астрахани индейский купец, по имени баниан Абдурам»,[3] конечно — тот самый

[1] Описание дел, хранящихся в архиве Астраханской духовной консистории, не оконченное изданием, № 765, стр. 620.

[2] Эти даты основаны, как видно из статьи В. В. Бартольда «К вопросу о происхождении Дербентнамэ» в Иран, I, 1927, стр. 43—44, на «походном журнале 1722 г.» СПб., 1855. На показание «Дневника пребывания е. и. в. г-ря Петра I», в перепечатке из «Астраханских губ. ведомостей» за 1847 г., № 4, в «Астраханском сборнике, издаваемом Петровским общ. исследователей Астраханского края, вып. I, Астрахань, 1896, стр. 247—249, будто Петр в первый раз приехал в Астрахань 19 июня, мы смотрим как на опечатку.

[3] Н. Ф. Леонтьев. «О значении Петра Великого для России вообще и, в частности, для Астраханского края. Астрахань, 1873», стр. 36 и 40—41

Амбурам, который фигурирует в наших документах. Не известно, в какое из этих двух посещений Астрахани Петр предоставил торговавшим там индейским компанейщикам право самим разбираться во внутренних своих делах. Но по документам видно, что такое право было дано им в связи с делом Ругната, предложенным вниманию царя. Именным его указом руководился в 1726 г. сенат, когда побуждал астраханского губернатора энергичнее воздействовать на индейских компанейщиков в требовании от них такого решения, которое не заставляло бы Федора Федорова подавать в сенат новую жалобу; сенат как бы устранялся от прямого вмешательства во внутренние дела индейских компанейщиков, а губернатору определял положение наблюдателя за выполнением необходимых в данном случае формальностей. Так и понял свою роль Менгден, — в спорном деле он никого не «осудил» и не «оправил», а только склонился лишь к такому его решению, какое казалось ему наиболее правильным; окончательное суждение он предоставлял высшей инстанции, — самому сенату. Отношение правительства к делу Ругната 1722 и 1726 гг. нельзя не рассматривать, как своего рода прецедент, на котором базировались последующие определения сената: от 13 апреля 1744 г. о том, чтобы в Астрахани «Армянов, Индейцев, Бухарских, Гилянских и Архангельских дворов татар суд и расправу чинить по их законам и по прежнему обыкновению, дабы тем иноверцам к Астраханскому житию придать охоту»,[1] и от 5 августа 1746 г. относительно того, чтобы для всех вышеназванных «иноверцев» в Астрахани «учредить один Растгауз и во оной в судьи выбирать самим людей достойных, по своему усмотрению».[2]

5. 9 сентября 1741 г. астраханский губернатор князь М. М. Голицын (1740—1741) нашел нарушение судебных формальностей в начатом в 1740 г. деле по иску индейца Жегатры Фатычандова, прикащика индейца Диалдаса Миламчандова, предъявленному к эриванскому армянину Григорию Иванову в уплате им 73 рублей, взятых в долг родственником Иванова, эриванским же армянином Никиртумом Яковлевым на двухмесячный срок, причем заемщик, кроме собственноручного заемного «на Армянском диалекте» письма, еще «отдал в заклад письма в 200 рублей на армянина Урана Абдулаева да в мешечке каменья за своею печатью, написанные алмазами и изумрудами».[3]

1 Полное собрание законов, т. XII, № 8919, п. 4, стр. 78.

2 Там же, № 9311, п. 2, стр. 582; ср. М. Рыбушкин, цит. изд., стр. 66.

3 АГА, Приговоры князя М. М. Голицына за 1741 г. л. 433 и дал.

6. Ф. Ф. Шперк говорит, что кроме вражды между индейцами коммерсантами и ремесленниками, в Астрахани давали знать о себе враждебные чувства, какие питали друг к другу индейцы-купцы и нищенствующие индейские монахи. К сожалению, Шперк не приводит фактов и не вступает в объяснение причин.

О наездах в Астрахань индейского духовенства у нас имеются такие данные: 29 октября 1741 г. Астраханская губернская канцелярия, рассмотрев «доношение Индейских попов Адмерана да Вагар Даирапопова» и состоявших при них нескольких «каратунов», которые требовали отпуска «из Астрахани до Гиляни на морском Астраханского купца Лаврентья Иванова судне», и выведя на справку, что они «прибыли из Дербенту в Астрахань в нынешнем 741 году с данным от Дербентского командира паспортом», а об одном из каратунов, Девицыне, «Астраханского Индейского гостинного двора торговой индеец Арамдас Жалцев „показал, что «Девицын в прошлых годах, а в котором, подлинно сказать не знает, токмо тому ныне будет лет с десять, приехал из Персии, из Дербенту, в Астрахань и жил все на означенном гостинном дворе, а ныне де с помянутыми попы и каратуны обратно едет он, Девицын, из Астрахани в Персию до Гиляни», а также удостоверившись в том, что «дела до означенных попов и каратунов никакого» не касается“, — постановила: «об отпуске от Астрахани до Гиляни дать им пашпорт по указу».[1]

7. Подобное же постановление Астраханская губернская канцелярия вынесла 10 ноября 1741 г. по доношению «Индейского архиерея Жангираджа да торгового индейца Амрама», требовавших отпуска «из Астрахани в Персию до Гиляни на морском Астраханского купца Богдана Николаева судне“. На справку было выведено: „вышеозначенные Индейской архиерей и Индеец прибыли в Астрахань в нынешнем 741 году в минувшем октябре месяце на морских — архиерей у Тихона Лошкарева, а Индеец у помянутого Николаева — судах, по данным от Гилянского командира пашпортом, а дела до них, просителей никакого не касалось.“[2]

8. Быть может, в связь с неприязненным отношением торгового класса к нищенствующим индейским монахам надо поставить следующие два документа, свидетельствующие о том, что индейские коммерсанты, стараясь зарекомендовать себя сторонниками России, хотели воспользоваться случаем

[1] Там же, 799 об., 800.
[2] Там же, л. 869 об.

политических осложнений между Россией и Персией, чтобы избавиться от этих монахов, досаждавших им в Астрахани своими проповедями. 7 февраля 1743 г., «торговой индеец Сухананд Дермуев[1] у тайного советника (В. Н. Татищева, астраханского губернатора) в разговорах объявил: шах де в Индии не малую себе пользу чрез шпионов получил, а более де в те шпионы употреблял их Индейских монахов или пустынников для того, что тем люди более везде верят, и их не задерживают, и о всем с ними не скрытно говорят, и простой народ их слушает, а сюда де таких Индейских и Персидских пустынников для милостыни приезжает не мало, и весьма от них опасно, чтоб каких плутней не произошло». Татищев придал серьезное значение этому сообщению и 22 февраля распорядился «для такой предосторожности писать ныне в Кизляр к бригадиру и коменданту князю Оболенскому, чтоб он о непропуске таковых пустынников наикрепчайше по всем заставам подтвердил, а о том же хотя надлежит и в портах Персидских консулю Арапову и переводчику Братищеву дать знать, чтоб на суда их не принимать и сюда перевозить не велели, токмо без указу Коллегии Иностранных Дел учинить не можно, и для того в оную Коллегию представить доношением».[2]

Соответствующее доношение, основанное, очевидно, на информации Сухананд Дермуева, было сделано, и в результате его последовал указ от 7 мая 1743 г. Указ был секретный. К исполнению его, как видно из нижеследующего, Астраханская губернская канцелярия приступила в августе 1743 г.

9. «1743 года августа 9 дня, по указу ее и. в-ства, Астраханская Губернская Канцелярия приказали: по высочайшему ее и. в-ства указу от 7 числа маия сего года, имеющих здесь, по показанию Индейского гостинного двора старшин, Индейских пустынников 8 человек, а именно: Багвана Пурия, Удасы Баивасова, Жоги Севанатова, Диалдаса Баирачи, Гиял Дасабирачи, Балтура Сенации, Багжангира Сенасия, Цицендаса Баирачи — выслать из России за границу, и впредь их и других Индейских и Персидских пустынников в Россию не впускать, и на морские суда не принимать, и для выезда из России доставить пашпорты, о чем в Кизляр к бригадиру и коменданту князю Оболенскому и в Астраханскую Контору над портом, дабы при отпуске каждого судна за моря судовщиков о неприеме их к при-

[1] Тот самый, которого как мы видели, Менгден в 1727 г. отстранил от участия в совещании компанейщиков по делу Ругната.

[2] АГА, приговоры, подписанные генералом Татищевым в 1742—1748 гг., № 11, л. 50.

возу в Россию на судах с подписками обязать, послать указы. А которые таковые ж пустынники явились два человека: один — Рампурей Сенациев приехал в Астрахань в 722 году, другой — Гусар Берин назад тому лет более двадцати, и здесь поженились, и имеют свои домы и детей, и в подданстве ее и. в-ства присягу учинили, оных, яко подданых Российских, не выселять и жить (им) в своих домах по прежнему при Астрахани».[1]

[1] Там же, № 40, л. 109.

В. А. ГОРДЛЕВСКИЙ

Из истории водопользования в Конии

Сидя как-то летом (в 1926 г.) в винограднике у старого моего конийского приятеля, я уловил во время разговора упоминáние о водном канале Сахиб-ата, и заинтересовался историей водной системы в Конии (Турция).

Я хорошо понимаю, что только на месте, как указал акад. В. В. Бартольд,[1] может быть произведено детальное и всестороннее обследование ирригационной системы — порядок водопользования, терминология и т. д.

Я только пытаюсь вскрыть классовые основы при водопользовании в турецком обществе как в сельджукидскую, так и в османскую эпохи, анализируя скудный материал, находящийся у меня, бóльшей частью этнографический, частью исторический.

Материал мой, разумеется, фрагментарен и недостаточен; для четкой характеристики должны быть привлечены документы, несомненно хранящиеся в Кóнии в вакуфном управлении или даже на руках частных владельцев; может быть, кое-какие новые черточки и штрихи дали бы и исторические тексты (хроника малоазиатских Сельджукидов, так наз. Ибн-Биби; Азиз-ибн-Ардешир Астерабади и др.).

Тем, что успел я собрать в Конии, что заставило меня задуматься над водопользованием, — я обязан моим старым друзьям: моему учителю Хамди-задэ Абдул-Кадиру и бывшему книгопродавцу Хаджи Софу, которого мы когда-то в шутку прозвали за его пылкий нрав «Абуль-атак». Несмотря на болезненность, Хаджи Софу охотно вызвался обойти со мною арыки до мельницы Мерама; я, так сказать, de visu узнал водную систему в Конии. Старший брат моего учителя, Хамди-задэ Рагыб достал мне копию

[1] В. Бартольд. К истории орошения Туркестана. СПб., 1914, стр. 26.

водного документа (начала XVIII в.), вскрывающего и разъясняющего кое-какие стороны житейской практики водопользования, а главное, борьбу за воду между общественными классами.

I

Вода необходима для сельского хозяйства. Летом дожди в Малой Азии выпадают очень редко, и стало быть, запасы воды должны быть точно урегулированы; отсюда исстари — заботы о проведении воды в поля, сады, виноградники и о правильном ее использовании.[1]

В Малой Азии об искусственном орошении заботились уже хетты; законы хеттов карают изменения течения канала, несущие ущерб соседу.

Наблюдательные путешественники, поражаясь современным запустением страны,[2] видят остатки старых, тысячелетних, водных сооружений, которые говорят, что когда-то здесь процветало сельское хозяйство.[3]

Современная водная система заведена была, однако, Сельджукидами, отразив естественно, персидское влияние.

Страдала от безводья и солончаковая конийская равнина (прежде, впрочем, как записал в XVII в. Хаджи Хальфа народное предание, — залитая морем).[4]

Но уже крестоносцы восторгались высоким плодородием конийской равнины.[5]

Сельджукиды, укрепившиеся в Конии в конце XI в. (в 1084 г,) — в XII и XIII вв. заботились об оводнении столицы. Западные и восточные писатели постоянно отмечали здесь обилие воды.

Участник III крестового похода, Тагенон, описывая в походном дневнике сражение под Конией (1190 г.) говорит: „Мы вступили в парк «судана» (т. е. султана), где нашли ручьи и зеленую траву“.[6]

Использовавший очевидно, старых хронистов (а, может быть и рассказы племянника, везиря монгольской эпохи), — историк Хамдулла Му-

[1] См. статью инженера Сюлеймана Сырры в издании E. G. Mears. Modern Turkey. New York 1924, p. 274.

[2] H. von Moltke. Briefe über Zustände und Begebenheiten in der Türkei, Berlin, 1841, p. 320 подчеркивает запустение именно Конии.

[3] См. напр., W. M. Ramsay Luke the Physician. London (1908), указатель под словом Water engineering.

[4] См. Cl. Huart. Konia, la ville des derviches tourneurs. Paris, 1897, p. 132.

[5] F. Chalandon. Histoire de la première croisade. Paris 1925, p. 171.

[6] J. F. Michaud. Bibliothèque des croisades. Paris 1829, partie troisième, p. 30.

ставфи Казвини (XIV в.) передает об устройстве (султанами: Кылыч Арсланом или Ала-эд-дином, XIII в.) большого закрытого водоема, куда вода собиралась с соседней горы.[1]

Но и после того, как Кония в середине XIII в. потеряла самостоятельность, — водное строительство еще продолжалось.

На водные сооружения сельджукидской эпохи обратил внимание в XVII в. Хаджи Хальфа, (повторивший слова Муставфи). В «Джихан-нюма» — «Зерцало мира» он говорит, между прочим, что Кония окружена стенами, увенчанными двенадцатью башнями, и через самую большую башню вода, идущая с гор, по трем стам трубам распределяется по всему городу (ed. Tornberg, p. 171, 615).

Столица румских Сельджукидов, Кония, питалась «речной водой» (çay suyu). Мукбул («Мукбул бунары» или «Бей-бунары») — старейшая водная артерия. Источник Мукбиля был в саду челеби Хусам-эд-дина,[2] как об этом говорит Афлаки, живший в XIV в.

Часть воды источника по глиняным трубам идет в город. А часть речной воды расходуется по виноградникам, орошая загородное место — «Мерам» («райский сад»), куда переселяются летом жители Конии, на «кочевье»; сады и виноградники забрали себе там давно дервиши-мевлеви и старые турецкие роды.

Вода, сбегая с гор, окружающих конийскую равнину, собирается у места «Алтын капак», часах в 9 от города (примерно в 40 км) и, образуя здесь реку, через Улаш, где идет первое большое ответвление: «Яка» или «Ходжа Джихан», спускается к Дере-кёю; ниже, за Хаутлы, основная вода разделяется (у Кечели-бенд) под скалой «Кызлар каясы»[3] на два больших рукава: «Сахиб-ата» и «Шехир-ырмак» («Городская река»).

Очевидно, как говорят уже имена, это — древнейшие сооружения, восходящие, по меньшей мере, к VII веку хиджры (XIII в. нашей эры).

«Улаш» — возможно, прозвище какого-нибудь старого богача (может быть, и дервиша); в Конии за лицеем есть могила Улаш-баба́.

[1] Q. Le Strange. The Lands of the Eastern Caliphate Cambridge. 1930 (Second impression), p. 148.

[2] См. французский перевод Manāqib ul'ārifīn, Cl. Huart. Les saints des derviches tourneurs, t. I, p. 194. Paris (1918).

[3] Здесь по легенде обращен был в камень свадебный поезд за то, что невеста дорогой неприлично себя держала.

В «Житии Садр-эд-дина Куневи»[1] говорится, что богач Ходжа Джихан (сына которого звали Али-хан) жил в эпоху сельджукидского султана Ала-эд-дина.[2] Так, уже к концу XVI в. имя его было вытеснено прозвищем. Насколько могущественен был человек, потомству сохраненный в прозвище («мировой ходжа»),[3] явствует из того, что прежде разрешение на водопользование испрашивалось в деревне Ходжа Джихан,[4] и эта привилегия основана была, как-будто, не на шариате, а на местном обычном праве.

Рукав «Ходжа Джихан» отведен выше, и стало-быть рукав «Сахиб-ата», как расположенный ниже, — отведен был позже; несомненно, что вода из этого рукава шла на участки могущественного везиря султана Кай-Кауса II, Фахр-эд-дина, известного под именем «Сахиб-ата»[5] (ум. в 684 г. х. = 1295 г. н. э.), который воздвиг ряд благотворительных учреждений, мечетей, медресэ и т. д.[6]

Улаш, Ходжа Джихан, Сахиб-ата — последовательные этапы организации хозяйственной жизни вокруг Конии; но память об Улаше и Ходже Джихане уже затемнена. Хронологически, каналы Улаш и Ходжа Джихан устроены, вероятно, даже до Сельджукидов, во всяком случае, раньше канала Сахиб-ата.

Сооружения ирригационные внушительны и значительны; иногда вода введена под своды (устроены акведуки); произведены древесные насаждения, и т. д. Недостаток системы — отсутствие резервуаров или цистерн,

[1] См. Вл. Гордлевский «Житие Садр-эд-дина Куневи», ИАН по ОГН, 1929, стр. 543.

[2] Вероятно, разумеется Ала-эд-дин Кай-Кубад I.

[3] В «Сальнамэ» (календаре) конийского вилайета (на 1289 г.?) глухо говорится о тюрбэ имени Ходжи Джихана; см. у меня «Житие ....», стр. 543, прим. 2.

[4] Или в селении Силлэ, расположенном между двух гор, иначе называемом «Судирхеми»; Силлэ заселено было греками (и огреченными болгарами, переброшенными сюда еще византийскими императорами).

[5] Возможно, что прозвище «Сахиб» получилось путем сокращения титула صاحب الملك а «ата», скорее, — турецкое слово «отец» (так думает и Халиль Этем غربى وارثلرى آناطوليده سلجوقيلرك. Стамбул 1926, стр. 5 оттиска — дополнение к турецкому переводу «Мусульманских династий» С. Лэн-Пуля), а не арабское عطا, намекающее на щедрость везиря, как предполагают Cl. Huart. Konia, la ville des derviches tourneurs, Paris, 1897 p. 176, и R. Hartmann. Im neuen Anatolien, Leipzig, 1928, p. 107. E. de Zambaur. Manuel de généalogie et de chronologie pour l'histoire de l'Islam. Hanovre 1927, p. 143, прим. 3 ошибочно говорит, что Сахиб-ата был везирем Изз-эд-дина Кай-Кауса I, царствовавшего с 607 г. по 616 г. х., ср. впрочем, дальше, p. 148.

[6] Так как везирь живал часто у себя в «уделе» — в Афион Кара-Хисаре, то город стал называться «Кара-Хисари-Сахиб», т. е. Кара Хисар, принадлежащий Сахибу.

вследствие чего весною, во время половодья, вода бесполезно расходуется и пропадает бесследно (у места «Мюфти гедийи»).[1]

Впрочем, возможно, что после Сельджукидов (уже в османскую эпоху) заботливый надзор ослабел, или горная вода («сель») прорвала плотину — искусственное заграждение, так изменилась первоначальная картина, а потомки поленились исправить систему.[2]

На известных промежутках находятся «водоразделы», где отводятся небольшие (узкие) каналы, и так от Дере-кёя до железнодорожной станции (приблизительно на 5 км) вода горная постепенно рассасывается по окрестным виноградникам.

Расчет идет из «ок». Одна «ока» — водомерная единица, потребная для того, чтобы вертеть жернов мельницы.[3] Главная, основная масса воды (в наиболее жаркое время) определяется в 12 «ок»; рукав Сахиб-ата и Яка берут по 2 «оки»; на Шехир-ырмак, орошающий бóльшую площадь, приходится 4 «оки».

Я передаю здесь точно то, что слышал в Конии (от Хамди-задэ Рагыба), но объем воды, заключающейся в «оке», мне неясен. Кажется, смутные представления были и у моего осведомителя.

В рукаве Шехир-ырмаке, получающем воды в два раза больше, вода находится постоянно, тогда как другие рукава наполняются по мере надобности, а иногда пустуют и высыхают.

Небольшие рукава воды носят названия по старым земельным участкам. Конечно, как это бывало и в Средней Азии, богатые землевладельцы могли на свои средства — даровой людской силой — провести каналы.

Рукав Шехир-ырмак орошает участки: Хаузан юреси, Джиринт, Хаджи Шабан, Кюрден, Орт-ырмаа (= Орта-ырмак или Ходжа Факы), Кара-ю (у Мерама), Турундай, Чалыклы, Харманджик, Лалели (здесь,

1 Слово «мюфти», т. е. муфтий позволяет предполагать здесь отзвук османской эпохи; в эпоху Сельджукидов действовали «кадии».

2 А для Конии, как говорит народная мысль, смерть — от потоков воды, т. е. от «селей», см. Вл. Гордлевский. «Из истории османской пословицы и поговорки» (Живая Старина, год XVIII (1909), вып. II — III, стр. 118.

3 В Туркестанском крае эта мера и называется «тегерман» (т. е. мельница) или «таш» (камень), см. Н. Петровский «Ирригация. Туземная единица объема воды и способы деления ее» Справочная книжка Самаркандской области 1897 г., Самарканд, 1897. вып. V, стр. 198—205.

пока в городе были христиане-греки, были их сады). От Шехир-ырмака часть воды отвел в середине XIX века вали Кель-Хасан-паша.[1]

Рукав Сахиб-ата орошает: часть Мерама и Буз-ханэ («ледник»), Чандыр, Киразлы, Авгын, Сельвер,[2] Пиреби, Айманас, ʽАраб-эльдюрен, Кован аызы, Хасан кёвю, Эвдиреше, Кара-Арслан, Бёрюмджек-баши.

Частью участков, как легко установить, владели видные деятели; так, Пиреби (т. е. Пираб-султан) упоминается в «Вилайет-намэ» (житии) Хаджи Бекташа (пятый халиф, могила которого находится у Ларендских ворот);[3] Ходжа Факы-суфий, «князь абдалов», как значится на эпитафии, жил в первой половине VII века хиджры.[4] Караман-оглу, к которым перешла в XIV в. Кония, построили ему в Мераме мечеть: очевидно, новые властители хотели этим угодить местному населению. Турундай, несомненно, знаменитый военачальник Сельджукидов (подаривших ему Малатию).[5] На участке Джиринт, должно быть, происходили придворные игры (игра в поло, увлекавшая высшие круги общества),[6] и эта близость ко двору давала права на воду.

Чем выше, т. е. чем ближе к Мераму или к Дере-кёю, — тем воды, разумеется, больше; здесь земельные участки захвачены были челеби теккэ Джеляль-эд-дина Руми (рукава: Сахиб-ата, Чандыр, Авгын).[7]

По пути течения расположены мельницы (общее число их равно 21),[8] выше всех (а стало быть, и одна из сравнительно древних) — мельница Караман-оглу, построенная преемниками Сельджукидов, но вероятнее, заменившая какое-нибудь старое сооружение; Касым-калфа (с теккэ), Турут, Мерам (за ней теккэ Тавуз-баба̂).

Мельницы давали хороший доход, и Караман-оглу и их сподручные постарались забрать их себе (Касым-калфа, родом из Африки, был совре-

[1] О нем см. Хамди-задэ Абдул-Кадир в газете конийской Türk Sözü, 1918, № 58 (351).

[2] Т. е. selviler (кипарисы), — здесь вблизи и растут кипарисы.

[3] E. Gross. Das Vilajet-nâme des Hâǧǧî Bektasch., Leipzig, 1927, p. 198.

[4] См. Кёпрюлю-задэ М. Фуад в журнале «Türk Yurdu», т. IV, (1926), № 22, стр. 295, также KSzA., II, p. 20 sq.

[5] См. по указателю к хронике Ибн-Биби, изд. Т. Houtsma, также Cl. Huart, op. cit. vol. II, p. 337.

[6] Об этой игре см. Max v. Oppenheim. Der Djerīd und das Djerīd-Spiel, Islamica, vol. II, fasc. 4; у турок в Малой Азии это — обычное развлечение во время свадебных торжеств, см. Вл. Гордлевский «Османская свадьба». Этнографическое Обозрение, 1914, кн. CIII — CIV, стр. 51—53.

[7] Челеби и их участки («фирде») освобождены были от десятинного сбора.

[8] Перечислены в «Сальнамэ» (календаре) конийского вилайета на 1289 г.

менник Караман-оглу; Тургуд — могущественный бей, также современник Караман-оглу (живший в начале XV в.).[1]

Слуги верные Сельджукидов были оттеснены, и Караман-оглу спокойно распорядились их участками, — передали участки своим ставленникам.

Но мевлеви представляли силу; с ними Караман-оглу считались. Так, от посягательства Караман-оглу уцелела мельница «Мерам» — достояние тюрбэ.

В Тавуз-бабá («отец» Тавуз) превратилась знаменитая арфистка, когда-то сводившая с ума мевлеви и прозванная (за красоту?) «Тавуз», т. е. павлин.[2] Очевидно, когда после смерти арфистки усадьба ее перешла к дервишам ордена бекташи (члены которого именуются не дедэ, а бабá), дервиши стыдливо или, наоборот, нахально переделали женщину в «бабá» — повторился остроумный народный сказ о тюрбэ, построенном над павшим ослом. А, потом, и бекташи исчезли в Конии, будучи побеждены или вытеснены мевлеви, и теперь там не то заброшенный домишко, не то пустырь бесхозяйный.

Сохранилась и мельница члена рыцарского братства «ахи» — мельница Ахи Ильяса.[3]

Таким образом, к концу XIII в. были захвачены (или вернее, розданы) важнейшие лучшие места; их захватила служилая (сельджукидская) знать, во главе с везирем Сахиб-ата, тянувшаяся к столице, — ко двору султана, который пожаловал им землю; знать духовная, близко стоявшая к мевлеви; среди них затесался и Пиреби, сподвижник Хаджи Бекташа, и в Конии, городе мевлеви, анонимный дервиш-бекташи взял на себя покровительство воде («Пиреб» — значит: «пир», т. е. патрон воды).

И, может быть, настойчивые розыски на месте локализировали бы усадьбы старого beau monde'а Конии, XIV в., о жизни которого Афлаки порассказал вороха анекдотов.

Казалось бы, какой-нибудь участок должен был напоминать и о главном феодале — о султане, но, насколько мне известно, в том районе нет

[1] Cl. Huart. Konia, p. 166; вероятно, он принадлежал к «татарскому племени» Тургуд, поддерживавшему Караманоглу, см. J. Hammer, GOR, I, 198.

[2] Cl. Huart. Les saints des derviches tourneurs, I, p. 185.

[3] Для религиозной истории Конии, центра «мевлеви», интересно наличие около Мерама участков, принадлежавших «ахи» и бекташи, и это еще раз показывает, что у мевлеви в Конии были сперва сильные соперники.

и никаких остатков от дворцовых сооружений. Я не думаю, чтобы собеседники могли опустить султанский участок. Скорее всего, сельджукидские султаны предпочитали летом отбывать в «кочевку» в Адалию и не нуждались, стало быть, под Конией в участке.[1]

Сменившие в Конии румских Сельджукидов, Караман-оглу произвели большую пертурбацию в Конии; они обнаружили также сильные эксплоататорские тенденции; ирригацией захвачено было большое пространство; вода была использована для устройства ряда мельниц, конечно, более прибыльных, чем сады и виноградники. Но, может быть, и сознательно ставили Караман-оглу мельницы, потому, что таким образом они как бы не нарушали прав водопользователей: согласно шариата от мельницы нет ущерба канаве-арыку.

Как ни как, водоснабжение — культурная заслуга Сельджукидов, которые оживили безводную конийскую степь. Спустя двести лет после исчезновения Сельджукидов арабский путешественник, Ибн-Баттута (XIV в.) восхищался обилием вод и ручьев в городе.[2]

II

В 1466 г. Кония была окончательно завоевана османцами (султаном Мехмедом II). На османском периоде истории Конии лежит печать религиозной консервативности.

Стражи закона, османские султаны, прежде всего, восстановили порядки, господствовавшие в сельджукидскую эпоху и расшатанные новеллами Караман-оглу; вновь восторжествовала, стало-быть, система, унаследованная от Сельджукидов, или, точнее, земельные участки пришлых ставленников Караман-оглу (в глазах османских султанов бунтовщиков против законной власти) снова вернулись к прямым наследникам Сельджукидов, к местным конийским родам и фамилиям. Таким образом, произошла подстановка имен — реставрация, а вода осталась в руках господствующих феодалов.

В «Законнике Османской династии» XVI в. (изданном Ариф-беем) сохранились специальные статьи о водопользовании в Конии: законодатель оберегает старые виноградники и места общественного пользования (бани

[1] См. Вл. Гордлевский. Из комментариев к старо-османскому переводу хроники малоазиатских Сельджукидов, так наз. хроники Ибн-Биби, Древности Восточные, т. IV, стр. 4.

[2] Voyages, II, p. 281.

и источники), пострадавшие во время принца Джема, когда он был наместником Карамана.[1]

Эта статья Законника вскрывает и систему расселения, логически вытекающую из общественного строя: около сильного феодала располагаются, так сказать, его клиенты, находившие у него защиту (и пользовавшиеся, стало быть, водой); правда, если феодал впадал в немилость, как это было, например, после несчастного принца-поэта Джема, — права их сразу опорочивались.

А поскольку османские султаны пытались расширить ирригационную сеть, на сооружениях сказывается религиозная настроенность, питаемая местными святынями.

Когда султан Селим I (1512—1520), отправляясь в поход против Персии, шел через Конию, он посетил гробницу Джеляль-эд-дина Руми и, увидав, что теккэ страдает от безводья, провел воду из источника, находящегося от города на расстоянии 4 часов пути («Тутлу сую»). Официально вода эта называется еще — «вода тюрбэ» (türbe suyu). Вода удовлетворила нужды теккэ; часть воды (излишек) настоятель теккэ продал потом соседним кварталам.

Таким образом, султан Селим I, воинствующий борец за суннитское правоверие, в Конии меняет лицо и оберегает интересы суфизма — интересы мевлеви, разделяющих, частично, шиитские воззрения.[2] Султан преклоняется перед Джеляль-эд-дином, от которого он воспринимал, так сказать, инвеституру — наследование над землями Сельджукидов, хотя право на опоясание мечем султана, вступающего на престол, закрепилось за мевлеви окончательно после падения бекташи только в XIX в.[3]

Это предание о благоволении султана Селима I к тюрбэ Джеляль-эд-дина слышал я не от мевлеви, а от ходжи (Хамди-задэ Абд-ул-Кадира), скептически относящегося к мевлеви, и потому оно внушает доверие к себе. Но Кинэ сообщает,[4] что султан, подстрекаемый шейх-уль-исламом, наоборот, хотел даже разрушить тюрбэ Джеляль-эд-дина Руми. Мне предста-

[1] Revue Historique, publiée par l'Institut d'Histoire Ottomane. Constantinople (на турецком языке), (1913), № 19, глава VI, посвященная новеллам, отмененным османцами, стр. 65 и след.

[2] Так, например, мевлеви соблюдают мухаррем.

[3] См. F. W. Hasluck. Christianity and Islam under the Sultans, Oxford, 1929, vol. II, p. 604, также рецензию F. Taeschner. Der Islam, Band XIX, p. 184.

[4] La Turquie d'Asie, I, 829.

вляется, что это уже позднейшая (тенденциозная) попытка, из суннитских кругов, выдержать тип религиозного изувера. Окончательно сомнения были бы разрешены документальными свидетельствами, — современным описанием пребывания султана Селима I в Конии. Все-таки странно, что Марголиус[1] безоговорочно принимает рассказ Кинэ.[2]

Так, мевлеви в Конии извлекли для себя привилегии и в эпоху Сельджукидов, и в эпоху османских султанов.

Но и старые владельцы на протяжении веков ревниво оберегали (и закрепляли) водные права от покушений, как об этом свидетельствует документ начала XVIII в.

Документ подчёркивает преимущественное их право на воду, отметая новшество — самочинные отводные канальчики, возникшие за последнее полстолетие (с 1073 г. хиджры).

Документ — акт позднейшей османской канцелярии, акт, основанный на османском Законнике, и черты эпохи Сельджукидов в нем вытравлены.

Копия (переписанная для меня) неисправна; ряд слов, несмотря на все усилия, так и остался неразобран.[3]

محميه قونيه‌نك اعيان و اشرافى و سائر اهاليسى مجلس شرعشريف واجب
التشريفه كلوب هر برى تقرير كلام و تعبير عهدالمرام ايدوب محميه مزبوره چشمه
و حماملره و باغات و اراضى‌يه جارى اولان صويك تقسيمى سابقا مختل
و مشوش اولمغله جانب شرعدن اوزرلرينه واريلوب قانوننامه همايون موجبنجه
تقسيمى تصحيح اولوب هر سمته حصه‌لرى جارى اولوب غدر و ضرر دفع اولمشكن
مرور ايام و . . . شهور اعوام ايله تقسيم مزبوره خلل عارض اولوب بعضيسندن
بعضيسنه ظلم و تعدى ظهور ايدوب و شهر ايرماغندن باغات اصحابندن اكثرى
صوكره‌دن كيزلى آوغاس احداث ايدوب شهره جارى اولان صويه غدر و ضرر
ترتب ايتمشدر جانب شرعدن اوزرينه واريلوب قانوننامه همايونده و سابقا تحرير
اولنان حجتلرده بيان اولنديغى اوزره تقسيم و هر ايرماغك حصه‌سى تعيين اولوب
و احداث اولنان محدث آوغاسلر منع اولونمق مطلوبمزدر ديه‌لريله حاكم موقع كتاب

1 EI., III, 487.

2 Любопытно, что бекташи приписывали султану Селиму I постройку мечети в Сейиди Гази; см. G. Jacob, Sejjid Gazi, Zeitschrift für Assyriologie, XVI (1912), p. 243—244.

3 При чтении документа мне оказал помощь преподаватель Института Востоковедения Х. Джавад.

طوپال حسن صائب حضرتلری ذیل کتابده محرر الاسامی اولان مسلمین ایله ذکر
اولنان صویك تقسیمی اولان محمیه مزبوره ذیلنده وادی مرامده واقع قواق
دکرمنی قربنه واروب عقد مجلس شرع شریف اولندقده قانوننامه همایون ابراز
اولنوب مضمون درر بارنده قواق دکرمنی اوکنده صو ایکی قسم اولوب نصفی کده
کیلاس ایرماغنه کیدر و دلیکلی طاشه کلیجك درت قیه اورته ایرماغه ویریلوب
و صویك نصف آخری مرامه کیدوب آندن قایا ایرماغنه کلیجك درت قیه صو شهر
نهرینه ویریلور و اندن اخی الیاس دکرمننه کلنجه اولکلدیکنه کوره اصحاب حقوق
حصه‌لرینی الدقدن صوکره ذکر اولنان دکرماندن چیقان صو آنده تقسیم ایچون
وضع اولنان طاش اوزرندن ثلثی چایه و ثلثانی قره‌یوك ایرماغنه تعیین اولنور
و قره‌کون دکرماننه چیقان صوبك ثلثی چایه و ثلثانی شهر نهرینه تعیین اولنور
و ذکر اولنان چایك صویی اسقا و سلصان و صحوار(?) مقتضا احوال اوزره انتفاع
اولنه کلمشدر دیو مسطور اولوب ١٠٧٣ سنه‌سی ذی‌القعده‌سنك یکرمنجی کونی
تاریخیله مورخ حجت شرعیه‌ده دخی بر منوال محرر اوزره مسطور اولمغله حالا دخی
موجبلرنجه منوال محرر اوزره تقسیمی تصحیح و خلافندن و زیاده و نقصان عارض
اولمقدن حذر ایتمك اوزره تنبیه اولنوب و بوندنصوکره مقسم میاه اولان حوصندن
طورود نام موضعه دکین شهر ایرماغنه نظر اولوندقده حوض قربنده سید
اسماعیل بن مصطفی‌نك و علی بن عبدینك باغلرینه کیزلی اوغاس و چاغلاغی
و سراج احمد و نعلبند محمد و اوتوجی اوغلی دیمکله معروف الحاج محمدك و سید
قیزی و قصاب مراد اوغلی سلیمانك باغلرینه دخی صوکره‌دن اوغاسی و چاغلاغی
احداث اولنوب فندق افندی قرنداشنك اوغلی سید محمد افندی باغنه ایکی بند
احداث اولنوب و عباد زاده محمد افندینك تارلاسنده قدیمی مجراسی بزم‌شکر نام
موصعنده ایکن صوکره‌دن شهر ایرماغندن کندی تارلاسنه و آخرك بوستانلرینه
مجرا و بند احداث اولنوب و ینه موضع مزبورده صوکره‌دن قویون صوادی احداث
اولنوب و حرمجی عوضك مندوبجی عمرك اوغاسلری و بوغاز طاشلری و الحاج
مصطغی اوغلی محمدك و عابد و الحاج مصطفی و یحیی اوغلی حسنك و بکتاش
اوغلنك بر وقتده مصطفی‌نك ایکی اوغاسلری و چاغلاغی و چبوقچی امیر باغنك
چاغلاغی و باغ مزبور قربنده اولان قول ایرماغی منع اولنوب و صغرجی‌دده
اوغلنك اوغاسی منع و ایرماغی تبدیل و منلاحضرباغنك قربنده اولان نهر

و چاوش اوغلی موسی‌نك چاغلاغیسی منع و الحاج عمرك نهری و محمد آغا اوغلی محمدك اوغاسی و قاسم خلیفه نرلاسی یاقه نهرندن اوله‌کلمکله باغی آلتنده اولان اوغاسی و الحاج شعبان باغنك بندی و چاغلاغیسی منع اولنوب و قاسم خلیفه دکرمنی قربنده بازار باشی اسماعیلك و سید علی جلبینك و مصطفانك باغلرینه صو زیاده اولدیغی ایامده حق شرب ویریلوب مضایقه وقتنده منع اولنمق اوزره تنبیه اولنوب و مزبورلرك باغلاری قدیمدن یاقه ایرماغندن سقی اولنه‌کلمشدر دیو اخبار اولنمغله خلافندن منع اولنوب و مولود زاده باغنك توقاسی منع اولنوب و جرید سوقاغی اهالیسنك یدلرنده اولان حجت شرعیه و امر شریف موجبلرنجه کفایت قدر صو ویریله قطع اولنمیه دیو میراب مزبوره و آوغاس اصحاننه تنبیه اولونمغین ما وقع بالطلب کتب اولندی فی الیوم ثالث من صفرالخیر لسنه خمسه عشر ومأة و الف

Перевод

«Вельможные и именитые граждане споспешествуемой Конии, а также прочий люд, сойдясь, согласно шариату, на честном собрании, обязательном для присутствования, стали каждый говорить речи, выражая свои желания:

Между тем, как прежде, когда расстроилось и запуталось деление воды, идущей в источники, бани, виноградники и вообще на земельные участки споспешествуемого града, — согласно шариату, шли на места и в силу августейшего Законника исправляли деление воды, и на каждый участок текла надлежащая доля, между тем как, таким образом, устранены были несправедливость и урон; — с течением времени в упомянутом делении возник ущерб, выявились взаимные насилия и притеснения, а именно: значительная часть хозяев виноградников отвели потом от Шехир-ырмака тайные (sc. незаконные) канальчики, и таким образом, вода, идущая в город, несет несправедливый урон. Посему, как объяснено в августейшем Законнике и в судебных приговорах духовного суда, написанных издревле, желаем мы, чтобы от шариата туда отправилась (комиссия) и, разделив воду и определив долю каждого канала, ликвидировала новые канальчики-отводы, устроенные впоследствии.

Судья Топал Хасан Саиб, вместе с правоверными, поименованными на полях (сего) документа,[1] отправился к мельнице Кавак, расположенной в долине Мерама на краю споспешествуемого града и являющейся местом водораздела.

Когда там, согласно шариату, составилось честное собрание, предъявлен был августейший Законник, слова которого мечут бисер:

[1] На моем экземпляре отсутствуют подписи.

У мельницы Кавак вода разделяется на две части: половина идет в «арык»[1] и как только доходит до Деликли-таша, 4 «оки» передается в Орта-ырмак, а другая половина идет в Мерам, и как только дойдет до Кая-ярыка, 4 «оки» передается в Шехир-ырмак. А как только дойдет до мельницы Ахи Ильяса, то после того как, согласно установившемуся порядку, возьмут себе доли те, кто имеет на то право, треть воды через камень, положенный для деления воды, выходящей из упомянутой мельницы, идет в реку, а две трети определяется в Караюк-ырмак. Треть воды, идущей на мельницу Кара-гюн, идет потом в реку, а две трети определяется в Шехир-ырмак. Речная вода издавна используется, как полагается.

А поелику так написано и в судебном приговоре духовного суда, от 20-го числа месяца зилькада 1073 года, то предписывается исправить деление воды и остерегаться действий противных, в сторону ли увеличения, или уменьшения.

Отныне, если обозреть Шехир-ырмак от «хавуза» (водоема), находящегося у водораздела вод, до места, именуемого Туруд, то окажется, что недавно устроены были тайные (канальчики) — отводы и «подъемники» вблизи «хавуза» на виноградники Сейида Исмаила-ибн-Мустафы и Али-ибн-Абди, а также устроены были недавно канальчики-отводы и подъемники в виноградники шорника Ахмеда, кузнеца Мехмеда, Хаджи Мехмеда, известного под прозвищем Утюджю-оглу, Сейид-кызы, мясника Мюрад-оглу Сюлеймана. В винограднике племянника Фындык-эфенди, Сейид Мехмед-эфенди устроено было две плотины.

(Далее) между тем, как раньше проток на поле Ибад-задэ Мехмед-эфенди был в месте, именуемом «Безмишекер», — недавно устроен был проток и плотина на его поле и на огороды другого человека (имя рек) из Шехир-ырмака; на упомянутом месте недавно устроен был водопой для овец.

Запрещаются канальчики-отводы и камни сапожника Аваза, Омара, а также канальчики и «подъемники» Хаджи Мустафа-оглу Мехмеда, Абида, Хаджи Мустафы, Яхья-оглу Хасана, Бекташ-оглу Мустафы, также «подъемник» у виноградника Чубукчи[2] Эмира. Запрещается использование также и Кол-ырмака у вышеупомянутого виноградника. Запрещается канальчик-отвод Сыгырджи-дедэ-оглу, который у его владения должен изменить (направление). Запрещается канал вблизи виноградника Муллы Хызыра и «подъемник» Чауш-оглу Мусы. Запрещается канал Хаджи Омара и канальчик-отвод Мехмед-ага-оглу Мехмеда, а также канальчик, проходящий под виноградником его (так как поле Касим-хальфы издавна питается из Яка-ырмака). Запрещается плотина и «подъемник» у виноградника Хаджи Шабана. Виноградникам базар-баши (смотрителя базара) Исмаила, Сейид Али-челеби и Мустафы, находящимся вблизи мельницы Касим-хальфы, предоставляется право на воду

[1] Слово «ырмак» (ايرماق) здесь употребляется в значении «арык» (канал).

[2] Может быть, это не прозвище, а занятие: слуга, подающий курительные трубки.

в те дни, когда вода в изобилии; во время же маловодья предписывается запретить им брать воду. А так как имеется письменное извещение, что виноградники вышеупомянутых лиц издавна орошались из Яка-ырмака, то воспрещается действовать противно сему. Воспрещается также . . . .[1] в винограднике Мевлюд-задэ. А населению улички Джирид, в силу имеющихся у них на руках судебных приговоров и честных приказов, предоставляется вода в достаточном количестве, и отнюдь не должна отниматься у них.

Для предписания обо всем этом, «мирабу» и тем, во владении которых (незаконные) канальчики-отводы, по требованию (истцов) и написано сие в третий день месяца «благого сафара» 1115 года».

В документе поддерживается точка зрения на безусловное право на воду, того, на чьей земле — оросительный канал, кто его провел (он или его предки).

Поскольку участки в Мераме давно заняты были сельджукидскими вельможами (а потом их наследниками, — конийской буржуазией), — у «хавуза» (водоема) Шехир-ырмака, уже во второй половине XVII в. обосновываются менее богатые слои населения — городские ремесленники (шорники, кузнецы, мясники и т. д.); но эти попытки пресекались «вельможными и именитыми» гражданами города Конии, которые ссылались на старое законодательство. Борьба была неравная — суд охранял интересы богатых; шариат был на службе имущих: права сильных подкреплялись авторитетными указаниями религиозного закона.

Но водоснабжение в городе отражает стремление богатых мусульман постройкой сооружения общественного водопользования обеспечить себе прощение грехов.

Значение воды было подчеркнуто в Коране: «Мы создали из воды все живое, мы низвели с неба чистую воду, чтобы оживить ею мертвую страну, напояя обильно наши творения — скотину и человека».[2] И благочестивый мусульманин, увековечивал обычно память о себе устройством на

[1] Не разобрано.

[2] Коран, сура XXI, стих 31, сура XXV, стихи 50—51. — Еще в середине XIX века в Константинополе были водоносы, бесплатно подававшие воду, и обидеть водоноса, это было все равно, что обидеть или покуситься на здоровье и религию квартала, где он жил. (См. Ch. White. Häusliches Leben und Sitten der Türken. Berlin, 1844, I, 328). Я вспоминаю, как на подъеме Махмуд-паша, ведущем к Большому Базару в Стамбуле, водонос (в 1928 г.) выкрикивал слова: في سبيل الله, и прохожие подходили и пили бесплатно воду, раздававшуюся на помин души.

дорогах, в степи и горах — фонтанов и источников; это было доброе дело, и так оно отмечалось на сооружениях (صاحب الخير).

Впоследствии паши и другие лица — то здесь, то там — устроили в городе источники для общего пользования. Конечно, количество воды частных жертвователей все-таки незначительно.

Проведение железной дороги (конец XIX в.) изменило жизнь восточного города, и застройка направлялась в сторону станции. В начале XX века стараниями энергичного вали (албанца Ферида-паши) проведена была еще вода.[1] Обеспокоенное засухой (отзывающейся вредно на полях), городское самоуправление решило (в 1932 г.) провести воду из источника Тутлу.[2]

Так, ирригационная сеть в Конии сохраняет следы роста города, отражая постепенно все более увеличивающийся спрос на воду. Но общая картина водоснабжения не изменилась: мерамские сады и виноградники, т. е. водообильные участки, попрежнему остались в руках богатых: «туда летом выезжают богачи», — писал в Словаре Сами-бей.[3] Произошло только, с течением времени, разукрупнение участков, — разбивка на небольшие, сравнительно, участки хозяйств, прежде сосредоточенных в руках крупных феодалов.

III

Как построено было управление водными источниками в эпоху Сельджукидов, — неизвестно, но в османский период, как это видно из Законника, действовала откупная система (مقاطعه), для воды отмененная только султаном Абдул-Азизом (1861—1876).[4] Обеспечивая интересы фиска, эта система обрекала на бесправие менее состоятельных водопользователей. Уже Законник XVI в. отмечает злоупотребления «мирабов», дававших вне

[1] Большие ирригационные сооружения, отводившие воду из озера Бейшихира на Чумринской равнине (около Конии), произведены были немцами в период времени 1911—1919 гг., см. Karl Klinghardt. Angora — Konstantinopel, Ringende Gewalten, Frankfurt a. M., 1924, p. 110.

[2] Корреспонденция из Конии Ахмеда А. (Vakıt, 1932, № 5244).

[3] Сами-бей, قاموس الاعلام ج V, стр. 3782. — Вода орошала также поля и сады крестьян; но крестьянская масса за воду обложена была непосильными налогами; так, еще в начале установления кемалистского режима в 1923 г. крестьянин (Хюсейн-ага) жаловался на это президенту республики, см. Вл. Гордлевский «Турецкая хрестоматия», («Крестьянин у Мустафы Кемаля-паши»), Москва, 1931, стр. 72—73.

[4] Мельницы сдавались в аренду и после; так, Мерамскую мельницу в 1905 г. эксплоатировал русский беспоповец — выходец из Румынии.

очереди воду тому, с кого больше сбор; а так как сбор был с дёнюма, ясно, что богатый, владевший большим участком, получал воду, когда хотел.

Заведывание водами, идущими на виноградники и на мельницы, уже лет 50 тому назад отошло к городу; прежде распоряжалось водой общество или точнее откупщик — «мираб» (или «мирав») — «смотритель воды», — термин, общий, как для Малой Азии, так и для Закавказья и для Средней Азии, и говорящий, стало быть, о движении из Средней Азии.

Когда возникал спор из-за воды, комиссия с судьей или его представителем отправлялась на место и там все выясняла. Основной принцип, установленный «факыхами», заключался в словах: الاقدم فالاقدم, т. е. сначала должны быть орошены сады и виноградники тех, за кем право давности, и если после этого вода остается, — устроившиеся позже; «старое не подлежит перемене», — гласил фыкх (القديم لا يتغير).

Общий, высший, надзор находился у «мирава»; он жил наверху, над Мерамом, в местечке «Кёйджиезе». Там, наверху видно ему было состояние воды, и очевидно соответственно (по мере убыли воды) давал он приказания подначальным, регулируя водооборот для участков — для водопользователей.[1] А титул «мирав» (заключающий в себе арабское слово أمير — начальник и персидское آب — вода) указывает, что он принадлежал первоначально к придворным чинам.[2] Но все-таки в османскую эпоху «мирабы» утратили былое значение: Законник XVI в. предлагает кадиям привлекать их за злоупотребления к судебной ответственности. Османцы ценили их, конечно, только как своего рода финансовых инспекторов.

С согласия горожан «мирабы» ставили «надежных» людей. Наблюдение за отдельными рукавами было у «хаваледжи» — они смотрели за тем, чтобы вода шла ровно; фактически распоряжения их исполняли «сыйырдыджи» — они ходили с лопатой и, где нужно было, закрывали или открывали воде ход, заделывая промоины и т. д.

«Хаваледжи» и «сыйырдыджи» были из соседних крестьян; жалованье, естественно уплачивал им «мирав» — откупщик.

Теперь это, так сказать, — водный сбор; плата за воду была (в 1926 г.) следующая: за поле — 20 пиастров, за огород — 55, за виноградники — 105;

[1] В Средней Азии они называются «абхур» آبخور («водопожиратель»).

[2] У туркмен в мирабы выбирались прежде лица из духовного звания и пользовались они большим почетом, см. А. Мор. «Политика и практика водного хозяйства Туркменской ССР». [Москва] 1926, стр. 22. — Теперь значение слова, естественно, деградировалось.

цены эти, конечно, колебались, но они все-же показывают соотношение между полем и виноградником. Прежде (в XVI в.) с дёнюма брали 4 акча.[1]

Распределителем воды речной, идущей в город, является население; кварталы выбирают на год уполномоченных, которые составляют «водную комиссию». Выборные люди принадлежали (и принадлежат) к местным «именитым гражданам» («эшраф»), ходжам или купцам. Правительство держится вдали и не вмешивается.

В квартале есть и «общественный денежный сундук»:[2] сборы поступают с завещаний, со свадеб, с благотворительных начинаний и т. д.; им заведует комиссия из 3—4 надежных людей (ежегодно ревизуемая). Деньги расходуются на постройку мечети, школ, на теккэ в квартале, а также на ремонт водных сооружений и источников. Общественные суммы увеличиваются, и тогда квартал покупает недвижимость — землю, лавку и т. д.

Теперь водный отдел отошел полностью к городскому управлению, и население недоумевает, как сохранить за собой и впредь право распоряжаться «общественным сундуком». В виду угрозы отнятия, выдвигаются проекты: разделить деньги по домам, или купить недвижимость на чье-либо имя. Однако, очевидно, и накопленные капиталы, и имущество будут муниципализированы.

Таким образом, на загородной воде, проведенной Сельджукидами, на аппарате, наблюдающем за оросительной сетью, сохраняются следы старого строя.

IV

Водные термины, собранные мною, занесены были Сельджукидами из Средней Азии и, естественно, носят следы персидские.[3] Но в Малой Азии постепенно возникли и турецкие слова и выражения, может быть заменившие первоначальные персидские термины. Список этот все-таки случаен и бессистемен. Немногие слова расположены в алфавитном порядке:

[1] J. von Hammer. Des osmanischen Reichs Staatsverfassung und Staatsverwaltung. Erster Theil. Wien 1815, pp. 255—256 приводит, из законника времени султана Мехмеда II, сборы, — количество «акча», взимавшихся в Конии с садов и с виноградников; освобождены были от сборов вакуфы Садр-эд-дина Коневи и Джеляль-эд-дина Руми.

[2] В Стамбуле sandık teşkilâtı упразднены были султаном Абдулазизом.

[3] Но современные персидские термины тоже должны бы быть обследованы: там встречаются слова, повидимому, не объяснимые из персидского языка, напр., دوكلى — ответвление большого канала; на это обратил мое внимание К. И. Чайкин.

arık (arığ) — канал для воды.[1]

avgaz (آوغاس) — небольшой подземный канал (питающий один — два виноградника).[2]

aytlamak — очищать арык.

çağlağan — переход (воды) из одного виноградника в другой.

çağlak taş — большой плоский камень, на который кладут доску, чтобы, подняв уровень воды, направить ее в avgaz.

gedik — ответвление от реки; рукав.

gövrenk — подводная труба для воды.[3]

güverti parası — деньги водяные (за поле, за землю).

harim — часть огорода (орошенного).

havaleci — «передатчик» (воды).

kepir (= düzlük) — равнина.

kerdi — канава в поле, по которой течет вода.

kesik — черед (для воды).

kirizme — см. arık.

kol — см. gedik.

künk — глиняная водопроводная труба (подземная).[4]

mirav — начальник над водой; смотритель воды.[5]

savacak — отвод воды; загороженное место.

sıyırdıcı — низший служитель при воде.

su kapusu (или: harciye kapusu) — низенькая дверь в стене, окружающей сад (весной, чтобы удобнее и скорее было выйти из дома и открыть канал, в стене устраивают дверь; через нее для сокращения пути вводят и выводят гостя).

tapa — деревянный кляп, закрывающий проход воды в небольшой канал (avgaz).

uyluk — см. kerdi.

yedek — временный канал-ров, отводящий воды в рукав.

yöre (yüre) — участок, квартал.

1 Слово это, в значениях «река», — «канал» встречается уже у Махмуда Кашгарского, XI в.; по-армянски канал — առու (открытый слог!).

2 Вероятно, в термин входит слово آب (вода).

3 Звуковой состав тоже наводит на персидское происхождение.

4 Ср. перс. کنگ.

5 В Средней Азии был еще главный мираб — «мираб-баши».

yük — возвышение (ср. C. Brockelmann, Mitteltürkischer Wortschatz, p. 99 jükmek — собирать).

Термины водные встречаются и в документе; любопытно, что слово «арык» (канал) заменяется ایرماق, а в значении «река» употребляется چای; بند — плотина, مجرا — русло, проток, مقسم — водораздел.[1]

V

И все-таки, несмотря на отрывочность материала, обрисовывается контур водопользования в районе Конии:

1) В Конии ирригационная система, несомненно, была уже в хеттскую эпоху, и хеттские законы оберегали строго право водопользования. Характер древнейшей стройки мог бы быть установлен, если бы произведены были раскопки по линии старых оросительных каналов.

2) В Конии водная система сохранилась от эпохи румских Сельджукидов, которые как поклонники персидской культуры, заимствовали приемы сооружения и технику распределения воды из Средней Азии.[2]

3) Современная топонимика земельных загородных участков в Конии по дороге к Мераму, летней резиденции Челеби-эфенди, говорит о феодальном укладе хозяйственного строя Сельджукидов.

4) Османская эпоха, закрепила старую классовую систему водопользования; получила также широкое развитие постройка источников общественного водопользования (фонтанов и пр.); комиссия по заведыванию водой в городе.

5) Тон хозяйственной жизни задают «вельможные и именитые» граждане.

6) Стремления мещанских слоев — городских ремесленников пользоваться водой для виноградников (в XVII—XVIII вв.) встречают противодействие со стороны городской знати.

[1] Водные термины встречаются: 1) в статье С. Ованесова «Старинные водопроводы в Нухе» («Известия Общества обследования и изучения Азербайджана», № 6 (1928), стр. 126—136), 2) в Сборнике решений чрезвычайного съезда народных судей Закаспийской области с 1898 по 1902 гг. (Материалы к изучению народного быта туркмен и киргизов (т. е. казаков). Асхабад, 1903, 3) у Г. Черданцева «Водное право Туркестана». Ташкент, 1911.

[2] Из Малой Азии, с другой стороны, ирригация проникла в Крым, и полезно было бы собрать сведения и там (на южном берегу Крыма). Кое-что о порядках водопользования — об обычном праве водном — сообщает И. Миклашевский, «Водное законодательство и право в России», Русская мысль, 1895, № 9, стр. 92 сл.: в Дерекое (около Ялты), заботясь о справедливом распределении воды, старики ежегодно устанавливают очередь поливки участков.

7) На организации водоуправления в городе (сборы водяные) лежит печать коллективного владения, и доходы с воды, идут на общеполезные дела.

8) Водные споры разрешаются на основе фыкха, часто совпадающего с обычным правом.

Согласно старому религиозному представлению, воспринятому и Кораном, земля — собственность божества,[1] и борьба идет, следовательно, за воду — за пользование водой, проведенной человеком. Не земля ценна, а арык.[2] Вода повышает доходность земли; у воды располагается человек состоятельный.[3]

И феодал (в османскую эпоху) носит характерное имя «деребея» — бей над горным ущельем, бей над долиной, орошаемой водой из горных источников: вода — политическое средство для господства над окрестным населением.

Изучение водопользования, несомненно, должно быть составной частью изучения аграрной проблемы в Малой Азии.

---

[1] См. W. M. Ramsay. The Intermixture of Races in Asia Minor (Proceedings of the British Academy, vol. VII, 1916, p. 22).

[2] У казаков на право пользования водой были ханские ярлыки, см. Н. Гродеков «Киргизы и каракиргизы Сыр-Дарьинской области», Ташкент, 1889, т. I; стр. 105.

[3] В османских сказках народ часто страдает от чудовища-дракона, занявшего голову источника и отравляющего воду.

Б. А. ВАСИЛЬЕВ

Левый фронт в китайской литературе

«На основе роста промышленности в Китае во время империалистической войны и происходящего на этой почве окончательного оформления национальной китайской буржуазии, как политической силы, в 1918 г. возникло национальное культурное буржуазное движение, известное под именем «движения 4-го мая». Движение это шло под лозунгом «за демократию и науку против феодальной идеологии», «за реформу старого, доступного чрезвычайно узким слоям литературного языка вэнь-янь», «за язык бай-хуа», приближающийся к разговорному. А новая литература противопоставлялась старой, как популярная народная — аристократической. Иными словами, буржуазное направление сменило феодальное».[1]

Мы должны рассматривать историю этой новой буржуазной литературы в связи с общим ходом китайской революции и должны отметить, что в момент отхода китайской буржуазии от революции это нашло соответствующее отражение и в буржуазной литературе. Подъем пролетарской литературы относится к переломному периоду временного поражения китайской революции в 1927 г. и дальнейшего перехода революции на высшую стадию борьбы за советы.

Мы знаем, что пролетарская литература у нас была создана еще до Октябрьской революции, и отдельные ростки ее мы можем найти в литературе прошлого века. Но пролетарская литература, как широкое массовое движение, могла вырасти только после Октября.

И в Китае влияние Октября стимулировало развитие пролетарского движения и пролетарской литературы.

[1] Из «Резолюции по вопросу литературы в Китае» см. «Литература мировой революции», стр. 176.

Период 1928—1929 гг. в Китае является моментом борьбы литературных групп, как следствие расслоения китайской буржуазии и в связи с отходом части направо за крупной буржуазией, части же ее, — налево, в сторону пролетариата.

Бои, развернувшиеся по вопросу о пролетарской культуре, шли по двум линиям: по вопросу о создании литературной критики и о создании самих литературных произведений, стоящих на позиции пролетарской идеологии.

Для того, чтобы точнее уяснить ту картину, которую мы наблюдаем в Китае, необходимо вспомнить, что происходило у нас по этим же вопросам, и тогда станет ясна позиция китайских писателей из так называемого левого блока, которые явились группой, стоящей на позиции новой пролетарской литературы Китая.

Вспомним, что в 1923—1924 гг. происходили большие споры о пролетарской культуре, о возможностях ее существования и роста. Троцкий в своей книге «Литература и революция» доказывал, что создать пролетарскую культуру невозможно, исходя из того положения, что пролетариат свою диктатуру мыслит как кратковременную переходную эпоху. Троцкий ставил вопрос так:

— «Может ли пролетариат за это время создать новую культуру?» Он считал, что раз годы социальных революций будут годами ожесточенной классовой борьбы, то и главная энергия пролетариата будет направлена на завоевание власти и ее удержание. С другой стороны, он полагал, что чем благоприятнее будут условия для культурного творчества, тем больше пролетариат будет растворяться в социальном общежитии, освободившись от своих классовых черт, т. е. перестав быть пролетариатом. Другими словами, по его мнению, в эпоху диктатуры о создании новой культуры не приходится говорить. А то ни с чем в прошлом несравнимое строительство, которое наступит, когда отпадет необходимость в диктатуре, не будет уже иметь классового характера. Отсюда Троцкий делал вывод, что пролетарской культуры не только нет, но и не будет. Эта точка зрения Троцкого получила должный отпор и, как мы увидим дальше, эта позиция Троцкого подверглась такой же суровой критике и со стороны пролетарской литературы в самом Китае. Троцкий не учитывал, что процесс создания культуры идет одновременно с ростом классов, что отдельные элементы пролетарской культуры были уже тогда, когда внутри капиталистического общества складывались первые отряды будущей пролетарской диктатуры.

И в дальнейшем, по мере того как рабочий класс начинал перестраивать общество, эти элементы пролетарской культуры постепенно развивались и подготовляли ее дальнейший рост.

Левацкая точка зрения Троцкого практически приводила к положению о ненужности и невозможности для пролетариата овладеть наследием прошлого и создать свою культуру, к выдергиванию культурной почвы из под ног растущего пролетариата, и, в сущности пыталась направить революционный рост в русло контр-революционной практики.

Точке зрения Троцкого, по существу глубоко реакционной, противоположил точку зрения В. И. Ленин, который четко поставил актуальнейший вопрос освоения культурного наследия прошлого, и дал генеральную концепцию понимания пролетарской культуры, как культуры пролетариата в период его диктатуры, в период борьбы с капиталистическим миром за построение бесклассового общества.

Владимир Ильич Ленин в своей статье «Задачи союза молодежи» писал, что «пролетарская культура не является выскочившей неизвестно откуда», что «пролетарская культура должна явиться закономерным развитием тех запасов знания, которые человек выработал под гнетом капиталистического общества, помещичьего общества, чиновничьего общества».

«Марксизм завоевал себе свое всемирно-историческое значение как идеология революционного пролетариата тем, что марксизм отнюдь не отбросил ценнейших завоеваний буржуазной науки, напротив, усваивал и перерабатывал все, что было ценного в более чем двухтысячелетнее развитие человеческой мысли и культуры. Только дальнейшая работа на этой основе и в этом направлении, руководимая практическим опытом диктатуры пролетариата, как последней борьбы его против всякой эксплоатации, может быть признана развитием действительно пролетарской культуры»[1].

Посмотрим, как же в Китае проходили эти вопросы о создании пролетарской культуры, как проходило так называемое движение за левый блок, которое есть по существу движение за пролетарскую культуру и пролетарскую литературу.

В 1928 г. в литературных кругах Китая вспыхнула ожесточенная борьба после того, как группой «Творчество»—Чуан-Цзао[2] был выкинут

[1] Из проекта резолюции, составленной В. И. Лениным на 1-м Съезде пролеткультов в 1920 г.

[2] 創造.

лозунг о создании революционной литературы. Различные литературные группы вроде «Юй-сы»[1] — представители буржуазии, «Синь-юе»[2] — представители феодальных прослоек и другие единым фронтом выступили против группы «Творчество».

Начиная с весны 1928 г., борьба приняла ожесточенный характер, и в результате этой борьбы в печати появилось не менее сотни с лишним статей.[3]

Рассмотрим установки группы «Творчество», являющейся выразителем взглядов пролетарской литературы.

Виднейшим представителем этой группы явился писатель Чэн-Фан-у[4], который в своей статье «От литературной революции — к революционной литературе»[5] дал основные установки, которые сводились к следующим положениям:

— «В революцию 1911 г. мы наблюдаем поражение демократической революции против феодализма и нажим империалистов. А это привело к тому, что часть интеллигенции поставила целью просветительное движение за новую буржуазную культуру. Однако для этого нужна будет новая речь, и отсюда вытекает движение за новый язык».

Чэн-Фан-у рисует картину исторического расхождения языка и письменности и говорит, что:

— «Идеи капиталистического общества, как содержание, не укладывались в литературные формы языка. Ход литературной буржуазной революции развивался в порядке сначала отрицания старой феодальной идеологии, а затем привлечения новой буржуазной литературы. Но оба эти процесса были половинчаты».

Проф. Ху-Ши, являвшийся лидером «литературной революции», не доделал поднятую им шумиху отрицания старой идеологии и старого языка и спрятался в прежнее гнездо, а полумертвая буржуазия осуществляла новую идеологию только наполовину.

[1] 語絲.

[2] 新月.

[3] Борьба велась главным образом на страницах следующих журналов: 語絲, 北新, 小說月報, 新月, 創造月刊, 文化批判, 太陽月刊, 流沙, 無軌列車, 現代文化, 民間文化 и т. д.

[4] 成仿吾.

[5] 從文學革命到革命文學.

Именно тогда на арену выступает группа «Творчество», и начинается борьба без полумер.

«Говорят, что группа «Творчество» — это романтизм и сентиментализм. Но это только частичная характеристика. Группа «Творчество» являлась представителем мелкобуржуазной революционной интеллигенции, а романтизм и сентиментализм — это ее специфика, не роняющая революционности. И именно эта группа продолжала борьбу за новую литературу».

Касаясь вопросов перспектив литературной революции, Чэн-Фан-у формулирует её следующим образом:

— «Капитализм пришел к последнему этапу и находится в стадии империализма; перед глазами развивается мировая революция. Под нажимом капитализма и феодальных пережитков мы начинаем нашу национальную революцию. А наша литературная революция, которая является частью освободительного движения, все еще спит. Мы отстаем от эпохи. Мы в мелкобуржуазной средине. Если мы хотим выполнить долг революционной интеллигенции, то мы должны путем самоотрицания стать на классовую позицию рабоче-крестьянских масс. Другими словами, наша литературная революция должна стать революционной литературой».

В декларации, выпущенной группой «Творчество», призывающей к образованию левого блока писателей, говорится следующее:

— «Капитализм уже пришел к последнему дню. Мир разделился на два лагеря — на одной стороне последняя цитадель капитализма — фашизм. На другой стороне — объединенный фронт рабочих и крестьян всего мира.

Сотоварищи, в целях борьбы мы должны объединиться! Это долг работников искусства. Никто не может оставаться в середине. Или ты идешь туда, или — сюда. Нельзя плестись в хвосте и ни в коем случае нельзя отставать.

С полной сознательностью присоединяйтесь к социальной революции. Всеми силами держитесь за диалектический метод, потому что только материалистическая диалектика даст вам настоящее руководство, даст вам побеждающее оружие. Сломите свою мелкобуржуазную природу. Повернитесь спиной к сходящему классу и смело идите к восходящим рабоче-крестьянским массам.

С отчетливым сознанием делайте вашу работу.

Отбрасывайте яд буржуазной идеологии, просачивающийся в массы. Оберегайте массы. Вдохновляйте их, поддерживайте в них веру в себя.

Не забывайте, что вы стоите на передовых линиях фронта.

С полной искренностью описывайте все, что вы увидите на поле битвы: и отчаяние рабоче-крестьянских масс, и их героические поступки, и радость их побед.

Только таким образом вы добьетесь конечной победы.

Революционная интеллигенция, объединяйтесь!

Не скорбите о потерянных цепях».

В ответ на эту декларативную статью Чэн-Фан-у, полагающую основы для создания революционной пролетарской литературы, контратаку повела мелкобуржуазная группа Юй-Сы, отражающая растерянность мелкой буржуазии после поражения революции в 1927 г.

Главнейшим противником является лидер этой группы Лу-Синь.[1] В связи со статьей Чэн-Фан-у «От литературной революции — к революционной литературе», в связи с движением, поднятым в Шанхае за пролетарскую литературу, Лу-Синь[2] едко нападает как на него, так и на других пролетарских писателей—Фын-Най-чао и Ли Чу-ли за их крайнюю точку зрения и за их лозунг: «Если не за революцию, значит — против».

Точка зрения Лу-Синя чрезвычайно типична для буржуазии. Он стремится показать якобы бесклассовую литературу, а с другой стороны заявляет, что только пролетариат может создать пролетарскую литературу, т. е. в конечном итоге на практике смыкается с точкой зрения Переверзева. За точку зрения о классовости литературы на группу «Творчество» нападают и другие представители той же буржуазной группы писателей, например писатель — Бин-Чань,[3] который говорит следующее:

— «Лозунг «литература — классовое орудие» — это не есть изобретение наших революционных критиков. Это провозгласила русская группа «На посту», которая говорила, что:

— «Если литературное произведение, безразлично чего бы оно ни касалось, не есть оружие для пролетариата, то оно есть оружие контрреволюционных классов».

«На самом деле это не соответствует действительности. Я не знаю, какого класса оружием являются драмы Шекспира, «Фауст» — Гете и его

[1] 魯迅.
[2] В статье: 醉眼中的朦朧.
[3] 冰禪.

же «Страдания Вертера», Шелли или Достоевский. Наоборот, мы знаем, что такие произведения, затрагивающие революцию, как: «Конь вороной» — Ропшина, «Рабочий Шевырев» и «Санин» — Арцыбашева, вряд ли могут быть оружием какого-нибудь класса. Зато, храня в себе правду искусства, они всегда и вечно будут волновать нас. Отринутые революцией произведения Андреева будут нас волновать именно из-за их ценности как произведений искусства.

«Я могу дать еще пример: О «двенадцати» — Блока Троцкий говорил, что это — не революционные стихи, но в то же время Троцкий утверждает, что «двенадцать» останутся в веках и будут бессмертны вместе с «Октябрем». Если это — не революционные стихи, то как же они могут быть вечны? Могут быть вечны потому, что Блок глубоко и правдиво описал тогдашнюю Россию».

Явное недопонимание и софизм всех этих «доказательств» совершенно очевидны.

Стремление обосновать бесклассовость, «общечеловечность» литературных произведений, по существу являющихся выразителями более чем определенной классовой точки зрения — Арцыбашев, Андреев с их упадничеством под флагом грубого эротизма у одного и буржуазного символизма у дргого, Ропшин с его анархическим буржуазным бунтарством и мещанским индивидуализмом, приведшим в конечном итоге автора в лагерь контр-революции, — все это противоречит реальным фактам, а приводимая бесклассовая точка зрения на искусство в действительности является типично классовой буржуазной точкой зрения, стремящейся под лозунгом «общечеловечности» помешать революционному классовому расслоению, отстоять буржуазный порядок перед лицом надвигающейся пролетарской революции. Ссылка же на Троцкого, как на лучшее доказательство справедливости буржуазного высказывания об отсутствии классового характера в литературных произведениях — говорит сама за себя.

Невозможность существования классовой литературы автор доказывает еще и тем, что, по его мнению, в Китае классовых сдвигов не произошло, что в Китае все еще, как он называет — «эпоха A-Q»[1], что крестьянство

[1] В 1924 г. Лу-Синь выпустил свою повесть «阿Q正傳», явившуюся большим литературным событием. В этой повести Лу-Синь рисует сумрак китайской деревни с темнотой и косностью феодальных пережитков. Перевод этой повести существует на русском языке, в изд. «Прибой». Лу-Синь. «Правдивая история Акэя». 1929.

якобы не пробудилось, поскольку над Китаем все еще витают тени Цзэн Го-фаня, Ли Хун-чжана, Хун Сю-цюаня и Юань-Шикая.

Но, если, заняв позиции протеста, группа Юй-Сы впоследствии полностью сдала свои позиции и вместе с Лу-Синем вошла в левый блок, то совершенно иначе выглядит реакционное выступление группы Синь-Юэ «Новая луна».

В декларации этой новой помещичьей группы эпиграфом стоит цитата из библии:

— «И сказал бог: да будет свет, и стал свет».

В елейном тоне эта декларация говорит о гибели культуры, об анархических элементах, обманывающих народ. «Слова о свободе, которые провозглашают левые группы, — только вывеска продавца, завлекающего доверчивого покупателя. Сейчас — тьма, но будет свет и уже брезжит заря чистой идеи, перерождающей человечество».

Профессор Ху Ши, смыкающийся с этой группой, выставляет теорию чистой интеллигенции и над-человечества, провозглашает борьбу с дьяволом, под которым понимается революция, а Сюй Чжимо из этой же группы пишет феодальные пьесы, стараясь уйти от угрожающей волны нового революционного подъема.

Впоследствии Гоминьдан, опираясь на эту реакционную группу, выдвинул лозунг «национальной литературы» и повел ожесточенную борьбу с левым блоком. В этой развернувшейся классовой борьбе на литературном фронте окончательно создается и укрепляется левый блок — ассоциация китайской пролетарской литературы и критики.

2 марта 1930 г. на подпольном собрании в Шанхае, где участвовало больше 50 пролетарских писателей и попутчиков, было положено начало этого пролетарского объединения.

Левый блок выявляет себя уже революционной организацией. Он участвует в политической кампании, в подготовке Всекитайского Съезда советов и в журналах «Массовая литература», «Южная страна», «Современная беллетристика» и других. Писатели и критики левого блока выступают за расширение влияния пролетарской литературы на массы, выступают за создание идеологически выдержанной марксистской критики, привлекая на страницы журналов рабочих и сельских корреспондентов.

В 1931 г. на страницах журнала «Массовая литература»[1] появились

[1] 大衆文藝.

две интересных статьи, которые позволяют нам ознакомиться с точкой зрения на пролетарскую литературу и на пролетарскую критику.

Автором статьи,[1] касающейся литературы, является писатель Хэ Дабо,[2] который говорит следующее:

— «Новое движение в китайской литературе возникло в половине 1927 г. С момента китайской революции было много литературных движений. Но все это были движения отдельных группировок, как, например: романтиков, реалистов, по существу мало отличающихся одна от другой. Движение же 1927 г. было уже новым. Это было движение за литературу в целом под тремя идентичными названиями, а именно: «За революционную литературу», «За возрождение литературы» и «За пролетарскую литературу».

Автор стоит на той точке зрения, что новую литературу нельзя назвать революционной литературой, потому что такое понятие очень расплывчато и под него подойдет литература, иногда ничего общего с революцией не имеющая — литература голого протеста и криков.

«В России — утверждает автор — политическая власть является властью класса. Классы еще существуют, и литература там еще классовая. Взяв в свои руки власть, русский пролетариат борется за утверждение своей классовой пролетарской литературы.

Что же касается других государств, где пролетариат еще не взял политической власти, то и там формируется пролетарская литература. В случае, если мы применим термин «революционная литература», все равно к нему необходимо определение уточняющее и ограничивающее».

Далее автор утверждает необходимость введения термина «новая литература», доказывая это тем, что поскольку пролетариат является в мире новым классом, постольку такое название есть не более и не менее как название для литературы пролетарской.

— «Для нас очевидно, — пишет он, — что наша новая литература, т. е. литература пролетарская, является литературой классовой, и отсюда возникают два вопроса — может ли быть классовая литература и как рождается такая классовая литература.

То, что литература классовая, большинство наших критиков и литераторов отвергает и признает лишь национальность или принадлежность к эпохе. Но это утверждение по существу является их собственным клас-

[1] 中國新興文學的意義.

[2] 何大白.

совым заказом на непризнание. Литература организует общество путем воспроизведения образов, настроений и мыслей и обществом же порождается. Литература неотделима от общества. А пока общество не пришло к бесклассовому равенству, в нем существуют классы, и следовательно литература, служащая классу и рождающаяся из него, не может не быть классовой. Поскольку мы признаем, что литература классовая и выражает идеологию класса, постольку новый, выходящий на арену истории класс — пролетариат имеет и свою новую классовую литературу, выражающую его идеологию.

Китайская новая литература не есть продукт личного творчества. Она основана на глубоких общественных корнях. Нужно выявить корни этого общества, а для этого — анализировать и самое общество.

Китай является полуколониальной страной, в которой развивается капитализм и в которой рождается пролетариат с новой идеологией, стремящийся к созданию литературы, выражающей эту новую идеологию. Феодальная идеология в Китае уже умирает, а буржуазия не имеет сил и не может захватить общество своей идеологией и создать свою новую литературу. Мелкая буржуазия пришла к своему концу. Ее идеология уже не обладает силой подчинять массы.

Буржуазная литература декадентна и реакционна. Она не имеет ни нового содержания, ни новой формы. Это ясно всем и научно обосновано.

С другой стороны, во многих странах развивается пролетарская литература и ее успехи воодушевляют отсталый Китай.

Мировая буржуазная литература была упадочной уже в конце XIX века.

В Китае, после движения 4 мая, родившаяся буржуазная литература уже с самого своего возникновения не имела революционности и вскоре она расслоилась. Часть ушла в эстетизм, на дорогу реакции, другая же часть пошла по революционному пути.

Революция углублялась с каждым днем, и вопрос о связи литературы с революцией стал перед писателями и критиками. Однако в то же время это была только относительная революционная организация, в которой было много уклонов таких, как морализм, символизм и т. д.

Сейчас же положение изменилось, и показались ясно и отчетливо пролетарские позиции. Есть много революционных литературных объединений, которые идут по линии перехода к новой пролетарской литературе, и на этом фоне совершенно мертвой остается китайская буржуазная литература, сходящая со сцены вместе с мировой буржуазной литературой.

Только пролетарская литература, воспринявшая боевой антиимпериалистический дух от движения 4 мая, и только она одна может сменить литературу буржуазии.

Нами проведена большая работа, что бы ни говорили враги о том, что за два года новое литературное движение ничего не дало. Нами дано много критических статей по принципиальным вопросам. Критика стала оружием борьбы, чего не было в старых критических статьях.

Началась новая переводная работа, новая рекомендация переводов китайской пролетарской литературы.

Цели, стоящие перед нами на сегодняшний день, огромны. Это вопросы теории, которых не разрабатывала буржуазная литература, это борьба с буржуазными писателями, которые имеют за собой историю; и с ними нужно вести упорную борьбу за место для новой литературы.

Так как новая литература связана с мировой пролетарской литературой, то и в Китае воспринимаются все вопросы и их разрешение из этой мировой пролетарской литературы.

Простые переводы для нас недостаточны. И, следовательно, в будущем будет много вопросов, которые необходимо разрешить самим.

Мы должны вести беспощадное наступление на буржуазную литературу и ее апологетов.

И хотя мы и имеем сейчас критерий для нашей новой пролетарской литературы, но он еще узок, его нужно развить, а с другой стороны надо переоценить так называемую массовую литературу феодального периода, превознесенную буржуазией, — так называемый народный роман,[1] который попросту служит орудием усыпления масс. Мы должны бороться против феодальной идеологии.

Наконец, в нашу задачу входит установление близкой связи с новой пролетарской литературой мировой. Помимо всех этих вопросов, которые были уже в свое время поставлены и которые мы только продолжаем, перед нами стоят и новые задачи, как, например: оформление новых литературных произведений, популяризация и т. д.».

Другая статья в том же журнале «Массовая литература», автором которой является Чжу-Сю-ся,[2] касается вопроса новой литературной критики.[3]

[1] 紅樓夢, 水滸傳, 三國志, 施公案 и др.

[2] 祝秀俠.

[3] 新興文學批評觀的一斑.

Эта статья дает нам богатый материал для суждения о постановке литературной пролетарской критики в Китае в наши дни.

Ставя задачу создания новой критики, автор говорит, что литературная критика XVIII и XIX веков была критикой индивидуалистической, критикой романтиков или классиков и представляла собой вкусы аристократии и буржуазии.

— «В нашу же эпоху, — говорит он, — когда буржуазия гибнет, а пролетариат подымается, строя великое общечеловеческое дело, и литература и литературная критика должны итти вперед, отбрасывая старые одежды.

— «Каждый класс строил свою культуру в процессе своего создания. Свою културу и литературу строит и пролетариат, и они являются выражением его классовой борьбы. Литература есть составная часть культуры, а литературная критика способствует развитию литературы. Вместе с тем она стоят на утилитарной классовой позиции и способствует использованию того, что нужно из искусства прошлого, организуя в этом направлении силы писателей.

— «Вместе с рождением новой пролетарской литературы рождается и необходимая новая критика, которая есть критика марксистская, которая есть критика научная и материалистическая, ничего общего не имеющая с прежней индивидуалистической импрессионистической критикой». Указывая на таких критиков, как Луначарский, Воронский, и др, разбирая их и критикуя, автор указывает, что кроме них есть много и других деятелей марксизма, не исключительно занимающихся литературой, но указания которых по литературе должны войти в фундамент новой пролетарской критики. Сюда он относит статьи Ленина о литературе и Бухарина. На этом базисе строится новая литературная критика Китая, задачи которой разбиваются на 4 отдела: 1. Какова должна быть международная критика. 2. В чем задача новой критики. 3. Каков объект критики. 4. Каковы методы новой литературной критики. По вопросам о том, какова должна быть новая литературная критика, автор говорит, что коль скоро литература есть продукт определенного художника, определенной эпохи и среды, коль скоро он имеет связь, тесную связь и с обществом, и с классом, и с экономикой, то, естественно, что она отображает в своих произведениях общественные тенденции и классовую психологию. Отсюда вытекает, что и критик должен исследовать литературу с общественной стороны, изучить

эпоху, политическое состояние общества данной эпохи и критиковать, исходя из классовой точки зрения, определяя, из какого класса происходит данная литература, из какой классовой группы. Вместе с тем нужно анализировать и психологию класса, к которому принадлежит автор. Нужно выяснить, что диктовало ему появление данного произведения, и только тогда можно установить общественный смысл произведения.

— «Поскольку литература есть произведение общества, — говорит автор, — то и подходить к нему следует с социологической точки зрения».

— «Критика имеет свои обязанности перед писателем, но имеет их и перед читателями. Критика должна рекомендовать и объяснить читателям литературное произведение, а отсюда ясна и ее воспитательная роль. Она должна говорить с пролетарских позиций».

В чем задача новой литературной критики? На этот вопрос автор отвечает так:

— «Кроме анализа, критика должна определить ценность литературного произведения. Нельзя забывать, что критик — это творец, это — боец за дело пролетариата и, следовательно, задача новой литературной критики — это помогать новому пролетарскому литературному движению.»

По вопросу об объекте новой литературной критики автор указывает, что необходимо использовать из старого наследия искусства все силы, помогающие новому, и отбросить то, что вредит новой организации. Нужно помогать движению и завершению новой литературы, определяя правильное направление этого движения.

Что же касается методов новой литературной критики, то они направляются как на вскрытие содержания, так и на формы произведения. В содержании вскрываются общественные тенденции, связь с определенными общественными группами и определяется ценность произведения в зависимости от помощи, оказываемой пролетарскому движению.

Что же касается формы, которая определяется содержанием, то новое содержание имеет и новую форму. Форма и содержание связаны друг с другом. И критика должна показать читателю наиболее яркие образы, извлекая из произведения отраженные в новой форме возможности, но в то же время показывая и эстетические ошибки формы».

Таковы в общих чертах взгляды на пролетарскую литературную критику Китая.

Из постановлений и деклараций левого блока мы видим ту классовую линию, которой придерживается движение «за пролетарскую литературу», и мы знаем также те задачи, которые ставит китайская секция МОРП'а[1] перед китайской пролетарской литературой. Перед пролетарским литературным движением Китая стоит задача:

1. Развить работы с рабкорами и начинающими писателями из рабочих с тем, чтобы превратить пролетарское литературное движение в массовое рабочее движение.

2. Популяризировать пролетарскую литературу, добиваясь все большего влияния ее на массы.

3. Усилить борьбу с так называемой национальной литературой и другими реакционными явлениями.

4. Укрепить свои журналы и организации, обеспечить должным коммунистическим руководством, особенно в области литературной теории и критики, непримиримо борясь со всеми видами произведений ликвидаторского характера, с ликвидаторством, особенно опасным в данный момент, и с левым фразерством.

5. В своих произведениях и журналах усилить антиимпериалистическую пропаганду, пропаганду аграрной революции, дать освещение жизни советских районов, Красной армии, партизанского движения и т. д.

6. Оформиться как китайская секция МОРП'а. Должна быть усилена информация о китайском пролетарском литературном движении в международном масштабе.

7. Развить селькоровскую сеть в крестьянских районах, особенно в советских, выдвигая начинающих писателей из крестьян.

В ответ на укрепление движения «за пролетарскую литературу» в Китае Гоминьдан усилил репрессии, учитывая политические стороны борьбы левого блока.

Эта борьба против революционных писателей включала в себе все методы, начиная от цензуры и кончая расстрелом. По этому поводу можно привести выдержку из декларации китайских писателей левого блока в связи с убийством целой группы революционных писателей.

— «Товарищи! Гоминьдан в своем стремлении раздавить движение за революционную культуру самым низким и самым подлым способом убил нескольких революционных писателей.

[1] Международное объединение революционных писателей.

Товарищи Ли Вэй-сэнь, Жоу-ши, Ху Е-бинь, Инь Фу и Фын Гэн 7 февраля были тайным образом частью зарыты живыми, частью же расстреляны в помещении штаба охранных войск в Лун-Хуа (в Шанхае).

Гоминьдан еще до убийства наших революционных писателей всячески притеснял движение за революционную литературу, запрещал печатать, арестовывал писателей, опечатывал магазины; в то же время нанимал всякий сброд, шпиков, литературные подонки, организуя движение за литературу трех принципов[1] — за литературу националистическую, думая, что таким образом можно уничтожить революционное движение левого крыла. Но это было безрезультатным. Тогда убивают наших писателей, но и это оказывается безрезультатным, потому что движение за пролетарскую революционную литературу соединено воедино с революционным движением трудящихся масс, соединено с движением за советскую власть.

Но разве может Гоминьдан уничтожить советское движение революционных масс? Убийство наших писателей только подтверждает, как велики силы нашего литературного движения, которое составляет часть революционного движения».

Но никакие репрессии не могли остановить ту большую политическую работу, которую вели революционные писатели. Мы имеем более 80 человек членов левого блока, которые, стоя на позициях литературы, как классового орудия, подымают свой голос и по поводу белого террора и по поводу маньчжурских событий, демонстрируя силы класса, представителями которого в литературе они являются.

В связи с современным этапом развития революционного движения в Китае в стадии борьбы за советы, в Китае существуют две литературы — буржуазная со всеми ее модификациями и другая — пролетарская.

В период ожесточенной классовой борьбы чрезвычайно показательны те мотивы, которые характерны для каждой из этих литератур.

Если мы обратимся к произведениям современной буржуазной литературы, то основным мотивом будет: «лишний человек», «психоанализ по Фрейду», «сексуальные проблемы буржуазного общества», «национальный шовинизм», «беззубый протест против колониального состояния», «призыв назад к древности», «стремление к надмирности», «проблема сверх-человека», «воспевание дворянских гнезд» древнего Китая, «ура-патриотизм» и травля революционного движения.

1 Три принципа сунятсенизма: национализм, демократизм и социализм.

Если мы просмотрим произведения пролетарской литературы Китая, основным мотивом являются анти-гоминьдановские памфлеты, «фабричная жизнь», «милитаристы и их произвол», «советские районы», «освобожденная трудовая женщина», «революционный энтузиазм», «белый террор», «империалисты и интервенция», «быт рабочих и крестьян», «грядущая социалистическая революция», «советский Союз и его жизнь», «классовая борьба» и т. д.

Одно сравнение, хотя бы в отрывках, той и другой литературы в достаточной степени выявляет то, что было так верно подмечено китайскими писателями и критиками левого блока — это сходящий со сцены буржуазный класс и растущий и крепнущий пролетариат.

Буржуазная писательница Бин-Синь[1] в своем рассказе «Былое» пишет:

— . . .«Дерево моей короткой жизни по сукам постепенно подсекается, и круглые листья накапливаются на лугу моей юности. Я собираю их один за другим, смотрю, тая слезы, смотрю, тая улыбку...

Первый сочный лист — это море. К западу от моря, к востоку от гор — там дерево моей жизни пустило ростки, впитывая горный ветер и морские волны... На этом листе узоры бесчисленных радостей, узоры детского веселья, узоры покоя... Брось его, не вспоминай...

Второй сочный лист — это зеленая тень. На этом листе тайные цветы жизни, вспыхивая, являются от этой тени зеленой. Сочно-красные, бледно-белые, невыразимые... Вечерние тени, тени утреннего тумана, отсветы мерцающих звезд, зеленые тени у оранжерей в лунные ночи ...Благодарю эти извивные горы, они дали мне много мыслей.

Третий сочный лист — не море, не зеленая тень, не знаю что... Если жизнь не имеет вкуса, я не хочу грядущей жизни. Если жизнь имеет вкус — довольно и этой жизни».

— «. . . — жду, . . . жду, . . . а мать все не возращается.

Мамка у лампы мигает усталыми сонными глазами: Говорит:

— Будет тебе спрашивать меня... Пойди наверх, посмотри с балкона... если в горах покажется два красных фонаря — значит мама скоро придет...

Поверив, я открываю дверь, выхожу, и в темноте поднимаюсь наверх... взглянуть, есть ли что новое. Обхожу балкон — прямо передо мной черное море и мигающий маяк...

[1] 冰心女士.

Я считаю вспышки огня, считаю до восемнадцати. И я сомневаюсь в неизведанной судьбе?

Жизнь человеческая! Миганье маяка в море... Огонь судьбы зажегся, свет любви дважды сверкнул красным огнем из гор...»

Другой буржуазный декадент — Юй-Да-Фу[1] в своем рассказе «Водоворот» дает следующие строки:

— «Когда служанка вышла, он встал и раздвинул бумажное окно — и снаружи ворвался свежий воздух... Море в заливе спокойно колыхалось перед ним. И морские волны бежали одна за другой под легким ветерком, отсвечивая в лучах солнца золотой рыбьей чешуей. Он взглянул на запад—солнце было почти над горизонтом. В мыслях он никак не мог расстаться с этой девушкой. Аромат ее тела, ее рта... неотстанная дума. И он понял, что все его поэтическое настроение было фальшивым, реальным же были лишь мысли о ее теле...»

Терзаемый внутренним разладом перед смертью, герой говорит: «родина, о родина! Скорее окрепни и разбогатей. Сколько еще у тебя детей твоих страждущих».

Не менее характерно и такое место из рассказа «Холодный пепел» того же писателя.

— «В короткий зимний день, к шести часам улицы города приобретали совершенно ночной колорит. На самой оживленной главной улице, по обеим сторонам, в лавках зажигалось электричество, и хозяева, чавкая набитыми после ужина ртами, истуканами стояли у прилавков, глазея на прохожих. Когда проходила женщина, они начинали перешептываться и хихикать. Впервые приехавшие из деревни, держа в руках чубуки, медленно шагали по узкой улице, глазея по сторонам. Со звоном мчались рикши, крича уступить дорогу, ругаясь и рискуя задавить... И если в коляске сидела женщина или гетера, они кричали еще громче, бежали еще быстрее, увы, для них кроме этого удовольствия, оставались только многочисленные публичные дома...

В узких, кривых переулках квартала чайных домов, где как-раз в это время скоплялись рикши, в пепельно-желтых лучах света появлялись оживленные тени... И когда посыльные из ресторана приносили узенькие пригласительные записки, все эти утоляющие, согласные, живые будды

[1] 郁達夫.

превращались в блестящих женщин, садились на рикш и улетали на приглашение.

На улицах квартала ресторанов по обеим сторонам стояло несколько сбитых в кучу рикш, воздух наполнял аромат поджаренного в масле мяса и рыбы, и он увлекал гуляк-буржуа, которые направлялись пить вино и сидеть с девицами. В окнах некоторых ресторанов просвечивали силуэты мужчин и женщин, и тоскливые звуки флейт и хуцинь вместе со звонкими голосами раздавались в холодном пепельно-желтом воздухе».

Усталость, разочарованность и ипохондрия характерны почти для всех современных буржуазных писателей. Таков писатель Ни И-дэ[1] с его рассказом «Возвращение на родину»:

— «... Ты можешь итти по этой дороге, ибо там есть колокол, который звонит в полночь и в сумерки... Услышавший звуки его, забывает о прошлом. Эти звуки гасят несбывшиеся надежды, и все мирское становится миражем, небытием, как дым голубой...».

Или с его рассказом «Думы осенней ночью».

— «... И действительно, что в человеческой жизни не является химерой... До конца рассуждая, кто из нас с момента рождения и до смерти не бывает одинок, не идет своим пустынным путем... Счастье и горе в сущности едины, едины, когда они в прошлом,—где тогда различие между ними? Вот веселое сборище, когда действительно ощущается веселая молодая радость, полностью; но когда вино опустело в чашах, разве не идет каждый своей дорогой?... О, что любовь, что деньги!..

Все в человеческой жизни фальшиво, и только холодное одиночество таит подлинный вкус этой жизни...»

И, наконец, его рассказ «Письмо из деревни»:

— «... В желтые сумерки или ночью в позднюю осень, когда мир молчит, если ты один в пустынной комнате вдруг услышишь из далекого храма доносящийся звон колокола, ты ощутишь грани странного, и сердце твое погрузится в звуки этого колокола. Хуан-Чжун-цзэ, гениальный и несчастный поэт, когда-то описал это чувство.

«За двадцать лет испытанная скорбь единым звуком колокола в горном храме развеяна...»

[1] 倪貽德.

Да, воздействие звона колокола древнего храма на людей именно в этом ощущении. Помню, как я в тот год одиноко ночевал на террасе Чжао-Дань, на террасе «Озаренного сердца» и в ночи услыхал вечерний звон, доносившийся из приозерного храма Чистого Милосердия. И я почувствовал свою иллюзорность, словно я стал прозрачным облаком или престарелым монахом; и я и все вокруг ушло в небытие, остался лишь мир прозрачной пустоты...»

У него же в рассказе «Вечерний дождь на реке Цинь-Хуай» мы находим характернейшие строки:

— «Я пишу... потому что я недоволен страданиями в реальном и я хочу в мире искусства воздвигнуть воздушные замки, я молю мою воображаемую возлюбленную утешить меня в одиночестве моем... Реальное общество это — клетка, из которой трудно вылететь, — это тюрьма, воспрещающая мыслить... Но в райском саду искусства — там легка свобода... Из народов мира любой может совершать туда полет, чтобы радоваться и наслаждаться...».

Таких примеров можно было бы привести тысячи. Ограничимся хотя бы такой цитатой из произведения Юй-да-фу «Лишний»:

«... Вспоминая, я чувствую, как длинна моя жизнь за двадцать с лишним лет... Чего я еще не сделал?.. Детей родил, жену имею, книги читал, несколько раз выдерживал экзамены; плакать — плакал, смеялся тоже. Развратничал, азартничал, гневался, бывал обманут... все попробовал. Чего я еще не сделал... Постой, дай мне подумать, есть ли что-либо, чего я еще не испытал... Умирать — не умирал... да, еще радости отомщения врагам я не знал. И еще не сидел в тюрьме. Увы, но ведь, если и это я испытаю, что останется тогда... Пустота...»

Если в противовес всем этим буржуазным писателям мы возьмем произведения китайской пролетарской литературы, то бьет в глаза полная противоположность буржуазному унынию и растерянности. В качестве примера можно взять хотя бы такое произведение пролетарской писательницы Фын-Гэн как «Красный дневник».[1] Фын-Гэн была расстреляна Нанкинским правительством за свое участие в советском движении. Но оставшиеся от нее произведения, учитывая некоторые ее погрешности — ее

[1] 馮鏗·紅日記·

интеллигентский сентиментализм, тем не менее представляют образец современной пролетарской литературы.

Ниже привожу несколько слов из этого ее произведения:[1]

28 мая.

«Отрываю плотную обложку с отпечатанными на ней разными там проклятыми «Завещанием», «Портретом»[2] — отрываю половину, уже замаранную тушью, — и дневник сразу превращается в начисто белую тетрадь, с разметкой дней.

Прекрасно! Я тотчас хватаю самопишущее перо с потертым наконечником и на первом листе вывожу два крупных слова: «Красный дневник», а внизу наискось подписываю свое имя: Ма Ин.

Хо-хо! Ты будешь мне хорошим другом!

Вместе с этим ружьем, которое для меня что жизнь, еда и кал — все связано вместе!

Хо-хо! Милый! Мой любовник и мой ребенок! А разве не так? Раз это ружье тяжелой силой и огненной страстью властвующее над человеком давно уже стало мне любовником, так разве не ребенок для меня этот белый дневник, который сохранит мои слова, обращенные к нему?

А лучше не говорить этих пышных слов!

Какой там любовник, какой ребенок? Смотри!

Мы отряд огня и железа, мы — мозг Красной Армии; в глазах у нас только одно: брызжа свежей кровью с давящим с правящим классом схватиться на жизнь или смерть: Эх, веселая жизнь! часа в три утра, не пролив напрасно ни капли крови, мы забрали этот город Цзочэн.

Наши глотки онемели от крика, распухли в конец. Через день на общем митинге, ничего не поделать, опять придется, будет надо, надрываясь до смерти, говорить речи.

Омертвелый город Цзочэн надо раскачать криками пожарче, — так стоит ли считаться с тем, что глотки болят!! Важно только одно — пусть крик будет резким, как разрезаемое стекло! Все мы от радости прямо помираем. Товарищ комполка хохочет и отплясывает, хватаясь за ящики с патронами, которые нам так нужны. Его усы прижимаются к ним и мне все кажется, что он хочет с ними целоваться.

А наши крестьяне-красногвардейцы притопывают, тыкают пальцами и в нетерпении кричат перед солью, холстом и другими вещами, которые заранее были припрятаны в этом городе. Но они все товарищи, они слушаются приказов представителя партии, они не смеют самовольничать с тем, во что тыкают пальцами, — и ждут дележа комитетом. А когда подходит товарищ,

[1] Полный перевод см. в журнале «Залп», 1932, № 5.

[2] Портрет Сунятсена и его последнее завещание, усердно рекламируемые Гоминьданом, вплоть до помещения их на обложках школьных тетрадей.

который давно уже, тайно пробравшись в город, вел работу, раскачивающийся большеносый комиссар — представитель партии, подскочив к нему, заключает его в бешеные объятия, и такого хохота мы никогда в обычное время от него не слыхали...

Несколько молодых товарищей из города, не привыкших к красным нашивкам, бегут впереди, а за ними следом идет наша ячейка — всего семь человек — обыскивать дома богачей. Часть их давно бежала, часть была захвачена, и наша обязанность только скучная регистрация всех припасов, которые можно раздать массам. Один из товарищей вытаскивает из ящика стола этот дневник и говорит:

— Разорвать его! Ни к чему не пригодная штука!

— Нет! Все, что можно использовать, мы сохраняем... мне как-раз нужна бумага записывать!

Тогда он, смеясь, передает мне.

Наверное какой-нибудь проклятый помещичьий сынок пользовался; только взглянула на два-три оторванных листа и прямо померла от смеха — какая вся никчемная жизнь! Записана целая груда чепухи, но о сегодняшней большой битве не сказано ни слова. Тоже неудивительно, — я сама люблю царапать, что попало, но у нас за десять слишком дней не было ни минуты времени, чтобы спокойно писать, да и не найти было ни обрывка чистой бумаги — и вот сейчас как-раз пишу. В будущем несколько дней найдется, так что можно будет написать побольше!

... Они все храпят, любимые товарищи и ребята! Ладно, можно и мне прилечь! По правде сказать здорово устала. Забираю ружье и дневник и укладываюсь спать!

Какое сверкающее замечательное небо!

Сегодня вечером мы спим в притворе храма Конфуция в городе Цзочэне. Сегодня впервые не услышишь запаха горных трав и земли!

Да, надо еще записать, что и на этот раз военный план комиссара осуществился. Пять дней тому назад на горе К. он нам сказал, что мы проведем собрание, посвященное 30 мая, в городе Цзочэне.»

Таких иллюстраций литературных произведений представителей левого фронта можно было бы привести весьма много. Особо следует упомянуть двух писателей левого блока — Ху Е-бинь и Жоу Ши,[1] казненных одновременно с Фын Гэн. Жоу Ши пробовал свое перо преимущественно в области поэзии и является переводчиком советской литературы. Им переведены: М. Горький «Дело Артамоновых» и А. Луначарский «Фауст и город».

[1] 胡也頻 и 柔石.

Из его оригинальных поэтических произведений отличается революционная поэма «Кровь кипит»,[1] помещенная в траурном номере журнала «Аванпост»,[2] посвященном пятерым расстрелянным писателям, членам «левого блока» и которая начинается следующими строфами:

«Кровь кипит, сердце горит
в эту ночь террора
он убит...
он убит в эту ночь
белого террора...
С ним было пятеро —
они составляли ряд,
с ним было пятьсот —
они составляли отряд,
с ним бесконечные тысячи —
мировой пролетариат...
...и знамя советов реет на горных хребтах всей страны!

Писатель Ху-Е-бинь создал чрезвычайно интересное произведение «Сожительство»,[3] в котором освещается проблема брака в советских районах Китая и дается ряд жанровых зарисовок из быта советского Китая. В этом рассказе мы видим, как под влиянием развертывающейся революции меняется феодальный взгляд китайских крестьян на женщин и как по-новому строится жизнь на территории советов.

СОЖИТЕЛЬСТВО

Здесь у нас провинциальный город. Люди, которые здесь живут (за исключением нескольких помещиков, которые едят мясо), все крестьяне и круглые месяцы и годы едят только овощи. Крестьянская жизнь и горька и проста как у буйвола, который до пота работает в поле. Однако, теперь здесь совсем не то. Прежние озабоченные люди превратились в веселых и хлопотливых А еще более веселы и хлопотливы женщины. Ведь раньше они без передышки во всех бедных домах возились над пищей, стиркой, кормили ребят и свиней, и, как заключенные в тюрьме, не видели для себя света; теперь же они — как птицы, взлетевшие на воздух. Их жизнь свободна, их не притесняют, на них не взваливают всего. А кроме того они не трепещут перед мужьями. Они могут

[1] 血在沸.
[2] 前哨 —от 25 сентября 1931 г., № 1, вып. 1.
[3] 同居.

по собственной воле связывать свою жизнь с мужчинами. Они могут так же свободно с каким-нибудь товарищем обратиться в уездный совет, записаться и начать подходящую жизнь. Дети, которые у них родятся, воспитываются сообща и незачем заботиться о них только одним женщинам.

Была здесь у нас одна женщина, жена Ван Да-бао — надо сказать, что у нее сейчас свое собственное имя. Зовут ее У-да-це, и в этом году ей минуло двадцать пять лет. В четырнадцать лет родители выдали ее замуж за Ван да-бао. Телом она похожа на мужчину, так же крепка, а на плечах может вынести коромысло воды

Лицо ее, сожженное солнцем энергично. Волосы свои по обыкновению свертывает в узел и втыкает в него красный цветок. Раньше она тоже была скована железным замком семьи, теперь же свободна и несет общественную работу — она член пахотного комитета и в то же время она успешная ученица в ленинской школе I-й ступени: она умеет читать газету, читать объявления, читать документы и разные записки и даже может зарисовать карандашем как сражается Красная армия.

Ее муж делал успехи вместе с ней. Раньше Ван да-бао ничего не понимал, и все его знание заключалось в том, что он знал, когда нужно сеять и когда жать, а теперь он уже разбирает, что такое «материализм», что такое «реакция» и что такое «революция». Он работает сейчас в земельном комитете и работает необычайно хорошо, и усердно. Это — человек прямой, как большинство наших крестьян здесь, и не умеет хитрить. С женой он обращался очень не плохо и жена в свою очередь обходилась с ним хорошо. Однако оба они чувствовали, что что-то у них не ладится. Уда-це чувствовала, что Ван Да-бао во многом с ней не сходится. Например: ей нравилось разводить баранов, а Ван Да-бао этого не любил; Ван Да-бао нравилось разводить свиней, а ей не нравились свиньи — и они часто из-за этих мелочей спорили.

Теперь, хотя Ван Да-бао во всем с ней соглашался и не рассуждал о кормлении свиней, однако они по-прежнему чувствовали, что их взаимные вкусы не сходятся, при чем понимали, что это вовсе не вопрос о баранах и свиньях — а вопрос характера.

И вот однажды, вернувшись из пахотного комитета, она заявила — «Ван Да-бао, я хочу тебе кое-что сказать». Он, полагая что это касается пахотного комитета, или же побед Красной армии, весьма весело ответил — «Пожалуйста, говори». «Мой разговор прямой» — начала она — «за десять лет ты обращался со мной не плохо. Конечно, ты тоже знаешь, что я обращалась, тоже нельзя сказать, чтобы дурно. Ты меня кормил, а я для тебя работала не мало: во-первых я для тебя работала по дому, во-вторых, я для тебя родила двух сыновей а только сейчас я хочу с тобой разойтись и решила завтра записаться с тов. Чэнь-минем».

Ван Да-бао слушал остолбенело, и сердце колотилось; лицо его вдруг покраснело и стало серьезным. С трудом выталкивая слова, он заявил: «Этого

ты не можешь сделать». — «Почему не могу? Ты что же, все еще думаешь, что сейчас время помещиков. Ты не забывай, что сейчас Советское время. Следовало бы тебе разговаривать получше».

Слова ее были правильные, и Ван Да-бао не мог оспаривать. Поколебавшись, он вдруг вспомнил: — «А почему ты хочешь со мной разойтись?». — «Да тут не много причин» — ответила она и покраснела — «но только мне кажется, что с товарищем Чэнь-минем жить будет получше, чем с тобой. Советом это разрешено. Да ты не беспокойся. Если ты не можешь меня оставить, то мы в работе часто еще будем сталкиваться». Она весело вышла и торопливо стала собирать свои вещи. Ван Да-бао попрежнему остолбенело продолжал стоять о чем-то размышляя. Все время он глазами следил за ее спиной, раздумывая, что вот она сейчас уйдет от него, и чувствовал тяжесть. Он знал, что превращается в бобыля. Он подумывал о том, что если придется искать жену, то надо будет потратить много денег, а это было для него делом не легким, и он все время упирался в одну мысль — вот и превратился что называется, «в пустое коромысло». В эту ночь он не спал, хотя женщина лежала рядом с ним и все время говорила — «Спи. Когда посветлеет надо вставать на работу». Но он так и не заснул.

На второй день, закончив часть работы, он попросил на два часа отпуск и отправился разрешить этот вопрос в народный комитет. Председатель с желтой шапкой на голове сидел в приемной и что-то писал. Ван Да-бао подошел к нему как к знакомому и, протянув руку, заявил: — «Тов. Чжэн я сегодня пришел к тебе специально за советом». Председателю было года 24—25. Раньше он работал в Ухане маляром, а в революцию 25—27 гг. был пикетчиком. Хотя он и прошел через вооруженные стычки с войсками реакции, а потом работал в молодежной организации, на этот раз он был выбран председателем совета. «Здравствуй» сказал он поднявшись — «давай побеседуем»... и когда он пожимал руку, на лице его показалась забавная улыбка, а углы рта сморщились, как у человека, курящего папиросу. — «У меня есть дело», продолжая, сказал Ван Да-бао. «Тов. Чжэн, есть у тебя свободное время? Ты меня, наверно, помнишь — я работаю в земельном комитете, зовут меня Ван Да-бао, Когда-то я с тобой беседовал раза два относительно моей работы». Председатель снова с силой пожал его руку и дружески улыбнулся: «Верно, тов. Ван, мы виделись. Какое же у тебя дело»? — «Есть кое-что, мое личное дело, а только имеет отношение к совету. Я так полагаю, что имеет отношение... попросту говоря, моя жена хочет от меня уйти». — «А, теперь таких дел очень много» — сказал, смеясь председатель. «Это очень хороший признак». — «Правильно, это очень хороший признак, да только мне очень тяжело». — «Почему же?» — «Я с моей женой женат 10 лет. Родил двух сыновей. Старшему — 8, младшему 4. Между нами все хорошо, плохо только с моим характером, да, ведь, в нашей деревне больше чем у половины такой же недостаток; она поэтому вероятно со мной не сошлась и хочет расходиться». Председатель улыбаясь, слушал.

«Понятно» продолжал Ван Да-бао — «с революционной точки зрения я это одобряю, а с моей — не хочу». «А нужно с революционной, тогда будет правильно» — улыбаясь сказал председатель. — «Это правильно, а только я тебе вот что скажу — добыть жену, дело не легкое, с первоначалу, когда я добывал эту жену, я потратил больше 100 рублей, и почти всего себя очистил. Ведь у нас здесь добывают жен все больше из бедных домов, а сейчас у меня нет таких денег, а потом голый парень — дело плохое». — Ну, так чтож ты думаешь?» — спросил председатель. — «У меня два условия» говорил Ван Дабао — во-первых, лучше всего пусть она от меня не уходит, потому, — я обращаюсь с ней не плохо, а второе, если она хочет все-таки уйти от меня, так пусть заплатит издержки, которые я платил когда ее брал». Председатель засмеялся, встал и, положив руку ему на плечо, по дружески сказал: «Тов. Ван, я тебе вот что могу ответить на твои два условия — наш совет не знает таких условий». Ван Да-бао задумался. «У нас женщины по настоящему свободны» — продолжал председатель — «Записаться, это их воля, издержек они никаких не несут. Думаю, что ты это знаешь. Это все хорошо, это все то, чего нет у контрреволюции». — «Я знаю» безнадежно заявил Ван Да-бао. «За таким советом, как твой, я не пришел бы тебя просить. Я хочу чтобы ты дал мне настоящий совет». Председатель все так же откровенно и так же улыбаясь, братски хлопнул его по плечу — «Ладно», — сказал он — «ты не торопись. Сейчас дам тебе хороший совет, гарантирую тебе именем Совета, что самое большее через месяц ты сумеешь себе найти свою милую»... Когда дошло до слова «милую» — оба расхохотались. Председатель продолжал — «Порвать просто с женой и найти кого любишь таких дел у нас в совете сколько хочешь. За неделю я могу тебе вытащить сто с лишком дел, думаю, что ты конечно, сам видел, а по меньшей мере слыхал. У нас здесь постоянно бывают такие дела». Ван Да-бао, слушая, кивал головой. «Ладно, относительно тебя, я думаю так решить. Твоя жена хочет от тебя уйти, тут ничего не поделать, потому что на революционной советской земле никто не может ей запретить, но я могу тебе сказать, что если она не захочет вернуться, а ты в течение месяца не найдешь себе человека по сердцу и если ты опять поднимешь разговор о том, что за деньги захочешь раздобыть себе жену, то я, как председатель, выплачу тебе прежние издержки. Ну тов. Ван, с чем ты еще не согласен?» — «Ни с чем» — радостно ответил Ван Да-бао — «это все правильно, что ты сказал тов. председатель. Правила женитьбы у нас здесь революционные и новые порядки тоже хорошие, а только я тебе вот что скажу — видом я не больно красив. У меня лицо рябое, — боюсь, что женщинам не легко понравиться». — «Это не имеет отношения» ответил председатель, «чтоб красивое лицо нравилось, это все старо, советские люди так думать не должны, так думают буржуазия и помещики. Советские люди революционным порядком должны это понимать, а потому у нас здесь, я полагаю, таких мыслей не существует. Сейчас вопрос вот в чем: ты как сейчас работаешь в земельном комитете?». — «Ты, чтоже, спрашиваешь,

хорошо я работаю, или плохо?» — «Верно, это самое важное» говорит председатель. — «Тов. Чжэн, я тебе скажу не стесняясь, я делаю все, что прикажет революция, и хотя я не учен, но если мне дают работу, я делаю хорошо, а кроме того я учусь стрелять в цель — готовлюсь поступить в Красную армию». Председатель довольно улыбнулся. «Этого достаточно тов. Ван, я ручаюсь, что не пройдет и месяца, и тебя полюбит какая-нибудь очень хорошая женщина». Ван Да-бао внезапно заулыбался. «Ну, что еще есть?», сказал председатель опять похлопав его по плечу. «Больше ничего, это все». «Ну, ладно, тов. Ван, подожди, посмотрим. Нужно мне будет платить или нет». Оба довольные пожали руки и Ван Да-бао вышел из совета.

Через три недели он прислал председателю письмо. «Товарищ председатель Чжэн, во-первых говорю тебе, что ты не должен платить, во-вторых, все что ты говорил — правильно, а в-третьих, я только-что расписался с одним товарищем — женщиной. Чувствую, что эта получше той. Думаю начать новую жизнь. А еще скажу, спасибо тебе. А платить тебе мне не нужно.

С революционным приветом Ван Да-бао»

10 августа

В противоположность растерянности и ипохондрии литературы буржуазной, произведения писателей левого блока насыщены здоровым энтузиазмом, едкой политической сатирой, оптимизмом, черпающим свою силу в классе, который вырвал из рук буржуазии дело осуществления китайской революции.

В настоящей статье далеко не полно освещается вопрос китайской литературы, вставшей на пролетарскую позицию.

Здесь освещен в пределах имеющихся материалов только момент классовой борьбы в литературном лагере, связанный с расслоением, с образованием ядра новых писателей, которые связали свою деятельность с этапом революционной борьбы за Советы, за красный Китай.

В задачу литературоведческих работ по новейшей литературе Китая входит дальнейшее планомерное изучение создавшейся пролетарской литературы Китая в первую очередь.

Цена 2 руб.
